

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Постдемократия. Колин Крауч

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Первое издание «Постдемократии» увидело свет в английской и итальянской версиях в 2004 году. С тех пор книга была переведена на испанский, хорватский, греческий, немецкий, японский и корейский языки. И я рад, что теперь она переведена еще и на русский язык, который полвека тому назад я учил в школе и который я всегда любил.

Не могу сказать, что моя книга где-то стала «бестселлером», но для того, кто обычно пишет академические книги, которые не привлекают внимания нигде, кроме академических журналов, непривычно, когда его книга удостоивается внимания средств массовой информации и политических комментаторов. Это как-то случилось преимущественно немецкого, итальянского, английского и японского изданий. Это не стало для меня неожиданностью и казалось вполне объяснимым: идея постдемократии ориентирована на страны, где демократические институты глубоко укоренены, население, возможно, пресытилось ими, а элиты ловко научились ими манипулировать.

Под постдемократией понималась система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казались, оставались на своем месте. Это было обусловлено несколькими причинами: изменениями в классовой структуре постиндустриального общества, которые порождают множество профессиональных групп, которые, в отличие от промышленных рабочих, крестьян, государственных служащих и мелких предпринимателей, так и не создали собственных автономных организаций для выражения своих политических интересов.

Огромной концентрацией власти и богатства в многонациональных корпорациях, которые способны оказывать политическое влияние, не прибегая к участию в демократических процессах, хотя они и имеют огромные ресурсы для того, чтобы в случае необходимости попытаться манипулировать общественным мнением.

И – под действием обеих этих сил – сближением политического класса с представителями корпораций и возникновением единой элиты, необычайно далекой от нужд простых людей, особенно принимая во внимание возрастающее в XXI веке неравенство.

Я не утверждал, что мы, жители сложившихся демократий и богатых постиндустриальных экономик Западной Европы и США, уже вступили в состояние постдемократии. Наши политические системы все еще способны порождать массовые движения, которые, опровергая красивые планы партийных стратегов и медиаконсультантов, тормозят политический класс и привлекают его внимание к своим проблемам. Феминистское и экологическое движение служат главными свидетельствами наличия такой способности. Я пытался предупредить, что, если не появятся другие группы, способных вдохнуть в систему новую жизнь и породить автономную массовую политику, мы придем к постдемократии.

Даже когда я говорил о грядущем постдемократическом обществе, я не имел в виду, что общества перестанут быть демократическими, иначе я бы говорил о недемократических, а не о постдемократических обществах. Я использовал приставку «пост-» точно так же, как она используется в словах «постиндустриальный» или «постсовременный». Постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно так же постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Но энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, – к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии.

Поэтому я был несколько удивлен, когда моя книга была переведена на испанский, хорватский, греческий и корейский. Демократии в Испании всего четверть века от роду, и кажется, что она там вполне процветает и имеет страстных сторонников как из числа левых, так и из числа правых. То же,

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
казалось, можно было сказать и о Греции с Кореей, хотя обе эти страны имели непростой опыт политической коррупции. Надо ли считать постдемократию реальным явлением в этих странах? С другой стороны, испаноязычные страны Южной Америки и Хорватия, казалось, имели не слишком большой опыт демократии. Если люди ощущали, что с их политическими системами что-то было не так, то были ли это проблемы пост-демократии или же это были проблемы самой демократии?

Схожие вопросы возникают и в связи с русским изданием. Разворачиваются ли в этих новых демократиях острые политические конфликты с широким участием масс, которые ограничиваются необходимо-стью не выходить за пределы демократии? Или они уже перешли к состоянию, когда единая политико-экономическая элита устранилась от активного взаимодействия с народом? Русским демократам всегда было сложно бороться с теми, кто обладал огромным богатством и властью, – царской аристократией, аппаратчиками советской эпохи или современными олигархами. Значит ли это, что страна скатится к постдемократии, так и не узнав, что такое настоящая демократия? Или демократия все еще переживает становление, а борьба между ней и старым режимом далека от завершения? Сочтут ли российские читатели мою небольшую книгу чем-то, что имеет отношение к их собственному обществу, или они увидят в ней повествование о проблемах политических систем Запада?

Колин Крауч

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга постепенно выросла из различных трех-возможных размышлений. К концу 1990-х в большинстве промышленно развитых стран стало ясно, что, какая бы партия ни находилась у власти, на нее постоянно будет оказываться давление со вполне определенной целью: проведения государственной политики в интересах богатых, то есть тех, кто выигрывает от ничем не ограниченной капиталистической экономики, а не тех, кто нуждается в некоторой защите от нее. Приход к власти левоцентристских партий почти во всех странах – членах Европейского Союза, который, как тогда казалось, открывал беспрецедентные возможности, не привел к сколько-нибудь значительным переменам к лучшему. Меня, как социолога, не устраивали объяснения этого со ссылками на измелчание политиков. Дело было в структурных силах: в политике не появилось ничего, что могло бы замкнуть собой тот вызов, который на протяжении XX века бросал интересам богатых и привилегированных организованный рабочий класс. Численное сокращение этого класса означало возвращение политики к некоему подобию того, чем она всегда была: чему-то, что служило интересам различных привилегированных слоев.

Примерно в это время Эндрю Гэмбл и Тони Райт попросили меня написать главу для книги о «новой социал-демократии», которую они готовили для журнала *The Political Quarterly* и Фабианского общества. Так что я развил эти мрачные мысли в статье «Парабола политики рабочего класса» (Crouch C. *The Parabola of Working Class Politics* // Gamble A., Wright T. (eds.). *The New Social Democracy*. Oxford: Blackwell, 1999. P. 69-83). Третья глава настоящей книги представляет собой расширенную версию этой статьи.

Как и многих других, в конце 1990-х меня также не устраивал характер нового политического класса, который сложился вокруг правительства новых лейбористов в Великобритании. На смену старым руководящим кругам в партии стали приходиться пересекająceся сети всевозможных советников, консультантов и лоббистов, представлявшие интересы корпораций, которые искали расположения со стороны правительства. Этот феномен ни в коей мере не ограничивался новыми лейбористами или Великобританией, но проявился в них наиболее ярко, по-тому что старое руководство Лейбористской партии в начале 1980-х было дискредитировано настолько, что на него уже можно было не обращать внимания.

Многое из того, что известно мне об устройстве политической жизни и ее связях с остальным обществом, я узнал от Алессандро Пизцорно, и когда Донателла Делла Порта, Маргарет Греко и Арпад Саколцай попросили меня написать для юбилейного сборника, который они готовили для Сандро, я воспользовался этой возможностью, чтобы развить эти мысли более строго. Получившаяся в результате статья (Crouch C. *Innorno ai partiti e ai movimenti, militanti, iscritti, professionisti e il mercato*//Porta D.D., Greco M., Szakokzai A. (eds.). *Identita, riconoscimento scambio: Saggi in onore di Alessandro Pizzorno*. Rome: Laterza, 2000. P. 135-150) с некоторыми

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
изменениями включена в виде главы IV в настоящую книгу.

Эти две различные темы – вакуум слева в массовом политическом участии из-за упадка рабочего класса и рост политического класса, связанного с остальным обществом по большей части только через деловые лобби, – явно были взаимосвязаны. Они также помогли объяснить то, что все большее число наблюдателей стало считать тревожными признаками слабости западных демократий. Возможно, мы вступили в эпоху постдемократии. Тогда я заинтересовался у фабианского общества, не было бы им любопытно обсудить этот феномен. Я разработал понятие пост-демократии, добавил обсуждение того, что казалось мне ключевым институтом, стоящим за этими переменами (глобальная компания), и некоторые идеи относительно того, как обеспокоенным гражданам следует ответить на эти трудности (краткие версии глав I, II и VI). Все это вылилось в брошюру «Как совладать с постдемократией» {Crouch C. Coping with Post-Democracy. Fabian Ideas 598. London: The Fabian Society, 2000}.

Эта небольшая работа привлекла определенное внимание и попала на глаза Джузеппе Латерца и его одноименного издательства. Ему захотелось опубликовать итальянскую версию этой работы в серии небольших книг по ключевым социальным и политическим вопросам, но он заметил, что готовая брошюра была адресована преимущественно британской читательской аудитории. Поэтому при написании своей новой книги (Crouch C. Postdemocrazia. Rome: Laterza, 2003) я решил обратиться к более широкому европейскому контексту, дополнив ее конкретными примерами.

И пока я занимался этим, меня заинтересовала новая тема: коммерциализация образования и других общественных услуг, которая происходила в Великобритании и многих других странах. Моя жена была тогда высокопоставленным чиновником в сфере образования в одном из британских графств. Я видел, как центральное правительство оказывало все более сильное давление на нее и на ее коллег по всей стране, требуя передачи части полномочий и школ частным компаниям и изменения самого понимания и устройства общеобразовательной системы, чтобы ее легко можно было передать таким компаниям и чтобы ею заведовали частные компании, а не государственные ведомства. По схожему сценарию развивались события и в системе здравоохранения и других сферах государства всеобщего благосостояния. Это вызывало серьезные вопросы относительно идеи гражданства в государстве всеобщего благосостояния. Общие вопросы и конкретные факты, связанные с системой образования, были рассмотрены мной в еще одной брошюре фабианского общества (Crouch C. Commercialization or Citizenship: Education Policy and the Future of Public Services. Fabian Ideas 606. London: The Fabian Society, 2003).

И хотя речь здесь шла о будущем государства всеобщего благосостояния, эти вопросы также были важны для обсуждения проблем демократии. Рост политического влияния глобальных компаний, вакуум слева вследствие упадка рабочего класса и то, как новый политический класс политических консультантов и лоббистов от бизнеса заполнял этот вакуум, помогали объяснить, почему социальная политика государства становилась все более одержимой идеей передачи работы частным подрядчикам. Эти споры также были частью споров о постдемократии и даже служили важным примером практических следствий постдемократии. Поэтому я включил основные общие рассуждения из своей брошюры «Коммерциализация или гражданство» в текст итальянского издания «Постдемократии».

Затем появилась возможность снова опубликовать этот расширенный текст брошюры о постдемократии по-английски в издательстве Polity, включив в него еще несколько дополнений, которые учитывали рекомендации рецензентов из издательства и результаты обсуждения итальянского издания. По утверждению некоторых комментаторов, в том числе Джулиано Амато и Микеле Сальвати, в своей книге я говорил не столько о проблемах демократии как таковой, сколько о проблемах социал-демократии. Ральф Дарендорф сделал схожее замечание, сказав, что я выступал с позиций эгалитарной, а не либеральной демократии. Я бы с этим поспорил. Когда в государствах со всеобщим гражданством избиратели оказываются оторванными от участия в общественной жизни и пассивно позволяют немногочисленным элитам ограничивать свое политическое участие, это представляет проблему для всех форм серьезной и принципиальной политики. В частности, то, что в экономическую политику правительства вмешиваются различные лобби, обладающие привилегированным политическим доступом к нему, заполняя тот вакуум, который возникает

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
вследствие этой пассивности, и разлагая рынки, в которые так верят
неолибералы, должно волновать последних не меньше, чем социал-демократов.

I. Почему постдемократия?

Вначале XXI века демократия оказалась в пара-доксальном положении. С одной стороны, мож-но сказать, что она переживает свой всемирно-исто-рический расцвет. В последнюю четверть века снача-ла Иберийский полуостров, а затем – и это особенно впечатляет – значительные части советской империи, Южная Африка, Южная Корея и некоторые страны Юго-Восточной Азии и, наконец, Латинской Амери-ки по крайней мере формально перешли к более или менее свободным и честным выборам. И государства, которые в настоящее время имеют подобные демокра-тические механизмы, больше, чем когда-либо преж-де. По данным исследовательского проекта под руко-водством Филиппа Шмиттера, посвященного изуче-нию демократии в мире, количество стран, в которых проводятся сравнительно свободные выборы, вырос-ло со 147 в 1988 году (накануне краха советской систе-мы) до 164 в 1995 году и 191 в 1999 году (Шмиттер, лич-ная беседа, октябрь 2002 года; см. также: Schmitter and Brooker, 1999). Если использовать более строгое опре-деление полноценных и свободных выборов, резуль-таты оказываются более двусмысленными: беспспор-ный спад с 65 до 43 в период с 1988 по 1995 год, а затем рост до 88 случаев.

Между тем в сложившихся демократиях Запад-ной Европы, Японии, Соединенных Штатов и других стран промышленно-развитого мира, где для оцен-ки его здоровья должны использоваться более тон-кие индикаторы, положение выглядит не столь опти-мистично.

Достаточно вспомнить президентские выборы 2000 года в Соединенных Штатах, где имелись почти непроверяемые свидетельства серьезных подтасовок результатов голосования во Флориде, приведшие к победе Джорджа Буша-младшего, брата губернато-ра штата. Помимо немногочисленных демонстраций чернокожих американцев, мало кто выразил недо-вольство фальсификацией демократического процес-са. Многие, по-видимому, считали, что достижение результата – не важно, какого – было необходимо для восстановления уверенности на фондовой бирже и что это было важнее установления того, каким было действительное решение большинства.

Или возьмем, например, недавний доклад, пред-ставленный Трехсторонней комиссии – элитарному органу, который сводит вместе ученых из Западной Европы, Японии и США: в нем был сделан вывод, что с демократией в этих странах не все так гладко, как может показаться на первый взгляд (Pharr and Putnam, 2000). Авторы рассматривали проблему преимущест-венно с точки зрения снижения способности полити-ков совершать решительные действия вследствие того, что их легитимность оказывалась все более сомни-тельной из-за снижения явки избирателей. Эта до-вольно элитистская позиция не позволила им прийти к выводу, что наличие политиков, не пользующихся большим доверием у общества, также может свиде-тельствовать о проблемах самого общества. Наобо-рот, по замечанию Патнэма, Фарра и Далтона (Putnam, Pharr and Dalton, 2000), растущая неудовлетворен-ность общества политикой и политиками может счи-таться свидетельством здоровья демократии: полити-чески зрелое, требовательное общество ждет от сво-их нынешних лидеров большего, чем от их почтенных предшественников. Мы еще не раз вернемся в этомо важному замечанию.

Демократия процветает тогда, когда простые люди имеют возможности для активного участия – посред-ством обсуждения и автономных организаций в формировании повестки дня общественной жизни и когда они активно использует такие возможности. Конечно, нельзя ожидать, что большинство будет самым живым образом участвовать в серьезном политическом обсуж-дении и формировании повестки дня, а не просто вы-ступать в качестве пассивных респондентов при про-ведении опросов общественного мнения и осознанно действовать в последующих политических событиях и действиях. Это идеальная модель, которой почти ни-когда невозможно достичь в полной мере, но, как и все недостижимые идеалы, она задает ориентир. Всегда ценно и полезно рассмотреть, насколько наше поведе-ние соотносится с идеалом, поскольку так мы можем попытаться его улучшить. Нам важно принять именно этот подход к демократии, а не более общий, который обтесывает идеал таким образом, чтобы он соответ-ствовал тому, чего мы легко можем достичь. Послед-ний подход ограничивается удовлетворенностью, са-мовосхвалением и нежеланием рассматривать то, как происходит ослабление демократии.

Вспомним работы американских политических ученых 1950-х – начала 1960-х годов, которые строили свое определение демократии так, чтобы оно соответствовало действительной практике в США и Британии, не учитывая изъяны в политическом устройстве этих двух стран (см., например: Almond and Verba, 1963). Это была идеология времен холодной войны, а не научный анализ. Схожий подход доминирует и в современной мысли. Под влиянием Соединенных Штатов демократия вновь все чаще определяется как либеральная демократия – исторически обусловленная форма, а не нормативный идеал (критику такого подхода см.: Даль, 2003; Schmitter, 2002). Здесь главной формой массового участия оказывается участие в выборах, широкая свобода для лоббистской деятельности, которой занимаются в основном бизнес-лобби, а политическая власть избегает вмешательства в капиталистическую экономику. Эту модель не слишком интересует широкое участие граждан или роль организаций, не связанных с бизнесом.

Согласие со скромными ожиданиями от либеральной демократии приводит к удовлетворенности тем, что я называю постдемократией. При этой модели, несмотря на проведение выборов и возможность смены правительств, публичные предвыборные дебаты представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые владеют техниками убеждения, и ограниченный небольшим кругом проблем, отобранных этими командами. Масса граждан играет пассивную, молчаливую, даже апатичную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы. За этим спектаклем электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика, которая опирается на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми кругами. Эта модель, как и максимальный идеал, также является преувеличением, но в современной политике достаточно элементов, которые позволяют поднять вопрос о том, какое положение на шкале между ней и максимальной демократической моделью занимает политическая жизнь наших стран, а также определить, в каком направлении она движется. Я утверждаю, что нас все сильнее сносит в сторону постдемократического полюса.

Если я прав, то выделенные мной причины такого движения помогают объяснить кое-что еще и представляют особый интерес для социал-демократов и всех, кого волнуют вопросы политического равенства и кому, собственно, и адресована эта работа. В условиях постдемократии, когда власть все чаще оказывается в руках деловых лобби, нет веских оснований рассчитывать на сильную эгалитарную политику перераспределения власти и богатства или на ограничения влиятельных заинтересованных групп.

И если в этом отношении политика становится постдемократической, то левым предстоит пережить трансформацию, которая, по-видимому, полностью сведет на нет их достижения в XX веке. Тогда левые боролись – иногда в условиях постепенного и преимущественно мирного прогресса, а иногда в условиях насилия и репрессий – за признание голосов простых людей в жизни страны. Не происходит ли повторного подавления этих голосов, когда экономически влиятельные группы продолжают использовать свои инструменты влияния, а инструменты демоса ослабевают? Это не означает возврата к началу XX столетия, потому что, несмотря на движение в противоположном направлении, мы находимся в иной точке исторического времени и обременены наследием нашего недавнего прошлого. Скорее, демократия описала параболу. Когда вы рисуете траекторию параболы, карандаш проходит одну из координат дважды: сначала поднимаясь к вершине параболы, а затем еще раз в другой точке на спуске. Этот образ сыграет важную роль в том, что будет сказано ниже о сложных чертах постдемократии.

В другом месте (Crouch, 1999b), как ранее было сказано в предисловии, я уже писал о «параболе политики рабочего класса», сосредоточившись на опыте британского рабочего класса. Я вспоминал, что в XX веке этот класс поначалу был слабым: и отлученным от политики, но постепенно становился все более многочисленным и сильным, готовясь войти в политическую жизнь, затем ненадолго, во время формирования государства всеобщего благосостояния, кейнсианского управления спросом и институционализированных трудовых отношений, он занял центральное положение и, наконец, по мере сокращения своей численности, дезорганизации и маргинализации в политической жизни лишился своих завоеваний середины XX столетия. Эта парабола лучше всего видна на примере Британии и, возможно, Австралии: политическое влияние рабочего класса росло постепенно, а падение его было особенно резким. В других странах, где

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org

влияние также постепенно росло и ширилось – особенно в Скандинавии, – спад был куда менее значительным. Североамериканский рабочий класс добился менее впечатляющих успехов перед еще более глубоким спадом. За некоторыми исключениями (скажем, Нидерландов или Швейцарии), в большинстве стран Западной Европы и в Японии предшествующая история была гораздо более сложной и отмеченной насилием. Страны Центральной и Восточной Европы имели совершенно иную траекторию, обусловленную искаженной и извращенной формой, связанной с подчинением движений рабочего класса коммунистическим режимам.

Ослабление политического влияния рабочего класса было лишь одним, хотя и очень важным аспектом параболического опыта самой демократии. Две проблемы – кризис эгалитарной политики и тривиализация демократии – не обязательно должны быть тождественными. Сторонники равенства могут говорить, что им неважно, насколько правительство манипулирует демократией, пока богатство и власть в обществе распределяются более равномерно. Консервативный демократ заметит, что повышение качества политических дебатов не обязательно ведет к более перераспределительной политике. Но в некоторых важных пунктах эти проблемы пересекаются, и именно на этом пересечении я и собираюсь сосредоточить свое внимание. Я полагаю, что, несмотря на сохранение форм демократии (и даже их несомненное усиление сегодня в некоторых отношениях), политика и правительство все чаще оказываются под контролем привилегированных элит, как это было в додемократические времена, и что одним из важных следствий этого процесса является ослабление эгалитаризма. Поэтому винить в болезни демократии средству массовой информации и рост влияния политехнологов – значит не замечать куда более глубоких процессов, которые разворачиваются на наших глазах.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Ближе всего к демократии в моем максимальном ее понимании общества были в первые годы после ее завоевания или кризиса режимов, когда восторженное отношение к демократии было широко распространено, когда множество различных групп и организаций простых людей сообща стремились выработать политическую программу, отвечающую тому, что их волновало, когда влиятельные группы, которые доминировали в недемократических обществах, находились в уязвимом положении и вынуждены были обороняться, и когда политическая система еще не вполне разобралась с тем, как управлять и манипулировать новыми требованиями. Народные политические движения и партии вполне могли находиться во власти руководителей, персональный стиль которых был далек от демократического идеала, но они по крайней мере подвергались активному давлению со стороны массового движения, которое, в свою очередь, представляло некоторые устремления простых людей.

В большинстве стран Западной Европы и в Северной Америке демократический момент наступил в середине XX столетия: незадолго до Второй мировой войны – в Северной Америке и Скандинавии, вскоре после нее – во многих остальных странах. К этому времени последние крупные антидемократические движения – фашизм и нацизм – потерпели поражение в мировой войне, а политические перемены происходили одновременно с серьезным экономическим ростом, который сделал возможным осуществление многих демократических целей. Впервые в истории капитализма общее здоровье экономики стало зависеть от процветания массы наемных работников. Наиболее ярким проявлением этого стала экономическая политика, связанная с кейнсианством, а также логика цикла массового производства и массового потребления, воплощенная в так называемых «фордистских» методах производства. В этих промышленно развитых обществах, которые не стали коммунистическими, между капиталистами и рабочими был достигнут определенный социальный компромисс. Взамен на выживание капиталистической системы и общее успокоение протеста против неравенства, порожденного этой системой, бизнес научился соглашаться с определенными ограничениями на способность использовать свою власть. А демократическая политическая власть, сосредоточенная в национальном государстве, способна была гарантировать эти ограничения, поскольку фирмы в основном подчинялись власти национальных государств.

В своем наиболее чистом виде такая форма развития проявилась в Скандинавии, Нидерландах и Великобритании. В других странах имелись важные различия. Хотя Соединенные Штаты начинали крупные социальные реформы 1930-х вместе со Скандинавией, общая слабость рабочего движения в этой стране привела к постепенному ослаблению первоначальных достижений в социальной политике и трудовых отношениях в 1950-х, несмотря на то что

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
кейнсианский подход в экономической политике сохранялся вплоть до 1980-х; лежащее в основе демократии массового производства массовое потребление американской экономики продолжает воспроизводиться. Западногерманское государство, напротив, не занималось кейнсианским управлением спроса до конца 1960-х, но при этом имело хорошо институционализированные отношения между трудом и бизнесом и в конце концов – сильное государство всеобщего благосостояния. Во Франции и Италии этот процесс был менее выраженным. Имело место неоднозначное сочетание уступок требованиям рабочего класса для ослабления привлекательности коммунизма, с неприятием прямого представительства интересов Рабочих отчасти из-за того, что на роль таких представителей претендовали коммунистические партии и профсоюзы. Испания и Португалия перешли к демократии только в 1970-х – как раз тогда, когда условия, которые обеспечивали сохранение послевоенной модели, начали исчезать, а греческая демократия была прервана гражданской войной и несколькими годами военной диктатуры.

Высокий уровень широкого политического участия конца 1940-х – начала 1950-х в некоторой степени был результатом необычайно важной общей задачи послевоенной реконструкции, а в некоторых странах интенсивная общественная жизнь сохранялась и в военные годы. Нельзя было рассчитывать, что это продлится долго. Скоро элиты научились управлять и манипулировать. Народ разочаровался, заскучал или занялся частной жизнью. Растущая сложность проблем после первых серьезных реформаторских достижений серьезно затруднила занятие сведущих позиций, продуманных комментариев, и в конце концов даже минимальное действие в виде голосования столкнулось с противодействием апатии. Тем не менее основные демократические задачи экономики, зависевшие от цикла массового производства и массового потребления, которое поддерживалось государственными расходами, оставались основной движущей силой политики с середины столетия и до 1970-х годов.

Нефтяной кризис 1970-х проверил на прочность способность кейнсианской системы управлять инфляцией. Возникновение экономики обслуживания ослабило роль промышленных рабочих в поддержании цикла производства/потребления. Последствия этого были заметно отсрочены в Западной Германии, Австрии, Японии и до некоторой степени в Италии, где рост промышленного производства и занятости на производстве не прекращался. В Испании, Португалии и Греции, где рабочий класс только начал набирать политическое влияние, которым его северные собратья обладали уже на протяжении нескольких десятилетий, дело обстояло совершенно иначе. Это стало возможным в краткий период, когда социал-демократия словно отправилась на летний отдых: скандинавские страны, долгое время находившиеся под ее властью, сдвинулись вправо, а в правительствах средиземноморских стран левые партии начали играть заметную роль. Но перерыв не был долгим. Хотя эти южные правительства добились заметных успехов в расширении прежде крайне ограниченных социальных государств в своих странах (Maravall, 1997), социал-демократии в этих странах укорениться так и не удалось. Влияние рабочего класса было гораздо слабее, чем во времена промышленного расцвета.

В Италии, Греции и Испании дела обстояли еще хуже: правительства этих стран погрязли в скандальной политической коррупции. К концу 1990-х стало ясно, что коррупция ни в коей мере не ограничивается левыми партиями или странами Южной Европы и что она стала распространенной чертой политической жизни (Delia Porta, 2000; Delia Porta and Meny, 1995; Delia Porta and Vannucci, 1999). Коррупция служит важным показателем того, что демократия больше, что политический класс стал циничным, аморальным и огражденным от надзора и общества. Печальный урок, который преподали нам страны Южной Европы, а вслед за ними и Бельгия, Франция, отчасти Германия и Великобритания, заключался в том, что левые партии ни в коей мере не свободны от феодализма, который должен быть анафемой для их движений и партий.

К концу 1980-х глобальное дерегулирование финансовых рынков сместило акцент экономического развития с массового потребления на фондовую биржу – Сначала в США и Британии, а вскоре и в других странах максимизация акционерной стоимости стала главным показателем экономического успеха (Dore, 2000); споры о более широкой акционерной экономике стали очень тихими. Везде доля дохода, получаемого трудом, а не капиталом, которая постепенно росла на протяжении десятилетий, вновь начала падать. Демократическая экономика ослабла вместе с демократическим государством. Соединенные Штаты продолжали пользоваться своей репутацией образцовой

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
демократии для всего мира, а к началу 1990-х снова, как и в послевоенные годы, стали безусловным образцом для всех, кто жаждал динамичного развития и современности. Однако общественная модель, предлагаемая теперь Соединенными Штатами, заметно отличается от той, что была прежде. Тогда для большинства европейцев и японцев они предлагали творческий компромисс между сильным капитализмом и богатыми элитами, с одной стороны, и эгалитарными ценностями, сильными профсоюзами и социальной политикой «Нового курса» – с другой. Европейские консерваторы по большей части были убеждены в том, что между ними и массами игра с положительной суммой невозможна, и это убеждение привело многих из них к поддержке фашистского и нацистского гнета и террора в межвоенный период. Когда эти подходы к вызовам со стороны народа потерпели крах во время войны и покрыли себя позором, элиты с большим воодушевлением обратились к американскому компромиссу, основанному на массовом производстве. Именно этот путь, а также его военные достижения во время войны позволили Соединенным Штатам с полным правом претендовать на роль главного защитника демократии в мире.

Но в рейгановскую эпоху Соединенные Штаты глубоко изменились. Их социальная система начала работать по остаточному принципу, профсоюзы оказались маргинализированными, а разрыв между богатыми и бедными начал напоминать неравенство, существующее в странах третьего мира, полностью перевернув привычную историческую связь между модернизацией и сокращением неравенства. Этот американский пример элиты всего мира, включая элиты стран, освободившихся от коммунизма, могли принять с распростертыми объятиями. В то же самое время американские представления о демократии все чаще связывались с ограниченным правительством в неограниченной капиталистической экономике и сводили демократическую составляющую к проведению выборов.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС? КАКОЙ КРИЗИС?

Принимая во внимание сложность поддержания некоего подобия максимальной демократии, закат демократических моментов следует считать неизбежным, исключая важные новые моменты кризиса и изменения, которые делают возможным новое участие или, что более реалистично в обществе со всеобщим правом голоса, появление новых идентичностей в существующих рамках, которые меняют форму народного участия. Как мы увидим, эти возможности появляются и имеют большое значение. Но в долгосрочной перспективе нам следует ожидать энтропии демократии. В таком случае важно понять действующие здесь силы и приспособить наш подход к соответствующему политическому участию. Эгалитаристы не могут помешать наступлению постдемократии, но мы должны научиться работать с ней, смягчая, совершенствуя и иногда бросая ей вызов, а не просто принимая ее.

Ниже я попытаюсь рассмотреть некоторые глубинные причины этого явления, а также задамся вопросом, что мы можем с этим сделать. Но прежде мы должны внимательнее рассмотреть сомнения, которые могут сохраняться у многих относительно моего исходного тезиса, что состояние нашей демократии оставляет желать лучшего.

Могут сказать, что демократия переживает сегодня один из своих самых блестящих периодов. Речь идет не только о распространении выборных правительств во всем мире, но и о том, что в так называемых развитых странах политики все реже пользуются почтением и не критическим уважением публики и СМИ, чем прежде. Правительство и его секреты все чаще оказываются перед демократическим взором. Постоянно раздаются призывы к все более открытому правительству и к конституционным реформам, которые должны сделать правительства более ответственными перед народом. Конечно, мы живем сегодня в более демократическую эпоху, чем во время «демократического момента» третьей четверти XX столетия. Политики тогда незаслуженно пользовались доверием и уважением наивных и почтительных избирателей. То, что, с одной стороны, кажется манипулированием общественным мнением сегодняшними политиками, с другой стороны, можно считать заботой политиков о взглядах чутких и сложных избирателей, что заставляет этих политиков тратить немалые средства на выяснение того, что же думают избиратели, а затем возбужденно на это реагировать. Конечно, политики сегодня озабочены формированием политической повестки больше, чем их предшественники, предпочитая опираться на маркетинговые исследования и опросы общественного мнения.

Это оптимистическое представление о нынешней демократии ничего не говорит о

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
фундаментальной проблеме власти корпоративных элит. И эта тема становится главной в следующих частях настоящей работы. Но существует также важное различие между двумя представлениями об активном демократическом гражданине, которые в оптимистических дискуссиях оставляются без внимания. По первому представлению имеется позитивное гражданство, когда группы и организации сообща создают коллективные идентичности, осознают интересы этих идентичностей и самостоятельно формулируют требования, основанные на них, которые они предъявляют политической системе. По второму – негативный активизм обвинений и недовольства, когда главной целью политики оказывается призыв политиков к ответу, когда их голову кладут на эшафот, а их публичный образ и частное поведение подвергаются тщательному изучению. Этому различию прекрасно соответствуют две различных концепции прав граждан. Позитивные права делают акцент на возможности участия граждан в жизни своего политического сообщества: право голоса, создания и членства в организациях, получения достоверной информации. Негативные права – это права, которые защищают индивида от других, особенно от государства: права на защиту в суде, права на собственность.

Демократия нуждается в обоих этих подходах к гражданству, но в настоящее время все большую роль играет негативная составляющая. Это вызывает особое беспокойство, потому что именно позитивное гражданство отвечает за созидательность демократии. С пассивным подходом к демократии негативную модель, при всей ее агрессии против правящего класса, объединяет идея, что политика, по сути, является делом элит, которых недовольные наблюдатели обвиняют и стыдят, обнаруживая, что те допустили какую-то провинность. Парадоксальным образом всякий раз, когда мы думаем, что какой-то провал или катастрофа разрешаются, когда неудачливый министр или чиновник вынужден уйти в отставку, мы играем на руку модели, которая считает правительство и политику делом небольших групп элиты, принимающей решения.

Наконец, могут задать вопрос о силе движения к «открытому правительству», прозрачности и открытости для исследований и критики, что можно было бы считать важным политическим достижением неолиберализма за последнюю четверть XX столетия, если бы эти шаги не сопровождалась мерами по усилению государственной безопасности и секретности.

можно привести немало соответствующих примеров.

Во многих странах происходит ощутимый рост преступности и насилия и страха перед иммиграцией людей из бедных стран в богатые и перед иностранцами вообще. Все это достигло своей наивысшей символической точки в убийственных и самоубийственных ударах исламских террористов по Соединенным Штатам 11 сентября 2001 года. С тех пор Соединенные Штаты и Европа получили как новые оправдания для государственной секретности и отказа в праве надзора за действиями государства, так и новые полномочия для слежки за своим населением и вторжения в частную жизнь своих граждан. Вполне вероятно, что в последующие годы многие достижения в прозрачности правительств 1980-1990-х годов будут свернуты: останутся лишь те, что отвечают глобальным финансовым интересам.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Другое свидетельство, опровергающее мой тезис об ослаблении демократии, происходит из оживленного мира различных групп давления, которые становятся все более влиятельными. Не служат ли они олицетворением здорового позитивного гражданства? Существует опасность чрезмерной сосредоточенности на политике в узком партийном и электоральном смысле и незамечания ухода творческого гражданства с этой арены на более широкую арену гражданских групп. Можно сказать, что организации в защиту прав человека, бездомных, третьего мира, окружающей среды и не только создают гораздо более широкую демократию, потому что они позволяют нам выбрать четкую определенную область, тогда как партийная работа требует от нас поддержки общей программы. Кроме того, спектр возможностей для деятельности оказывается гораздо шире простого содействия избранию политиков. А современные средства коммуникации вроде Интернета облегчают и удешевляют организацию и координацию деятельности новых групп.

Этот аргумент звучит весьма убедительно. Не то чтобы я был с ним полностью не согласен – ив нем, как мы увидим в последней главе, можно найти не-которые ответы на наши нынешние трудности. Но он также выявляет некоторые слабые места. Нам нужно прежде всего провести различие между

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
теми ви-дами гражданской активности, которые преследуют, по сути, политическую программу, стремясь добить-ся действий, принятия законов или совершения рас-ходов со стороны государственных властей, и тем, что решают задачи напрямую и пренебрегают полити-кой. (Конечно, некоторые группы в первой катего-рии также могут заниматься прямым решением задач, но здесь это не главное.)

В последнее время выросло число гражданских групп, которые открыто выступают против полити-ческого участия. Отчасти это отражает нездоровье самой демократии и распространенное циничное от-ношение к ее способностям. Особенно это касается Соединенных Штатов, где недовольство левых моно-полизацией политики со стороны крупного бизнеса сливается с правым неприятием сильного правитель-ства в превознесении неполитической гражданской добродетели. Вспомним необычайную популярность среди американских либералов книги Роберта Пат-нэма «чтобы демократия сработала» (Патнэм, 1996). В ней представлено довольно идеализированное опи-сание того, как в различных частях Италии на уров-не сообществ безо всякого участия государства сло-жились сильные нормы и практики сотрудничества и доверия. Итальянские критики отмечали, что Пат-нэм игнорировал фундаментальную роль локальной политики в поддержании этой модели (Bagnasco, 1999; Piselli, 1999; Trigilia, 1999).

Великобритании также появилось множество самых различных групп взаимопомощи, сообществ, схем присмотра за районами и благотворительной деятельности, отчаянно пытающихся заполнить не-достаток заботы и ухода со стороны слабеего го-сударства всеобщего благосостояния. Большинство этих видов деятельности представляют большой ин-терес и ценность и заслуживают всяческого одобре-ния. Но именно из-за того, что они отворачиваются от политики, их нельзя назвать признаком здоровья демократии, которая по определению является поли-тической. И такая деятельность вполне может процветать в недемократических обществах, в которых политическое участие либо опасно, либо невозможно и в которых государство, как правило, остается без-различным к социальным проблемам.

Сложнее обстоит дело со вторым типом организа-ций – политически ориентированными кампания-ми и лобби, которые хотя и не стремятся оказывать прямое влияние или завоевывать голоса, но все же оказывают непосредственное влияние на государ-ственную политику. Подобные формы жизни свиде-тельствуют о сильном либеральном обществе, но это не то же самое, что сильная демократия. Посколь-ку мы так привыкли к идее либеральной демокра-тии, мы сегодня склонны не замечать того, что здесь действуют два отдельных элемента. Демократия тре-бует примерного равенства всех граждан в их ре-альной способности влиять на политические ре-зультаты. Либерализм требует свободных, широких и разнообразных возможностей для того, чтобы вли-ять на такие результаты. Это связанные и взаимоза-висимые условия. Разумеется, максимальная демо-кратия не может процветать без сильного либерализ-ма. Но это две разные вещи, и иногда между ними даже возникают противоречия.

Это различие прекрасно понимали буржуазно-ли-беральные круги XIX столетия, которые очень остро сознавали наличие противоречия: чем сильнее акцент на равенстве политических возможностей, тем выше вероятность появления правил и ограничений, на-правленных на сокращение неравенства и угрожаю-щих акценту либерализма на свободе и многообразии форм деятельности.

Приведем простой и важный пример. Если не вво-дить никаких ограничений на средства, которые пар-тии и их друзья могут использовать для своего про-движения, и на виды медиаресурсов и рекламы, кото-рые могут быть куплены, тогда партии, пользующиеся поддержкой богатых, будут иметь значительные пре-имущества на выборах. Такой режим поощряет либе-рализм, но ограничивает демократию, так как здесь отсутствует единое пространство соперничества, ко-торого требует критерий равенства. Именно так об-стоят дела в американской политике. И наоборот, го-сударственное финансирование партий, ограниче-ние расходов на избирательные кампании, правила, касающиеся приобретения времени на телевидении в политических целях, позволяют обеспечить при-мерное равенство и, следовательно, содействуют де-мократии, но за счет ограничения свободы.

Мир политически активных групп, движений и лобби принадлежит либеральной, а не демократиче-ской политике, и в нем немного правил, ограничиваю-щих возможности влияния. Разные группы имеют со-вершенно разные ресурсы. Лобби,

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
представляющие интересы бизнеса, всегда обладают серьезными пре-имуществами по двум различным причинам. Во-пер-вых, как убедительно показал Линдблом (Линдблом, 2005), разочаровавшийся в американской модели сто-ронник плюрализма, бизнес-группы способны угро-жать, что, если правительство к ним не прислуша-ется, их сектор не будет успешным, а это, в свою оче-редь, поставит под угрозу главный предмет заботы правительства – его экономические успехи. Во-вто-рых, они могут привлекать огромные средства для своей лоббистской деятельности не просто пото-му, что они богаты, а потому, что успехи в лоббист-ской деятельности приносят бизнесу огромную при-быль: затраты на лоббирование – это инвестиции. Не связанные с бизнесом группы редко могут высту-пать за что-то настолько значительное, что может по-вредить экономическому успеху, и успех их лоббист-ской деятельности не принесет материальной выгоды (они же не преследуют интересов, связанных с бизне-сом), поэтому их затраты представляют собой расхо-ды, а не инвестиции.

Те, кто утверждают, что могут добиться, скажем, здорового питания путем создания специальных групп для лоббирования правительства, минуя элек-торальную политику, должны помнить, что пище-вая и химическая промышленность выведут против их утлых шлюпок настоящие броненосцы. Конечно, подлинный либерализм позволяет всем группам, пло-хим и хорошим, пытаться оказывать политическое влияние и предоставляет богатые возможности для публичного участия в политике. Но если его не бу-дет уравнивать здоровая демократия в стро-гом смысле слова, то неизбежны серьезные искаже-ния. Конечно, электоральная партийная политика тоже подпорчена неравенством финансирования, по-рождаемым ролью заинтересованных деловых групп. Но в этом случае степень искажения зависит от того, насколько глубоко либерализму позволяют проник-нуть в демократию. Чем лучше обеспечены равные правила игры в таких вопросах, как партийное фи-нансирование и доступ к средствам массовой инфор-мации, тем больше подлинной демократии. С другой стороны, чем больше процветает либеральное поли-тиканство, а электоральная демократия атрофируется, тем более уязвимой становится последняя перед иска-жающим неравенством и тем ниже демократичность государства. Оживленный мир различных групп, пре-следующих различные цели, служит свидетельством того, что мы можем приблизиться к максимальной де-мократии. Но при этом нельзя забывать, что постде-мократические силы тоже используют возможности либерального общества.

Схожие доводы можно использовать для опро-вержения еще одного американского неолибераль-ного аргумента, что современные граждане больше не нуждаются в государстве так, как в нем нужда-лись их предшественники, что они должны больше опираться на собственные силы и быть более способ-ными и готовыми достигать своих целей при помо-щи рыночной экономики и что поэтому их меньше должны заботить политические вопросы (см., напри-мер: Hardin, 2000). Но корпоративные лобби не вы-казывают признаков утраты интереса к использова-нию государства для достижения того, что выгодно им. Как показывает нынешняя ситуация в США, эти лобби плотно окружают и неинтервенционистское неолиберальное государство с низким уровнем го-сударственных расходов, и государства с высокими социальными расходами. И чем больше государство уходит из обеспечения жизни простых людей, порож-дая у них апатичное отношение к политике, тем про-ще корпоративным интересам более или менее неза-метно использовать его в качестве своей дойной коро-вы. Неспособность признать это служит отражением глубокой наивности неолиберальной мысли.

СИМПТОМЫ ПОСТДЕМОКРАТИИ

При наличии всего двух понятий – демократии и не-демократии – мы не слишком далеко продвинем-ся в дискуссиях о здоровье демократии. Идея пост-демократии помогает нам описать те ситуации, ко-гда приверженцев демократии охватывают усталость, отчаяние и разочарование; когда заинтересованное и сильное меньшинство проявляет гораздо большую активность в попытках с выгодой для себя эксплуати-ровать политическую систему, нежели массы простых людей; когда политические элиты научились управ-лять и манипулировать народными требованиями; когда людей чуть ли не за руку тащат на избиратель-ные участки. Это не то же самое, что недемократия, потому что речь идет о периоде, когда мы как бы вы-ходим на другую ветвь демократической параболы. Налицо много признаков того, что именно это про-исходит в современных развитых обществах: мы на-блюдаем отход от идеала максимальной демократии в сторону постдемократической модели. Но прежде чем

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
развивать эту тему дальше, следует вкратце осветить вопрос об использовании префикса «пост-» в общем смысле.

Идея «пост-» регулярно всплывает в современных дискуссиях: мы любим рассуждать о постиндустриализме, постмодерне, постлиберализме, постиронии. Однако она может означать нечто весьма конкретное. Здесь самое существенное – упомянутая выше мысль об исторической параболе, по которой движется фе-номен, снабженный префиксом «пост-». Это верно в отношении любых явлений, поэтому давайте сперва абстрактно поговорим о «пост-х». Временной период 1 – это эпоха «пред-х», обладающая определенными характеристиками, которые обусловлены отсутствием X. Временной период 2 – эпоха расцвета X, когда мно-гое им затрагивается и приобретает иной вид по сравнению с первым периодом. Временной период 3 – эпоха «пост-х»: появляются новые факторы, снижая значение X и в некотором смысле выходя за его пределы; соответственно, некоторые явления становятся иными, нежели в периоды 1 и 2. Но влияние X продолжает сказываться; его проявления по-прежнему хорошо заметны, хотя кое-что возвращается в то состояние, каким оно было в период 1. Следовательно, постпериоды должны отличаться весьма сложным характером. (Если вышеприведенные рассуждения кажутся слишком абстрактными, читатель может заменить все X словом «индустриальный», получив в качестве иллюстрации весьма характерный пример.)

Именно так можно понимать и постдемократию. Связанные с ней изменения на определенном уровне представляют собой переход от демократии к неко-ей более гибкой форме политического реагирования, нежели те конфликты, которые привели к тяжелым компромиссам середины XX столетия. В известной степени мы вышли за рамки идеи народовластия, бросив вызов идее власти как таковой. Это отражается в подвижках, происходящих в среде граждан: налицо утрата уважения к правительству, характерная, в частности, для нынешнего отношения к политике в СМИ; от правительства требуют полной открытости; сами политики превращаются из правителей во что-то вроде лавочников, в стремлении сохранить свой бизнес озабоченно старающихся выяснить все пожелания своих «клиентов».

Соответственно, политический мир по-своему реагирует на эти перемены, грозящие вытолкнуть его на непривлекательную и второстепенную позицию. Будучи не в состоянии вернуть себе прежний авторитет и уважение, с трудом представляя, чего от него ждет население, он вынужден прибегать к хорошо известным приемам современных политических манипуляций, которые дают возможность выяснить настроения общества, не позволяя при этом последнему взять контроль за процессом в свои руки. Кроме того, политический мир имитирует методы других миров, имеющих более определенное представление о самих себе и более уверенных в себе: речь идет о мире шоу-бизнеса и рекламы.

Отсюда и возникают известные парадоксы современной политики: в то время как технологии манипулирования общественным мнением и механизмы надзора за политическим процессом приобретают все большую изощренность, содержание партийных программ и характер межпартийного соперничества становятся все более пресными и невыразительными.

Политику такого рода нельзя назвать не- или антидемократической, потому что ее результаты во многом определяются стремлением политиков сохранить хорошие отношения с гражданами. В то же время такую политику трудно назвать демократической, потому что многие граждане сводятся в ней к пассивным объектам манипулирования, редко участвующим в политическом процессе.

Именно в этом контексте мы можем понять высказывания некоторых ведущих фигур из стана британских новых лейбористов относительно необходимости создания демократических институтов, которые не сводились бы к идее выборных представителей в парламенте, но в качестве примера при этом ссылаются на использование фокус-групп, что само по себе нелепо. Фокус-группа находится всецело под контролем своих организаторов, которые отбирают и участники, и обсуждаемые темы, а также методы их обсуждения и анализа результатов. Тем не менее в эпоху постдемократии политики имеют дело с запустевшей общественностью, пассивной в смысле выработки собственной повестки дня. Понимается, понятно, что они усматривают в фокус-группах более научное средство выяснения общественного мнения по сравнению с грубыми и неадекватными механизмами массового партийного участия и объявляют их гласом народа и исторической альтернативой модели

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
демократии, опирающейся на рабочее движение.

В рамках постдемократии с присущей ей сложно-стью постпериода продолжают существовать практически все формальные компоненты демократии. Но в долгосрочной перспективе следует ожидать их эрозии, сопровождающей дальнейший отход пре-сыщенного и разочарованного общества от макси-мальной демократии. Доказательством того, что это происходит, служит по большей части вялая реакция американского общественного мнения на скандал во-круг президентских выборов 2000 года. Признаки ус-талости от демократии в Великобритании проявля-ются в подходах консерваторов и новых лейбористов к местному самоуправлению, которое почти без вся-кого сопротивления постепенно отдает свои функ-ции как органам центральной власти, так и частным фирмам. Кроме того, следует ожидать исчезновения некоторых фундаментальных столпов демократии и соответствующего параболического возвращения ряда элементов, характерных для преддемократии. К этому приводит глобализация деловых интересов и фрагментация остальной части населения, отни-мающие политические преимущества у тех, кто бо-рется с неравенством при распределении богатства и власти, в пользу тех, кто хочет вернуть это неравен-ство к уровню преддемократической эпохи.

Некоторые заметные последствия этих процес-сов уже можно наблюдать во многих странах. Госу-дарство всеобщего благосостояния из системы все-общих гражданских прав постепенно превращается в механизм для вознаграждения достойных бедня-ков; профсоюзы подвергаются все большей маргина-лизации; вновь становится все более заметной роль государства как полицейского и тюремщика; растет разрыв в доходах между богатыми и бедными; нало-гообложение теряет свой перераспределительный ха-рактер; политики отзываются в первую очередь на за-просы горстки вождей бизнеса, чьи особые интересы становятся содержанием публичной политики; бед-ные постепенно утрачивают всякий интерес к поли-тике и даже не ходят на выборы, добровольно возвра-щаясь к той позиции, которую вынужденно занима-ли в преддемократическую эпоху. То, что подобный возврат к прошлому в наибольшей степени заме-тен именно в США – в обществе, наиболее ориенти-рованном на будущее, проявившем себя в прежние времена в качестве лидера демократических дости-жений, – объяснимо лишь феноменом демократиче-ской параболы.

Глубокой двусмысленностью отличается постде-мократическая тенденция все более подозритель-ного отношения к политике и желания взять ее под строгий контроль, что опять-таки особенно замет-но в случае с Соединенными Штатами. Важным эле-ментом демократического движения было требо-вание обществу, чтобы власть государства использовалась для недопущения концентрации частной власти. Соответственно, атмосфера циниз-ма в отношении политики и политиков, невысокие ожидания по части их достижений и жесткий над-зор за масштабами их деятельности и полномочий вполне отвечают повестке дня тех, кто желает об-уздать активное государство, например принявшее форму государства всеобщего благосостояния или кейнсианского государства, именно с целью освобо-дить частную власть и вывести ее из-под контроля. По крайней мере в западных обществах неконтроли-руемая частная власть была не менее заметной чер-той преддемократических обществ, чем неконтроли-руемая власть государства.

Кроме того, состояние постдемократии заметным образом сказывается на характере политической ком-муникации. Вспоминая всевозможные формы поли-тических дискуссий в меж- и послевоенные десяти-летия, поражаешься существовавшему в то время сравнительному сходству языка и стиля государственных документов, серьезной журналистики, популяр-ной журналистики, партийных манифестов и публич-ных выступлений политиков. Разумеется, серьезный официальный доклад, предназначенный для сообще-ства тех, кто занимался разработкой политики, отли-чался своим языком и сложностью от многотираж-ной газеты, но по сравнению с сегодняшним днем различие было невелико. Язык документов, имеющих хождение в кругу тех, кто занимается разработкой политики, не претерпел за это время существенных изменений, однако радикально изменился язык дис-куссий в многотиражных газетах, правительственных материалов, предназначенных для широкой публи-ки, и партийных манифестов. Они почти не допуска-ют сложности языка и аргументации. Если человек, привыкший к такому стилю, неожиданно получит до-ступ к протоколу серьезной дискуссии, он растеря-ется, не зная, как его понимать. Возможно, новост-ные программы телевидения, вынужденного кое-как существовать между двух миров, оказывают людям серьезную услугу, помогая им устанавливать подоб-ные связи.

Мы уже привыкли, что политики говорят не так, как нормальные люди, изъясняясь бойкими и отто-ченными афоризмами в оригинальном стиле. Мы не задумываемся над этим явлением, а ведь такая форма коммуникации, подобно языку таблоидов и партийной литературе, не похожа ни на обыкно-венную речь людей на улице, ни на язык реальных по-литических дискуссий. Ее задача – в том, чтобы оста-ваться неподконтрольной этим двум основным разно-видностям демократического дискурса.

Отсюда возникает несколько вопросов. Полвека тому назад население в среднем было менее образо-ванным, чем сегодня. Было ли оно в состоянии по-нимать предназначенные для его ушей политические дискуссии? Несомненно, что оно более регулярно уча-ствовало в выборах по сравнению с последующими поколениями, а во многих странах постоянно поку-пало газеты, обращавшиеся к нему не на столь при-митивном уровне, и готово было платить за них более высокую долю своих доходов, чем платим мы.

Чтобы разобраться в том, что произошло за истек-шие полвека, необходимо рассмотреть этот процесс в более широкой исторической перспективе. Поли-тики, в первой половине века застигнутые врасплох сперва призывами к демократии, а затем и ее реалия-ми, старались придумать, как им следует обращать-ся к новой массовой общественности. В течение ка-кого-то времени казалось, что лишь такие манипу-ляторы и демагоги, как Гитлер, Муссолини и Сталин, владеют секретом власти, приобретенной путем ком-муникации с массами. Неуклюжесть попыток гово-рить с массами ставила демократических политиков примерно в равные дискурсивные условия с их элек-торатом. Но затем рекламная индустрия США нача-ла оттачивать свое мастерство, добившись особен-ных успехов благодаря развитию коммерческого те-левидения. Так умение убеждать стало профессией. До сих пор большинство ее представителей посвя-щают себя искусству продажи товаров и услуг, од-нако политики и прочие из числа тех, кто использу-ет убеждение в своих целях, с готовностью шли сле-дом, подхватывая инновации рекламной индустрии и добиваясь максимального сходства своего занятия с торговлей, чтобы извлечь как можно больше выго-ды из новых методов.

Мы уже настолько привыкли к этому, что по умол-чанию воспринимаем партийную программу как «то-вар», а в политиках видим людей, «впаривающих» нам свое послание. Но на самом деле все это совсем не так очевидно. Теоретически были доступны и другие ус-пешные механизмы обращения к большому числу людей, используемые религиозными проповедника-ми, школьными учителями и популярными журна-листами, пишущими на серьезные темы. Поразитель-ный пример последнего мы видим в лице британско-го писателя Джорджа Оруэлла, который стремился превратить массовую политическую коммуникацию и в разновидность искусства, и в нечто весьма серь-езное. С 1930-х по 1950-е годы в британской популяр-ной журналистике было весьма распространено под-ражание Оруэлли, которое сейчас практически сошло на нет. Популярная журналистика, как и политика, начала строиться по образцу рекламы: очень корот-кие сообщения, почти не требующие концентрации внимания, и использование слов для создания ярких образов вместо аргументов, обращенных к разуму. Реклама – это не рациональный диалог. Она не дока-зывает необходимость покупки рекламируемой про-дукции, а связывает последнюю с конкретной образ-ной системой. Рекламе невозможно возразить. Ее цель – не вовлечь вас в дискуссию, а убедить сделать покупку. Использование ее методов помогло полити-кам решить задачу коммуникации с массами, но от-нюдь не пошло на пользу самой демократии.

В дальнейшем деградация массовой политической коммуникации проявилась в растущей персонализа-ции электоральной политики. Прежде избирательные кампании, тотально завязанные на личность кандида-та, были характерны для диктатур и для электораль-ной политики в обществах со слаборазвитой системой партий и дискуссий. За некоторыми случайными ис-ключениями (такими как Конрад Аденауэр и Шарль де Голль), они гораздо реже встречались в демократи-ческий период; их широкое распространение в наше время служит еще одним признаком перехода на дру-гую ветвь параболы. Восхваление мнимых харизмати-ческих качеств партийного лидера, его фото- и видео-изображения в красивых позах с течением времени все больше подменяют собой дискуссии о насущных проблемах и конфликтах интересов. В итальянской политике ничего подобного не наблюдалось до все-общих выборов 2001 года, когда Сильвио Берлускони выстроил всю правоцентристскую кампанию вокруг своей фигуры, используя огромное количество своих портретов, на которых выглядел гораздо моложе сво-их лет, что составляло резкий контраст с традици-онным

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
партийно-ориентированным стилем, исполь-зовавшимся итальянскими политиками после свер-жения Муссолини. Вместо того чтобы использовать такое поведение Берлускони для резкой критики в его адрес, непосредственный и единственный ответ лево-центристов заключался в том, чтобы найти достаточ-но фотогеничную личность среди своего руководства и постараться сымитировать кампанию Берлускони настолько, насколько это возможно.

Еще более явной была роль личности претендента на поразительных губернаторских выборах 2003 года в Калифорнии, когда киноактер Арнольд Шварценег-гер провел успешную кампанию, не имевшую поли-тического содержания и основанную почти исклю-чительно на факте его известности как голливудской звезды. На первых голландских всеобщих выбо-рах 2002 года Пим фортейн не только создал новую партию, целиком построенную вокруг его личности, но и назвал ее своим именем («Список Пима Фортейн-на») – и та добилась столь поразительных успехов, что продолжала существовать, даже несмотря на его убийство незадолго до выборов (или благодаря это-му). Вскоре после этого она развалилась из-за внут-ренних разногласий. Феномен Фортейна являет со-бой и пример постдемократии, и попытку дать на нее ответ. Он включал использование харизматической личности для оглашения расплывчатой и бессвяз-ной политической программы, в которой отсутство-вало четкое выражение чьих-либо интересов, кроме беспокойности недавним наплывом иммигрантов в Нидерланды. Она была обращена к тем слоям на-селения, которые утратили прежнее чувство полити-ческой идентичности, хотя и не помогала им найти его снова. Голландское общество служит особенно по-казательным примером стремительной утраты поли-тической идентичности. В отличие от большинства других западноевропейских обществ, оно пережи-ло утрату не только четкой классовой идентичности, но и ярко выраженной религиозной идентичности, ко-торая до 1970-х годов играла ключевую роль в поиске голландцами своей специфической культурной, а так-же политической идентичности в рамках общества.

Однако, хотя отмирание подобных видов идентич-ности приветствуется некоторыми из тех, кто, по-добно Тони Блэру или Сильвио Берлускони, пыта-ется сформулировать новый, постидентичностный подход к политике, движение Фортейна одновремен-но выражало неудовлетворенность именно таким со-стоянием дел. Значительную часть своей кампании фортейн строил на сожалениях об отсутствии ясно-сти в политических позициях большинства других голландских политиков, которые, по его (достаточно истинным) утверждениям, пытались решить пробле-му возрастающей расплывчатости самого электората, обращаясь к какому-то невнятному среднему классу. Апеллируя к идентичности, основанной на враждеб-ности к иммигрантам, Фортейн был не слишком ори-гинален – подобное явление стало почти повсемест-ной чертой в современной политике. К этому вопро-су мы еще вернемся.

Являясь одним из аспектов отхода от серьезных дискуссий, заимствования у шоу-бизнеса идей о том, как повысить интерес к политике, усиливающейся не-способности современных граждан определить свои интересы, а также возрастающей технической слож-ности проблем, феномен персонализации может быть истолкован как ответ на некоторые проблемы соб-ственно постдемократии. Хотя никто из участников политического процесса не собирается отказываться от модели коммуникации, позаимствованной из рек-ламной индустрии, выявление отдельных примеров ее использования равнозначно обвинениям в нечисто-плотности. Соответственно, политики приобретают репутацию людей, абсолютно не заслуживающих до-верия в силу самой своей личности. К тем же послед-ствиям ведет усиленное внимание СМИ к их личной жизни: обвинения, жалобы и расследования подме-няют собой конструктивную общественную деятель-ность. В результате избирательная борьба принимает форму поиска личностей с твердым и прямым харак-тером, на основе которой можно делать подобные оценки. Вместо этого одни кандида-ты создают себе образ честного и неподкупного поли-тика, а их противники лишь с еще большим усердием роются в их личной жизни с целью найти доказатель-ства обратного.

ФЕНОМЕН ПОСТДЕМОКРАТИИ

В последующих главах мы изучим как причины, так и политические последствия сползания к постдемо-кратической политике. Что касается причин, они но-сят сложный характер. В их числе следует ожидать энтропию максимальной демократии, однако вста-ет вопрос – чем заполняется возникающий при этом политический вакуум? Сегодня самой очевидной си-лой, делающей это, является экономическая глоба-лизация. Крупные корпорации нередко перераста-ют

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
способность отдельных национальных государств осуществлять контроль за ними. Если корпорациям не нравится регулирующий или фискальный режим в одной стране, они угрожают перебраться в другую страну, и государства, нуждаясь в инвестициях, все сильнее соперничают в готовности предоставлять корпорациям наиболее благоприятные условия. Демократия просто не поспевает за темпом глобализации. Максимум, что ей под силу, – работа на уровне неко-торых международных объединений. Но даже важ-нейший из них – Европейский Союз – просто неук-люжий пигмей по сравнению с энергичными корпора-тивными гигантами. К тому же по самым скромным стандартам его демократические качества крайне сла-бы. Некоторые из этих моментов будут рассмотрены в главе II, когда пойдет речь о минусах глобализации, а также о значении отдельного, но родственного явле-ния– превращения компании в институт, – влекуще-го за собой определенные последствия для типичных механизмов демократического управления и, соот-ветственно, роли этого явления в переходе на другую ветвь демократической параболы.

Наряду с усилением глобальной корпорации и ком-паний вообще мы видим, как снижается политиче-ское значение простых трудящихся. Это отчасти свя-зано с изменениями в структуре занятости, которые будут рассмотрены в главе III. Упадок тех профессий, в которых возникли трудовые организации, прида-вавшие силу политическим требованиям масс, при-вел к фрагментированности и политической пассив-ности населения, не способного создать организаций, которые были бы выразителями его интересов. Более того, закат кейнсианства и массового производства снизил экономическое значение масс: можно сказать, что рабочая политика также вышла на другую ветвь параболы.

Такое изменение политического места крупных социальных групп имело важные последствия для взаимоотношений между политическими партиями и электоратом, особенно заметно сказавшись на ле-вых партиях, которые исторически являлись пред-ставителями групп, снова выталкиваемых на обочину политической жизни. Но, поскольку многие текущие проблемы касаются массового электората вообще, вопрос ставится намного шире. Партийная модель, разработанная для эпохи расцвета демократии, по-степенно и незаметно превратилась в нечто иное – в модель постдемократической партии. Об этом речь пойдет в главе IV.

Многие читатели, особенно к моменту дискуссии в главе IV, могут указать на то, что я рассматриваю исключительно политический мир, замкнутый сам на себя. Так ли уж важно для простых граждан, ка-кие люди населяют коридоры политического влияния? Не имеем ли мы дело с куртуазной игрой, не влекущей за собой реальных социальных последствий? На эту критику можно ответить обзором различных поли-тических сфер, демонстрирующим, насколько возра-стающее доминирование деловых лобби над большин-ством прочих интересов исказило проведение государством реальной политики, с соответствующими реальными последствиями для граждан. Объем нашей работы позволяет уделить место лишь одному приме-ру, и, соответственно, в главе V мы обсудим: влияние постдемократической политики на такую злободнев-ную проблему, как организационная реформа обще-ственных услуг. Наконец, в главе VI мы зададимся во-просом о том, можно ли что-нибудь поделать с опи-саннами нами тревожными тенденциями.

II. Глобальная компания: ключевой институт постдемократического мира

На протяжении большей части XX века европей-ские левые не сознавали значения компании как института. Первоначально она представлялась исклю-чительно орудием извлечения прибыли для ее вла-дельцев и эксплуатации ее работников. Воплотившие-ся в компании преимущества рыночной восприим-чивости к запросам потребителей по большей части ускользали от внимания в целом небогатого рабочего класса, который обладал весьма ограниченными воз-можностями для выражения потребительских пред-почтений. Впоследствии, в беззаботную эпоху всеоб-щего обогащения в третьей четверти XX века, когда возник феномен массового потребительства, компа-ния сама собой стала восприниматься как удобная дойная корова.

Для этого кейнсианского периода было характер-но повышенное внимание практически всех партий к макроэкономической политике. Предполагалось, что отдельные компании безо всякого труда нахо-дят и эксплуатируют всевозможные ниши на товар-ных рынках, процветающих благодаря макрополити-ке. Мнение тех неолиберальных правых, которые ука-зывали на значение микроэкономики и на проблемы компаний, по большей части оставалось не услышан-ным. В каком-то смысле это было удобно самим ком-паниям: создавая условия экономической стабильно-сти и не вдаваясь в детали того, чем занимаются ком-пании, власти

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
почти не вмешивались в их дела.

Все изменилось с крахом кейнсианской парадигмы вследствие инфляционных кризисов 1970-х годов.

Поддержание совокупного спроса перестало быть гарантированным, а товарные рынки стали ненадежными. Это усугублялось и другими явлениями: быстрыми технологическими изменениями и инновациями, усилением глобальной конкуренции, возросшей требовательностью потребителей. Те компании, которым не хватало предприимчивости, обнаружили, что земля уходит у них из-под ног. Резко возрасла разница между преуспевающими и неудачливыми компаниями, участились банкротства, выросла безработица. Компании, добившиеся лишь умеренного успеха, отныне не могли чувствовать себя в безопасности. К голосу лобби и групп давления, выражавших интересы корпоративного сектора, стали чаще прислушиваться – по аналогии с тем, как к жалобам больного на сквозняк относятся более серьезно, чем к таким же жалобам здорового человека.

Затем произошли и другие изменения, которые помогли компаниям превратиться в крепкие и требовательные, отнюдь не больные существа, но, как ни странно, вовсе не повлекли за собой снижение внимания к их запросам. Общим местом политических дискуссий стало мнение о том, что в этом виновата глобализация. Она, несомненно, усилила конкуренцию и тем самым высветила уязвимость отдельных компаний. Выживают в этой конкуренции самые сильные, но не в смысле взаимодействия с конкурентами, а скорее в смысле взаимодействия с властями и с рабочей силой. Если владельцы глобальной компании не удовлетворены местным фискальным или трудовым режимом, они угрожают перебраться в другое место. Таким образом они получают доступ к правительству и влияют на проводимую им политику куда более эффективно, чем это в состоянии делать простой гражданин, даже если они не живут в этой стране, не имеют формальных прав гражданства и не платят здесь налоги. В своей книге «Работа народов» (Reich, 1991) Роберт Райш писал и об этой группе, и о высокооплачиваемых специалистах, чьи навыки востребованы во всем мире, и о проблемах, проистекающих из того факта, что они обладают значительной властью, но при этом не связаны с каким-то определенным обществом. Подавляющее большинство населения не обладает такой возможностью: оно остается более или менее привязано к родному государству и вынуждено соблюдать его законы и платить налоги.

Во многих отношениях это напоминает ситуацию в предреволюционной Франции, где монархия и аристократия были свободны от налогов, но монополизировали политическую власть, в то время как средние классы и крестьянство платили налоги, но не имели политических прав. Подобная откровенная несправедливость стала основной движущей силой и заправкой на первоначальном этапе борьбы за демократию. Представители глобальной корпоративной элиты не делают ничего столь же вопиющего и не отнимают у нас право голоса (ведь мы движемся по демократической параболе, а не описываем полный цикл). Они просто предупреждают правительство, что оно не дожидается инвестиций, если по-прежнему будет сохранять, скажем, широкие права трудящихся. Все крупные партии страны* покупаясь на этот блеф, говорят своему электорату о необходимости реформировать устаревшее трудовое законодательство. Дошли ли эти слова до ушей электората или нет, он покорно голосует за свою партию, потому что почти лишен выбора. После этого можно говорить, что ущемление прав рабочих произошло в результате свободного демократического процесса.

Аналогичным образом компании могут требовать снижения корпоративного налогообложения, объявляя это условием для дальнейших инвестиций в страну. Когда правительство им подчиняется, налоговое бремя перекладывается с плеч корпораций на плечи отдельных налогоплательщиков, которые, в свою очередь, возмущаются высоким уровнем налогов. Крупные партии реагируют на это, проводя всеобщие выборы как аукционы по урезанию налогов; электорат, естественно, голосует за партию, обещающую наибольшие налоговые послабления, и через несколько лет сталкивается с резким ухудшением качества государственных услуг. Но он сам за это проголосовал; такая политика обладает полной демократической легитимностью.

Однако следует быть осторожным и избегать преувеличений. Представление об абсолютно независимом капитале – заблуждение, курьезным образом разделяемое и левыми, и правыми. Первые с его помощью рисуют картину деловых интересов, вышедших из-под какого-либо контроля. Последние

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
прибегают к нему, агитируя за отмену всех положений трудового законодательства и налогов, неудобных для корпораций. В реальности же мы не только имеем множество компаний, весьма далеких от глобального уровня; даже транснациональные гиганты сильно ограничены в возможностях менять одну страну на другую в поисках самых низких налогов и минимальных требований по части трудового законодательства – этому препятствует сложившаяся структура инвестиций, кадров и деловых связей. Переезд на другое место связан с большими затратами, о чем весьма живо напомнили события 2000 года, когда и BMW, и Ford решили перенести часть своего производства из Великобритании на немецкие заводы. Хотя такое решение во многом основывалось на чрезмерном укреплении фунта стерлингов, дополнительной причиной служило также то, что закрывать производство в Германии было слишком хлопотно и дорого. Иными словами, сами усилия правительства консерваторов и новых лейбористов по привлечению в страну инвестиций путем повышения гибкости британских законов повысили вероятность закрытия внешними инвесторами британских заводов. Легко пришло – легко ушло.

С другой стороны, если условия в такой экономике, как немецкая, более благоприятны, чем в британской, для сохранения уже существующих производственных мощностей, то британский подход, возможно, привлечет больше новых компаний при условии, что британские власти продолжают обещать ни к чему не привязанным глобальным компаниям то, чего они хотят. Если такая политика окажется успешной, то постепенно все страны возьмут ее на вооружение, наперебой обещая внешним инвесторам все, чего бы те ни попросили, и закончится это предсказуемой «гонкой уступок» в трудовом законодательстве, снижением уровня налогов и соответствующим ухудшением качества общественных услуг (помимо тех, в которых непосредственно нуждаются внешние инвесторы, таких как коммуникации и повышение квалификации рабочей силы). До сих пор эта гонка разворачивалась медленно, главным образом из-за того, что вопросы трудового законодательства и социального обеспечения в некоторых (хотя, разумеется, не всех) странах Евросоюза имели больший вес, чем в Великобритании. Но со временем положение изменится. Какие бы устремления ни порождали демократические процессы в политике, населению, нуждающемуся в работе, придется уступить перед требованиями глобальных компаний.

Как бы ни преувеличивали успехи глобализации, она, безусловно, вносит свой вклад в создание проблем для демократии – системы, едва способной подняться над национальным уровнем. Однако последствия возрастающего значения компании как института (что представляет собой один из аспектов проблемы глобализации) оказываются значительно более глубокими и негативно сказываются на состоянии демократии более тонким образом.

ПРИЗРАЧНАЯ КОМПАНИЯ

В течение 1980-х годов многие крупные корпорации пытались внедрить у себя корпоративную культуру или подход «компания превыше всего». Он включал в себя подчинение всех аспектов работы целенаправленному стремлению к победе над конкурентами. В частности, в соответствии с генеральным планом следовало привести личность наемных работников и степень их преданности нанимателю. Главной моделью экономического успеха тогда еще считалась Япония, а крупные японские корпорации особенно эффективно применяли такую стратегию. Для многих компаний это стало обоснованием для запрета внешним профсоюзам представлять интересы работников компании, ассоциациям работодателей – представлять интересы самой компании при заключении коллективных договоров; компании отказались даже от услуг торговых ассоциаций при защите своих интересов технического и рыночного характера. Отныне компаниям полагалось во всем рассчитывать только на самих себя.

Все это способствовало созданию сцены, на которой ключевую роль снова стали играть отдельные компании, а не деловые ассоциации, но дальнейшие события пошли по неожиданному пути. Энтузиазм в отношении корпоративной культуры обуздывался двумя новыми важными тенденциями, сопровождавшими замену японской корпоративной модели как образца для подражания на американскую: 1) склонностью компаний стремительно менять свою идентичность в результате поглощений, слияний и частых реорганизаций и попыток избавиться от любых приобретенных в прошлом намерений на дурную репутацию; 2) все более случайным характером наемного труда (включая такие явления, как временные трудовые договоры, франчайзинг и приобретение статуса индивидуальных предпринимателей теми, кто de facto являлся

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
(наемными работниками).

Эти изменения стали ответом на резко возросшую потребность компаний в гибкости, которая стала ключевым приоритетом в их деятельности вследствие не-надежности современных рынков и возросшего значения фондовых бирж в результате глобального фи-нансового дерегулирования. Приоритетной задачей отныне является максимизация акционерной стоимости, а это требует способности к быстрой смене сферы деятельности. На заимствовании такой англо-американской системы корпоративного управления настаивает сильное деловое лобби в континентальной Европе и Японии. В этой кампании присутствует и заметная идеологическая составляющая. На практике источником инвестиционных средств для подавляющего большинства компаний по-прежнему остается нераспределенная прибыль, а не фондовый рынок. Это наблюдается и в континентальной европейской экономике, где нераспределенная прибыль в большей степени дополняется банковскими займами, нежели акционерным финансированием, но более характерно для англоязычных стран – бастиона экономики, завязанной на фондовый рынок, в которой акционерное финансирование составляет лишь малую долю инвестиционных средств (Corbett and Jenkinson, 1996).

Для достижения подобной абсолютной гибкости уже недостаточно известной стратегии сохранения ключевого бизнеса вкупе с заключением подрядов на побочные работы. Отныне само сохранение ключевого бизнеса служит свидетельством нежелательной негибкости. Самые передовые компании переводят на аутсорсинг и субконтракты почти всю свою деятельность, за исключением работы стратегического штаба, принимающего ключевые финансовые решения, – тот продвигает бренд, но почти не имеет отношения к реальному производству. Решать возникающие при этом сложные организационные задачи позволяют информационные технологии. Так, с помощью Интернета можно получать заказы от клиентов и управлять производством и распределением, которые осуществляются на рассредоточенных производственных мощностях, при изменении задач, легко переключаемых на другую программу. Цель успешной компании отныне состоит в том, чтобы обеспечить свое присутствие в первую очередь в финансовом секторе (потому что именно там капитал наиболее мобилен), а все прочие виды деятельности выполнять с помощью субконтрактов, передаваемых мелким, не-надежным структурам. Как убедительно показывает Наоми Кляйн в своей книге *No Logo* (Кляйн, 2005), если всю работу по производству продукции можно доверить субподрядчикам, сама компания может сосредоточиться на единственном деле – разработке своего бренда. Роль успешной компании, освободившейся от задач, связанных с собственно материальным производством, сводится к тому, чтобы связать свой бренд с привлекательными образами, идеями, знаменитостями; продукцию, носящую этот бренд, будут покупать благодаря таким ассоциациям, почти вне зависимости от ее реального качества.

Поразительный темп слияний и призрачный характер компаний, осуществляющих временное, анонимное накопление финансов с целью электронной координации множества рассредоточенных производств, привели многих обозревателей к идее об окончательном исчезновении капитала как социально-политической категории, что является собой важный этап на пути к уничтожению классового деления старых индустриальных обществ (см., например: Castells, 1996; Giddens, 1998). Соответственно, компания начала XXI века может показаться более слабой в сравнении с ее предшественниками: это уже не солидная, весьма осознанная организация с большой штаб-квартирой, а нечто гибкое, податливое, изменчивое, подобное блуждающему огоньку.

Но такое представление будет абсолютно ошибочным. Способность к деконструкции – крайнее проявление сущности компании, доминирующей в со-временном обществе. Классическая компания имела более-менее стабильный круг владельцев, собственные кадры наемных служащих, которых она нередко поощряла к долгой службе, и репутацию у клиентов, приобретенную в течение длительного времени. Типичной современной компанией владеют постоянно меняющиеся акционеры, которые продают и покупают свои акции по электронным сетям. В ней используются всевозможные договоры на оказание услуг для привлечения текучей рабочей силы и избавления от необходимости иметь реальных наемных работников. Те, кто трудятся на компанию, зачастую не в состоянии выяснить, кто же их фактический работодатель. Вместо того чтобы завоевывать репутацию качеством своей продукции, компания нередко просто меняет свое название и сферу деятельности, используя технологии рекламы и маркетинга для создания временного образа, который в свою очередь может быть изменен и переделан за весьма короткое время. Клиенты практически

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
лишаются возможности озна-комиться с историей компании. Невидимость стано-вится оружием.

В этом море изменений неизменными остаются лишь две вещи. Во-первых, идентичность крупней-ших реальных владельцев корпоративного капитала меняется очень медленно: это одни и те же группы-ровки, более-менее одни и те же лица, проявляющие-ся во все новых масках и обличьях. Две экономики, наиболее далеко зашедшие в развитии этой новой формы гибкого капитализма, – США и Великобри-тания – в то же самое время являются двумя наи-более развитыми обществами, которым свойствен-но все большее неравенство во владении собственно-стью, несмотря на заметно возросшее по сравнению с прошлыми временами число номинальных акцио-неров. Деконструироваться могут конкретные скоп-ления капитала, но только не его фактические вла-дельцы. Во-вторых, как бы часто отдельные компании ни меняли свою идентичность, ключевая концепция компании как института – отчасти в результате са-мой этой гибкости – приобретает все большее зна-чение в рамках общества. Этот момент требует более пристального рассмотрения, так как связан с некото-рыми фундаментальными аспектами постдемократии.

КОМПАНИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Гибкая призрачная компания во многих отноше-нях чрезвычайно восприимчива к запросам клиентов. Если какая-либо компания считает, что может увели-чить свою прибыль, занявшись вместо стальных кон-струкций производством сотовых телефонов, то ее место на рынке металлоизделий, скорее всего, будет занято другой компанией. Так создается креативная текучесть рынка. Однако для обслуживания некото-рых потребностей такая модель не очень подходит. Могут иметься веские основания для того, чтобы каж-дому были доступны определенные товары и услуги, производство и предоставление которых в услови-ях свободного рынка нерентабельно. Это известная проблема, решать которую обычно приходится пра-вительству. Но для того, чтобы признать такое поло-жение дел, необходимо свыкнуться с мыслью о том, что *modus operandi* правительства и частной компа-нии в ряде отношений весьма существенно различа-ются. Возьмем лишь один простой пример: супермар-кеты располагаются на крупных загородных шоссе, тем самым становясь доступными для большинства прибыльных покупателей. Остаются немногие, для кого поход по магазинам превращается в крайне за-труднительное дело, но супермаркетам неинтересны эти бедняки с их мелкими покупками. Иногда такую ситуацию называют вопиющей, однако это мелочи по сравнению с тем, что может произойти в следую-щем случае. Представим себе, что местные власти, ответственные за содержание городских школ, объ-являют, что в рамках своей политики рыночного те-стирования и повышения качества услуг они восполь-

зовались опытом консультантов сети супермаркетов, чтобы определить, какое местоположение школ наи-более эффективно с точки зрения затрат. Поэтому большинство школ будет закрыто, а вместо них от-кроется небольшое число школ-гигантов, располо-женных на автомагистралях. Исследования показали, что те немногие ученики, чьи родители не имеют авто-мобилей, скорее всего, все равно будут плохо учить-ся. Таким образом, помимо значительной экономии вследствие закрытия большинства школ, общие пока-затели города в смысле школьной успеваемости так-же улучшатся в результате того, что эти неуспеваю-щие ученики не смогут посещать школу.

Каждый может придумать множество причин, по которым этот план неприемлем и никогда не при-менялся на практике. Эти причины обосновываются таким понятием, как необходимость обеспечения все-общего доступа к важнейшим общественным услугам, которая представляет собой одно из принципиальных различий между общественными и коммерческими услугами. Однако власти чем дальше, тем хуже спо-собны определить, где проходят границы между пер-вым и вторым. В момент нужды мы снова услышим призыв вернуться к идеям общественных услуг и со-циальных прав, оформившимся где-то между концом XIX и серединой XX века. Но взаимоотношение этих понятий, благоговейно сохраняемых в бездействии, подобно музейным экспонатам, и активных сил ком-мерциализации, на которые завязаны буквально все новые правительственные идеи и политические инициативы в сфере предоставления общественных услуг, редко удостоивается внятной формулировки или хотя бы рассмотрения. Между тем мы имеем здесь ре-альный конфликт, который будет только разгораться, потому что правительство завидует призрачной компа-нии с ее гибкостью и очевидной эффективностью и почти бездумно пытается подражать ей. Как мы увидим в главе V, правительство все в большей сте-пени отказывается от какой-либо четкой роли при предоставлении общественных

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
услуг (которая включает в себя безусловную обязанность обеспечивать гражданам более-менее равный доступ к услугам высшего качества) и требует, чтобы его ведомства работали по образцу компаний (что включает в себя обязанность предоставлять услуги лишь такого качества, которое приемлемо по финансовым соображениям). Ради достижения этой цели отдельные виды общественных услуг либо приватизируются, либо отдаются на откуп компаниям-подрядчикам, а даже если остаются в общественном секторе, то предоставляются так, как если бы этим занималась частная компания. Подобно прозрачной компании, правительство старается постепенно избавиться от всякой непосредственной ответственности за предоставление общественных услуг, способной испортить его репутацию. Но при этом оно отказывается и от притязаний на ряд особых функций, выполнение которых под силу лишь государственным службам. Тем самым нас все ближе подводят к выводу о том, что предоставление общественных услуг следует поручить лицам из корпоративного частного сектора, так как теперь лишь их опыт обладает какой-то ценностью.

ГОСУДАРСТВО УТРАЧИВАЕТ ВЕРУ В СВОИ СИЛЫ

Как мы рассмотрим более подробно в главе V, одним из важнейших последствий такого развития событий является полная потеря государственными структурами уверенности в том, что им удастся справиться со своими обязанностями без руководства со стороны корпоративного сектора. Так возникает порочный круг. Чем больше государственных функций отдается на откуп частному сектору, тем сильнее государство утрачивает свою компетенцию в тех сферах, в которых прежде чувствовало себя как дома. Постепенно оно даже лишается навыков, без которых невозможно разобраться в определенных видах деятельности. Поэтому оно вынуждено передавать субподрядчикам еще больше своих обязанностей и оплачивать услуги консультантов, объясняющих, как оно должно выполнять свою работу. Правительство становится своего рода институциональным идиотом – каждый его непродуманный ход заранее предсказывается хитрыми рыночными игроками и вследствие этого лишается смысла. Из этого следует ключевая политическая рекомендация современной экономической ортодоксии: государству лучше вообще ничего не делать, помимо выполнения своей роли гаранта свободного рынка.

Постепенно лишаясь независимой компетентности, государство скатывается к неолиберальной идеологии, хотя способность разглядеть то, что незаметно отдельным компаниям, когда-то служила сильным аргументом в пользу активного правительства, именно на нем в первую очередь строилась кейнсианская политика. Опыт 1920-х и 1930-х годов показал, что рынок, возможно, сам по себе и способен стимулировать экономическое восстановление, зато это может сделать государство. Нынешние идеи о недостатке у государства знаний и его вероятной некомпетентности лишают нас такой возможности. Вместе с тем, поскольку считается, что знания, необходимые для управления и контроля, остались почти исключительно в ведении коммерческих частных корпораций, те получают стимулы к тому, чтобы использовать эти знания ради увеличения собственной прибыли.

Такой подход может пагубно сказываться на экономике и множить коррупцию, о чем свидетельствуют аудиторские скандалы, затронувшие после 2002 года ряд крупнейших мировых корпораций. Задача контроля за отчетностью корпораций издавна доверялась специальным аудиторским фирмам, но в течение 1990-х годов два фактора превратили такую си-

стему в крупный источник мошенничества и обмана. Во-первых, не предпринималось никаких политических или юридических мер против ширящейся практики предоставления аудиторскими фирмами других управленческих услуг тем компаниям, чья отчетность они же и проверяли: контролируемые превратились в клиентов контролеров, вследствие чего контролеры старались с ними не ссориться. Во-вторых, биржевой бум 1990-х годов держался главным образом на ожиданиях, а не на реальных успехах. Если отчетность фирмы позволяла рассчитывать на ее безоблачное будущее, то ее акции росли в цене, вне зависимости от текущих результатов работы на товарных рынках. Выдавать же прогнозы о перспективах компаний было поручено аудиторским фирмам. Лишь в таком климате, где стало аксиомой, что частные компании могут эффективно выполнять контролирующие функции, фактически являющиеся делом государства, все могли закрывать глаза на подобное безрассудство до тех пор, пока оно не привело к крупным потрясениям.

Тем временем презираемый институт правительства постепенно распадается на

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
три части: первая часть – это те функции, которые он все более актив-но пытается перевести в рыночную форму; вторая – неприятный, обременительный набор тех немногих обязательств, которые частный сектор не собира-ется брать на себя, и третья – чисто политический компонент, ответственный за создание образа. Не-удивительно, что в работе правительства на первый план выступают некомпетентность при предоставле-нии реальных услуг плюс беспардонная самореклама и борьба за голоса избирателей. Лишь Франция, где и левые, и правые следуют республиканской тради-ции государства как важнейшей формирующей силы, создающей гражданское общество, с большим или меньшим успехом сопротивляется этой тенденции, хотя и эта традиция явно не в силах поборо-ть практи-ку, в рамках которой политики предоставляют подря-ды на общественные услуги и передают приватизиро-ванные сектора тем компаниям, которые пользуются их наибольшим расположением, и своим друзьям-бизнесменам.

КОРПОРАТИВНАЯ ЭЛИТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Компании – это не просто организации, но и ме-ста сосредоточения власти. Существующая струк-тура собственности приводит к концентрации част-ного капитала, и чем большее значение приобрета-ют компании, тем более важную роль играет класс владельцев капитала. Более того, подавляющее боль-шинство компаний устроено так, что их высшее руко-водство получает значительные полномочия. С тече-нием времени эта тенденция проявляется все отчет-ливее в силу того, что компания англо-американского образца, в которой вся власть сосредоточена в руках генерального директора, ответственного исключи-тельно перед акционерами, вытесняет прочие разно-видности капитализма с более широким кругом от-ветственных лиц. Чем более сильной компания ста-новится как организационная форма, тем больше власти оказывается в руках лиц, занимающих руко-водящие должности. Дополнительную власть они по-лучают вследствие того, что правительство поручает им организацию его собственной работы и призна-ет их превосходство в плане квалификации. Поми-мо доминирования в собственно экономике, они так-же превращаются в класс, подчинивший себе управ-ление государством.

Можно указать на еще одно последствие. Посколь-ку правительство отказывается от роли активного спонсора, которую оно играло в кейнсианскую и социал-демократическую эпоху, организации, работающие в некоммерческой сфере, вынуждены искать

новые варианты финансирования. Главным потен-циальным источником спонсорства становится кор-поративный сектор, в котором концентрируются бо-гатство и власть. Таким образом лица из делового сектора приобретают большое влияние, имея возмож-ность решать, кого им следует спонсировать. В Вели-кобритании этот процесс дошел до того, что мозговые центры, связанные с Лейбористской партией, вынуж-дены искать компании, готовые выделять средства на конкретные политические исследования, и это за-частую приводит к тому, что такие компании спонси-руют политическую работу по вопросам, от которых непосредственно зависит их деятельность. Доходит до того, что работа некоторых консультативных ор-ганов британского правительства частично зависит от финансирования со стороны корпораций.

Корпоративный сектор зачастую не занимался не-которыми видами деятельности только потому, что считал это неподходящим для себя. Например, фарма-цевтическим фирмам явно не следует быть главными спонсорами медицинских исследований, но именно это происходит, когда власти вынуждают университе-ты все больше полагаться на спонсорство, отказывая им в финансировании. В прошлом корпорации обыч-но осуществляли спонсорство научных и культурных проектов через фонды, обладавшие значительной не-зависимостью от самих компаний. Так было в период демократической щепетильности, когда люди весьма косо смотрели на непосредственное участие центров коммерческой власти и коммерческих интересов в ра-боте некоммерческого сектора. Сегодня спонсорство реже осуществляется через посредников – компании предпочитают оказывать финансовую поддержку на-прямую.

С целью подтолкнуть научные, культурные и про-чие некоммерческие организации к поиску частных спонсоров государство все чаще ставит собственное финансирование этих организаций в зависимость от того, удастся ли им найти таких спонсоров: мест-ный театр или отделение университета получают по-мощь от властей лишь в том случае, если они суме-ют заручиться поддержкой частных благотворителей. Это еще более усиливает власть богатых,

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
позволяя им влиять на распределение государственных средств, поскольку те выделяются на те же цели, что и деньги частных спонсоров. Аналогичный пример представляет собой зародившаяся в США, но быстро распространяющаяся и в других странах практика вычета потраченных на благотворительность средств из сумм, подлежащих налогообложению. Это делается с тем, чтобы снизить объемы необходимого финансирования со стороны государства. Но в результате богатые корпорации и отдельные лица не только получают возможность решать, на какие виды деятельности выделять свои деньги, но одновременно и диктовать структуру государственного финансирования, которое изначально нередко осуществлялось именно с целью иной расстановки приоритетов, нежели та, которую бы выбрали богатые.

Еще одно следствие этих тенденций состоит в том, что предприниматели и руководители компаний получают весьма привилегированный доступ к политикам и государственным служащим. Поскольку успех и квалификация первых зависят исключительно от способности максимизировать акционерную стоимость своих компаний, следует ожидать, что как раз на благо этих компаний они и будут использовать вышеупомянутый доступ. В первую очередь это происходит тогда, когда взаимоотношения между правительством и каким-либо экономическим сектором осуществляются не через ассоциации, представляющие компании этого сектора, а через отдельные крупные корпорации. Такой вариант начинает преобладать даже в Германии и Швеции – двух странах, в которых компании издавна работали через могущественные и весьма эффективные коллективные организации. В конце 1990-х годов социал-демократическое германское правительство привлекло служащих ведущих частных компаний к разработке корпоративной налоговой политики; неудивительно, что итогом стало серьезное облегчение налогового бремени для крупных германских корпораций за счет мелких компаний и трудящихся.

Чем больше различных видов своей деятельности правительство передает на субподряд и аутсорсинг, – обычно поступая так по совету лиц из корпоративного сектора, – тем выше становится потенциальная ценность доступа к должностным лицам, помогающего получить правительственные контракты. Если одной из характерных черт современной политики является переход к либеральной модели лоббирования и презентации своих интересов в противоположность партийной политике, то мы наблюдаем очень серьезное явление. Оно дает основания предполагать, что политика лоббирования приведет к еще большему усилению крупных корпораций и их руководителей. Власть, которой они уже обладают в рамках своих компаний, преобразуется в весьма значительную политическую власть, что представляет собой серьезную угрозу для демократического равновесия.

ОСОБАЯ РОЛЬ МЕДИАКОРПОРАЦИЙ

Влиятельные корпорации, оказывающие непосредственное воздействие на политику (речь идет о медиа-индустрии), по сути, несут прямую ответственность за современную безальтернативность и деградацию политического языка и коммуникации – факторы, в немалой степени определяющие текущее нездоровое состояние демократии. Причин здесь две. Во-первых, печать, а также, во все большей степени, радио и телевидение входят в коммерческий сектор общества – вместо, допустим, благотворительного или образовательного секторов, в которых они вполне могли бы оказаться. Это означает, что программы новостей и прочие политически значимые сообщения должны соответствовать формату, который диктуется какими-то определенными представлениями о рыночном продукте. Если медиакомпания хочет переманить клиентов у конкурента, ей следует быстро завладеть вниманием читателя, слушателя или зрителя. В результате сообщения крайне упрощаются и подаются в сенсационном ключе, что, в свою очередь, снижает уровень политических дискуссий и компетентность граждан. Чрезмерное упрощение и сенсационность сами по себе не обязательно сопутствуют рынку и коммерциализации: рынки редких книг, спортивных машин, дорогих вин и прочих подобных вещей уважают потребность клиента в принятии тщательно продуманного решения и предоставляют ему обширную информацию. Подобные рынки в ограниченной степени существуют даже в рамках СМИ – в виде газет и программ для высокообразованных людей, умеющих воспринимать сложную аргументацию без особых умственных усилий. Массовый рынок новостей непригоден для серьезной продукции исключительно вследствие его особого характера и эфемерности предоставляемого товара. В результате политические деятели вынуждены следовать одному и тому же шаблону, если они хотят сохранить какой-то контроль за формулированием собственных высказываний: если они не овладеют умением изречь лаконичные, броские банальности,

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
журналисты начисто переписут то, что они хотели сказать. Политики всегда рассчитывали, что их слова будут цитировать в заголовках.

Предлагаю провести небольшой мысленный эксперимент, чтобы понять суть этого процесса. Представим себе, что учителям поставлена задача доносить до своих учеников информацию в газетном стиле, и наоборот. Каждый день учителя будут сталкиваться с риском того, что если им не удастся быстро завладеть вниманием учеников, то на следующее утро те отправятся в другую школу. Сомнительно, что кто-либо из учеников привлечет алгебра, строение атомов углерода или французские неправильные глаголы. По сути, этот кошмар отчасти уже происходит: учителям приходится бороться за внимание учеников с телевизором, перед которым те проводят долгие часы своего досуга. Интересно, что такая возможность почти никогда не упоминается в жалобах общественности на снижение уровня образования. Может быть, это связано с тем фактом, что подобные жалобы обычно организуются хозяевами СМИ?

Можно возразить, что рано или поздно родители и ученики сообразят, что образование, состоящее из занимательных, легко усваиваемых обрывков знаний, ни к чему не ведет и, в частности, не готовит учеников к тому, чтобы занять достойное место на рынке труда. Таким образом, рынок знаний произведет автокоррекцию, и хорошие школы будут вознаграждены увеличением числа учеников. Однако в случае массовой политической коммуникации такая коррекция неосуществима. Аналогом учеников, обнаруживших, что их поверхностное образование ни на что не годится, будут люди, обнаружившие, что газеты и телепрограммы не подготовили их к тому, чтобы стать политически подкованными гражданами. Но такой проверки никогда не произойдет, по крайней мере в какой-то осязаемой форме. Люди могут смутно догадываться, что они не понимают происходящего в политике и в управлении страной, а все, что они слышат о политиках, об окружающих их скандалах и дутых сенсациях, только сильнее их запутывает. Но они будут не в силах уловить здесь какую-либо связь с логикой определенных рыночных процессов.

Для того чтобы перейти к противоположной аналогии, когда СМИ действуют по принципу школы, особого воображения не требуется. Именно так поначалу работали британская ВВС и некоторые другие широко вещательные компании демократического мира. Задача этих СМИ, в формулировке ВВС, состояла в том, чтобы «информировать, просвещать и развлекать». Рудименты этой модели сохранились в работе ВВС и, в некоторой степени, в контролируемом секторе частного телевидения. Различные виды общественного контроля, весьма далекие от политического вмешательства, с одной стороны, обеспечивают защиту от непосредственного давления рынка, а с другой — обязывают к уважению иных целей, помимо быстрого привлечения внимания. Но эта модель уже довольно долгое время пребывает в упадке. Возлагаемые на работников СМИ из общественного сектора обязательства следить за соотношением своего зрительского рейтинга и рейтинга их конкурентов из частного сектора неизбежно толкают первых именно к борьбе за привлечение внимания. Этот процесс интенсифицировался после того, как технологические достижения устранили прежнее ограничение на число каналов, присущее системе эфирного вещания, создав возможности для спутниковых, кабельных и цифровых услуг. Кроме того, печать и вещательные средства массовой информации начинают относиться друг к другу как к источнику сюжетов, но этот процесс становится односторонним: приоритеты печатной журналистики и частного вещания проникают и в сектор общественного вещания, в то время как необходимость быстрого привлечения внимания мешают первым двум заимствовать много новостей у последнего, если только те еще не приобрели форму, отвечающую этому требованию.

В результате коммерческая модель берет верх над другими способами осуществления массовой политической коммуникации. Политика и прочие новостии все чаще рассматриваются как крайне скоропортящиеся предметы потребления. Потребитель берет верх над гражданином.

Вторая причина для беспокойности той ролью, которую печать, радио и телевидение играют в осуществлении политической коммуникации, состоит в том, что контроль над этими СМИ сосредоточен в руках чрезвычайно узкой группы лиц. Как ни странно, развитие новых технологий передачи информации не привело к увеличению разнообразия среди ее поставщиков, если только не принимать в расчет крайне узкоспециализированные каналы. Проблема в том, что технологии, необходимые для реально массового вещания, чрезвычайно дороги, и ими могут воспользоваться лишь огромные корпорации. В

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
Велико-британии, представляющей крайний случай в этом отношении, одна-единственная компания (News Corporation) монополизировала спутниковое телевидение (BSkyB), владеет такими разными газетами, как The Times и The Sun, и обладает тесными взаимоотношениями с другими поставщиками новостей. Кроме того, News Corporation – международная компания лишь с частичным участием британского капитала. В Италии премьер-министр является крупнейшей, не знающей себе равных фигурой в секторе частных СМИ (а помимо этого он пользуется все большим влиянием и в секторе общественного вещания).

Даже там, где есть конкуренция, она едва ли приведет к разнообразию вследствие экономических условий, царящих на рынках СМИ. Когда поставщики новостей выявляют крупный, примерно однородный массовый рынок потребителей, они единодушно стремятся сделать его мишенью своих усилий, а это значит, что все они предлагают приблизительно одно и то же. Разнообразие появится лишь в одном из двух случаев. Во-первых, могут существовать иные формы подачи новостей, что формально наблюдалось в случае многих общественных СМИ, в чью задачу не входил охват максимально большой однородной аудитории. Во-вторых, коммерческие поставщики будут выдавать разнообразную продукцию, если в состоянии увидеть сегментированный рынок вместо однородной массы; соответственно, они могут сделать выбор в пользу охвата отдельных сегментов. Такое происходит в случае «качественной» печати, которая нацелена на небольшой, но обычно процветающий слой высокообразованных читателей.

Контроль за политически значимыми новостями и информацией, представляющий собой жизненно необходимый ресурс демократии, оказывается в руках у очень узкой группы исключительно богатых лиц. А богатые люди, как бы сильно они ни конкурировали друг с другом, как правило, разделяют одно политическое мировоззрение и очень сильно заинтересованы в том, чтобы использовать находящиеся под их контролем ресурсы для борьбы за свои убеждения. Это не просто означает, что одни партии получают в СМИ более благоприятное освещение, чем другие; вожди всех партий знают об этой власти и чувствуют себя связанными ею при формулировании своих программ. Разумеется, наблюдаемая нами концентрация СМИ в руках немногих не произошла бы, если бы правительства полагали, что их вмешательство необходимо в интересах большего разнообразия и конкуренции. Аналогичные факторы лежат за раздающимися сейчас в большинстве демократий призывами резко ограничить роль общественных СМИ в пользу частного вещания.

РЫНКИ И КЛАССЫ

Эта тенденция к росту политического влияния корпоративных интересов нередко подается как свидетельство высокой эффективности рынка. О том, сколько здесь иронии, можно судить по нашему обсуждению медиакорпораций. Первые, сформулированные в XVI–XVII веке свободно-рыночные экономические доктрины Адама Смита и других авторов имели целью отделить мир политики от частного предпринимательства и, в частности, покончить с предоставлением монополий и контрактов придворным фаворитам. Как мы увидим в главе V, многие современные случаи приватизации, субподрядов и устранения границ между общественными услугами и частным сектором представляют собой возобновление именно этой сомнительной практики. Соответственно, мы наблюдаем еще один аспект движения по параболе: возвращение к корпоративным политическим привилегиям под лозунгами рынка и свободной конкуренции.

Все это может происходить лишь в обществах, утративших чувство различия между общественными интересами, которые охраняются государственными структурами, стремящимися проявить свою независимую компетенцию, и частными интересами эгоистического характера. В преддемократические времена социальные элиты, доминировавшие в экономической и общественной жизни, также монополизировали политическое влияние и свою роль в обществе. Расцвет демократии вынудил их по крайней мере поделить своим местом на этих аренах с представителями незлитарных групп. Однако сегодня, вследствие растущей зависимости государства от знаний и опыта корпоративных руководителей и ведущих предпринимателей, а также зависимости партий от их средств, мы постепенно движемся к созданию нового класса, доминирующего и в политике, и в экономике. Он не только приобретает все большую власть и богатство одновременно с тем, как усиливается неравенство в обществе, но и начинает играть привилегированную политическую роль, всегда служившую отличительной чертой реально доминировавших классов. К этому сводится основной кризис демократии в начале XXI века.

В популярных дискуссиях классы обычно выделяются по присущим им культурным атрибутам – акценту, одежде, типичным развлечениям. И когда конкретные наборы этих атрибутов лишаются прежней отчетливости, за этим следуют заявления о конце классового общества. Однако куда более серьезное определение термина «класс» основывается на взаимосвязи между различиями в экономическом положении и различиями в доступе к политической власти. И в этом смысле никакого исчезновения классов не наблюдается, наоборот, налицо усиление такой связи, представляющее собой один из самых серьезных симптомов движения к постдемократии: возвышение корпоративной элиты сопутствует упадку креативной демократии. Кроме того, мы видим связь между двумя проблемами, выделенными в начале данного исследования: затруднениями, свойственными эгалитарной политике, и проблемами собственно демократии. Борьба с эгалитаризмом, несомненно, является одной из ключевых политических целей корпоративных элит.

III. Социальные классы в постдемократическом обществе

Современное политическое убеждение в исчезновении социальных классов само по себе является симптомом постдемократии. В недемократических обществах классовые различия гордо и демонстративно выставляются напоказ, а от подчиненных классов требуют, чтобы они знали свое место; демократия бросает вызов классовым привилегиям от имени подчиненных классов; постдемократия же отрицает существование и привилегий, и подчинения. Хотя такое отрицание легко оспаривается путем социологического анализа, налицо несомненная трудность идентификации или самоидентификации того или иного класса в качестве четко определенной социальной группы, если не брать в расчет все более самоуверенный класс акционеров и «руководителей». Этот факт, как и вызываемая им неопределенность, является важной причиной тех проблем, с которыми столкнулась демократия.

ЗАКАТ РАБОЧЕГО КЛАССА

К концу XIX века во многих частях индустриализующегося мира большинство квалифицированных и часть неквалифицированных рабочих успешно объединились в профсоюзы, заявив о своем стремлении к полному политическому участию. Этот процесс всюду шел по-разному. Во Франции, Швейцарии и США созданию профсоюзов предшествовало формальное провозглашение всеобщего избирательного права для мужчин – с парадоксальным последующим ослаблением независимых трудовых организаций в этих государствах. В ряде других стран, например в Великобритании и Дании, борьба за всеобщее избирательное право потребовала длительного времени. Во многих других случаях эта борьба была тяжелой, жестокой, а в ряде стран не смогла завершиться, не пройдя через более-менее продолжительные периоды фашизма или иных репрессивных режимов. Несмотря на крайнее разнообразие путей, ведущих к демократии, почти повсюду рабочий класс сталкивался с большим или меньшим исключением из политического процесса. Ему было также присуще ощущение явного социального изгойства, так как большинство социальных групп того времени, не занимавшихся физическим трудом, считало даже квалифицированных рабочих не подходящими партнерами для социального общения. Эти факторы усугублялись сегрегацией по месту жительства, породившей расслоение большинства индустриальных городов на районы, в которых проживали лица только одного класса.

Однако этот раскол нигде не был ярко выражен, и другие различия нередко оказывались более существенными: за исключением Скандинавии, вражда между католиками и протестантами, между адептами и противниками религии или теми и другими, вместе взятыми, нередко задвигала классовые разногласия на второй план. Впрочем, классовая политика представляла собой весьма заметное явление. Относительное социальное изгойство рабочего класса вело к тому, что его недовольство служило предметом постоянных опасений, а нищета отдельных слоев пролетариата представляла собой серьезную социальную проблему, известную в социальных католических дискуссиях как *la question sociale*. С конца XIX до третьей четверти XX века поиск ответов на проблему политического существования этого класса являлся одной из важнейших задач внутренней политики. Если в обществах с сильным влиянием католицизма рост независимых рабочих партий, а соответственно, и развертывание открытого классового конфликта ослаблялись узами межклассового религиозного единства, то этот конфликт продолжался и в рамках собственно христианской демократии (Van Kersbergen, 1996).

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org

На протяжении всего этого времени численность ра-бочего класса возрастала, а впоследствии начали уве-личиваться и его доходы, благодаря чему его влия-ние начало сказываться не только на политике в обла-сти трудовых отношений и социального обеспечения, но и на потребительских рынках. Имелись серьезные основания для того, чтобы считать пролетариат клас-сом будущего, а политики почти во всех партиях по-нимали, что их собственная судьба зависит от умения отвечать на его запросы. Более того, динамика мас-сового капиталистического производства середины XX века полностью проявилась лишь после того, как перестройка экономики сделала возможной процвета-ние рабочего класса.

Однако затем, с середины 1960-х годов, относитель-ная численность рабочего класса начала снижаться – сперва в Северной Америке, Великобритании и Скан-динавии, а затем этот процесс распространился на весь индустриальный мир, включая такие страны, как Ита-лия, Франция и Испания, которые все еще испыты-вали упадок сельского хозяйства, связанный с ростом промышленного производства (Crouch, 1999a: ch. 4). Повышение производительности труда и автоматиза-ция вели к сокращению числа рабочих, необходимых для выработки единицы продукции, в то время как по-стоянно росла занятость в административном секторе, а также в различных сферах услуг (особенно тех, что были связаны с государством всеобщего благосостоя-ния). Закрытие многих предприятий в 1980-х и новая волна технологических изменений в 1990-х привели к дальнейшему снижению числа непосредственно за-нятых на производстве. И хотя в рядах рабочего класса продолжало состоять много людей, особенно мужчин, он уже не был растущим классом будущего.

К концу XX века значительная часть рабочего клас-са участвовала только в оборонительных, протекцио-нистских боях. Это наиболее ясно и драматично про-являлось в Великобритании, где рабочее движение, в прошлом весьма могущественное, переживало трой-ной кризис, складывавшийся из чрезвычайно быстрой деиндустриализации, связанной с ослаблением индуст-риальной базы страны, глубокого междоусобного кон-фликта в Лейбористской партии и катастрофически плохо организованной забастовки шахтеров. На поли-тическом уровне Лейбористская партия реагировала на относительный упадок рабочего класса, начавшийся еще в 1960-х, пытаясь взять под свое крыло ряд новых, растущих в численности групп, не занятых ручным трудом. Особенно привлекательной она оказалась для мужчин и женщин, работающих в сфере обществен-ных услуг, которая в тот период вносила важный вклад в увеличение рабочих мест в непроизводственном сек-торе. Однако отчаянный рывок лейбористов влево, произошедший в начале 1980-х, заставил их забыть о своей исторической роли партии, смотрящей в буду-щее, и привел к попыткам сколотить коалицию из все-возможных разрозненных групп. На деиндустриализи-руемся севере, в Ливерпуле, Лейбористская партия была загнана в воинствующий пролетарский редут – ту же стратегию более долгое время с катастрофиче-скими для себя результатами применяла французская компартия. На новом космополитическом, постмодер-нистском юге, в Лондоне, предпринимались попытки создать пеструю, внеклассовую коалицию отвержен-ных, включавшую этнические меньшинства и различ-ные группировки, в первую очередь нетрадиционной сексуальной ориентации; по такому же пути в то вре-мя пошла и Демократическая партия США.

И ливерпульская, и лондонская стратегии были об-речены на неудачу. Рабочий класс вступил в XX век в качестве класса будущего, громко заявив о себе как выразителе коллективных интересов в эпоху, изуро-дованную индивидуализмом: он принес с собой обе-щание всеобщего гражданства и возможность массо-вого потребления в обществе, которое знало только роскошь для богатых и существование на грани вы-живания для бедных. К концу века он стал классом проигравших: защита государства всеобщего благосо-стояния теперь опирается на призывы к состраданию, а не на требования всеобщего равноправия. За сто лет пролетариат описал параболу.

Этот процесс имел свои особенности в разных стра-нах, порой различаясь весьма существенно. В Италии, Испании, Португалии и Франции наблюдалось спол-зание влево, обычно следующее за упадком сельского общества, причем относительно сильные компартии этих стран избавлялись от подавляющего советско-го влияния. Временно это привело к усилению рабо-чего движения. В Германии и Австрии большое чис-ло занятых в промышленности сохранялось гораз-до дольше, что снижало необходимость в серьезном пересмотре стратегии, хотя в результате к 1990-м го-дам рабочие движения этих стран оказались особенно неподатливыми к изменениям и адаптации. Сужение индустриальной базы серьезно ударило по рабочему движению в скандинавских

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
странах и подорвало его гегемонистское положение в этих обществах, но важная роль, которую оно играло в предыдущие полвека, помогла ему избежать маргинализации. Однако к концу XX века серьезное и необратимое сокращение численности стало уделом рабочего класса по всему развитому миру. Британский опыт 1980-х годов служит особенно ярким, но отнюдь не исключительным примером политической маргинализации пролетариата.

СЛАБАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ ДРУГИХ КЛАССОВ

Гораздо труднее пересказать классовую историю остальной – в наше время подавляющей – части населения: всевозможных разнородных групп, включающих в себя лиц умственного труда, административный персонал, духовенство, работников торговли, служащих финансовых учреждений, государственных чиновников и сотрудников органов социального обеспечения. Исторически отличаясь от пролетариата уровнем образования, доходами и условиями труда, большинство этих групп не проявляло желания вставать под знамена рабочего класса и вступать в его организации. Многим из них так и не удалось занять никакой независимой позиции на политическом поле. Их профессиональные организации обычно слабы (за очень важным исключением организаций государственных служащих, а также врачей, адвокатов и т. п.); они могут отдавать свои голоса за любых кандидатов, не имея выраженных предпочтений, которые были характерны для пролетариата и буржуазии.

Из этого не следует, что представители вышеназванных групп с безразличием относятся к общественной жизни. Напротив, все они почти наверняка окажутся активными участниками организаций и групп, отстаивающих те или иные интересы. Но широкий разброс этих объединений по всему политическому спектру не позволяет им выступать единым фронтом против политической системы, выдвигая четкие требования, как это делает возрождающийся класс капиталистов и делал когда-то рабочий класс. В политическом плане они нередко находятся ближе к капиталу, поскольку при двухпартийных системах традиционно голосовали скорее за антисоциалистические, нежели за рабочие партии. Но их позиция вовсе не однозначна; например, они являются активными сторонниками гражданского государства всеобщего благосостояния, особенно в части здравоохранения, образования и пенсионной системы.

Более пристальное рассмотрение позволит нам увидеть, что и в этой усредненной массе существует своя структура. Здесь часто наблюдается расслоение на государственных служащих и занятых в частном секторе, причем первые гораздо чаще объединяются в профсоюзы и имеют естественную склонность к участию в организациях и лобби, встающих на защиту общественных услуг. Приватизация значительной части государственного сектора в 1980-х и 1990-х в немалой степени была обусловлена избирательными процессами, поскольку в некоторых странах правоцентристские партии, противопоставив себя государственным служащим как классу, старались сократить их численность. (На исходе века левоцентристские партии начали прибегать к той же политике, что привело к их конфликту с ядром своего электората.)

Налицо также важное иерархическое деление. У низовых офисных работников нет почти ничего общего с высшим руководством – и по своим доходам, и по образовательному уровню первые нередко уступают квалифицированным рабочим. Существенную роль играют и тендерные различия. В целом (хотя, разумеется, не без исключений) чем ниже ставка, тем меньше оклад, а чем ниже образовательный уровень лица, занятого в непроизводственной сфере, тем с большей вероятностью оно будет иметь женский пол. Тендерные различия порождают в иерархическом непролетарском коллективе офиса или магазина не менее острый культурный раскол, чем тот, что существует между производственным и непроизводственным трудом на заводе.

Если предположить, что старший управленческий персонал и представители высокооплачиваемых профессий имеют все основания для того, чтобы встать на сторону политических интересов капитала (если только они не работают в сфере общественных услуг), то вопрос о том, почему нижние уровни иерархии «белых воротничков» не проводят свою собственную политику, становится практически равнозначен вопросу: почему женщины не превратились в независимую политическую силу, выступающую от лица низших непроизводственных классов, так, как это сделали мужчины от лица квалифицированного рабочего класса? Этот вопрос настолько важен для состояния современной демократии, что ниже мы рассмотрим его более подробно.

На это объяснение слабой выраженности инте-ресов, присущих низам среднего класса, можно воз-разить, что политики почти маниакально одержи-мы именно этой группой и стараются отвечать на все ее запросы. Однако эти запросы так обрабатывают-ся политической системой, что становятся неотличи-мы от запросов бизнеса. Этим на протяжении мно-гих лет весьма небезуспешно занимаются правоцен-тристские партии, стремящиеся не допустить того, чтобы эти слои вступили в прочный союз с рабочими. Если такие реформистские группы, как британские новые лейбористы, по меньшей мере успешно конку-рируют с правоцентристами за поддержку со сторо-ны этих слоев, то лишь потому, что начали испол-зовать точно такой же подход, а не потому, что вы-ражают их более широкие интересы, которые могут причинить неудобство корпоративной элите. Дело по-дается так, будто у низов среднего класса нет других причин для недовольства, кроме качества государ-ственных услуг, из чего все чаще делается вывод, что эти услуги необходимо приватизировать. Этим людям внушается нежелание искать иные способы повыше-ния своего социального статуса, кроме как послушно карабкаться вместе со своими детьми по карьерной лестнице, выстроеной бизнес-элитами. Этим и объ-ясняется навязчивая озабоченность современных по-литиков образованием, поскольку оно представля-ется основным и надежным средством социальной мобильности. Но так как последняя доступна лишь меньшинству, и то в условиях острой конкуренции, то очень странно предлагать такую политику в каче-стве универсального решения всех жизненных про-блем. Эта задача может быть временно решена на по-литическом, но не реальном уровне, если науськивать родителей большинства учеников на их учителей, ста-вя тем в вину недостаточные успехи детей.

Таким образом, политика по отношению к новым социальным категориям, возникшим в постиндустри-альной экономике, в достаточной мере соответств-ет постдемократической модели: именно эти катего-рии чаще всего становятся объектами политического манипулирования, самой же этой группе по большей части присущи пассивность и недостаток политиче-ской независимости. Это неудивительно, поскольку эти слои численно выросли в течение постдемократи-ческого периода. Как ни странно, они не вписывают-ся в нашу параболу. Служащие непроизводственного сектора в прошлом не подвергались политическому исключению, поскольку их число в преддемократи-ческий период было очень мало; на волне демократи-зации они играли пассивную роль, держась в стороне от борьбы активных сил большого бизнеса и органи-зованного (в основном физического) труда за дости-жение социального компромисса. В результате этот слой мало что получил для себя от постдемократии.

ЖЕНЩИНЫ И ДЕМОКРАТИЯ

Тем не менее в недавнее время мы стали свидетеля-ми серьезного исключения из этой модели пассивно-сти: речь идет о политической мобилизации женщин. На поставленный выше вопрос, почему в историче-ском плане со стороны женщин почти не наблюда-лось независимого выражения профессиональных требований политического характера, легко дать от-вет. Во-первых, женщины в качестве хранителей се-мьи, то есть будучи занятыми в непроизводственной сфере, в течение долгого времени были менее склон-ны, чем мужчины, ставить свои политические взгля-ды в зависимость от места работы. Они реже участ-вовали во всевозможных организациях, за исключе-нием церковных. В силу сложных причин, в которые мы сейчас не будем вдаваться, в большинстве евро-пейских стран представителями этих семейных и ре-лигиозных интересов являлись консервативные пар-тии. Хотя за последние тридцать лет многие женщины вступили в ряды рабочей силы, большинство из них работает на полставки и, соответственно, не разорва-ло тесных связей с домашней сферой.

Во-вторых, если мужчины, как пол, уже проявив-ший активность в общественной жизни, в свое время могли создавать союзы и движения, не опасаясь того, что кто-либо стал бы рассматривать мужской харак-тер этих организаций как своего рода атаку на жен-ский пол, то в отношении женщин, создающих свои организации вдогонку за уже существующими муж-скими, наблюдалась совершенно противоположная ситуация. Выражение женского мировоззрения вос-принималось как критика мужских взглядов. С уче-том того, что большинство людей связано с общест-вом через семью, женщинам сложно выразить свои специфические интересы, связанные с их преимуще-ственно женскими профессиями, не вызывая тре-ний в семье и имея сколько-нибудь серьезный шанс на создание собственных сообществ. Неслучайно от-кровенно феминистские организации обычно выра-жают интересы одиноких женщин более эффектив-но, чем замужних.

Однако с начала 1970-х годов эта ситуация стала меняться. Происходила мобилизация – или, точнее, целый спектр мобилизаций – женских идентичностей и их политического выражения. Наряду с движением зеленых она представляла собой самый важный со-временный пример демократической политики в ее позитивном, творческом смысле. Это явление развивалось по классическому образцу массовых мобилизаций. Оно зародилось в узком кругу интеллектуалов и экстремистов, затем вырвалось оттуда, выражаясь сложными, многообразными и неконтролируемыми способами, вытекавшими, однако, из фундаментального требования всех великих движений: выявления невыраженной идентичности, ведущего к формулировке интересов и к созданию формальных и неформальных группировок, представляющих эти интересы. Как и всякое великое движение, оно застало существующую политическую систему врасплох и с трудом поддавалось манипуляции. Кроме того, в своем развитии оно оставалось неподконтрольно официальным феминистским движениям. Возможно, первые феминистки, стремясь мобилизовать своих сестер, и не собирались создавать ничего подобного феномену Girl Power, но характерной чертой всякого по-настоящему крупного социального движения является его способность принимать всевозможные, нередко неожиданные и противоречащие друг другу формы.

В феминизме присутствуют все ключевые ингредиенты значительного демократического явления: экстремисты-радикалы, трезвые политики-реформаторы, хитрые реакционеры, подхватившие лозунги движения и подающие их в диаметрально противоположном ключе, всевозможные культурные проявления и элитарного, и массового характера, постепенное проникновение в язык простых людей отдельных элементов языка этого первоначально эзотерического движения. Со временем и политическая система начала реагировать на требования женщин при помощи весьма разносторонней политики. Параллельно с этим возрстал интерес политических и деловых элит к вовлечению женщин в ряды рабочей силы. Странноватое и, возможно, нестабильное состояние современных гендерных взаимоотношений, при котором явно подразумевается, что и мужчины, и женщины должны работать, но при этом женщины все равно остаются главными хранителями семьи, делаются идеальными кандидатами для должностей на полставки; так удовлетворяется потребность компаний в гибкой рабочей силе. А государство радуется увеличению числа налогоплательщиков, связанному с массовым выходом женщин на работу. Но это отнюдь не снижает значения феминистского движения, а лишь его укрепляет. В конце концов, политический рост рабочего класса точно так же сопровождался растущей зависимостью экономики от его потребительских возможностей.

Вышеперечисленные факторы продолжают сдерживать способность женщин к политической независимости, но весь опыт феминизма представляет собой островок демократии в рамках общего наступления постдемократии, напоминая нам о том, что важные исторические тенденции порой можно переломить.

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РЕФОРМИЗМА

С учетом вышеизложенного мы легко можем оценить положение так называемых реформаторских группировок во многих левоцентристских партиях, таких как «Третий путь», новые лейбористы, Neue Mitte или riformisti. Бывшая социальная база их партий стала ассоциироваться с упадком, уходом в оборону и поражением, перестав служить надежным отправным пунктом для установления контактов с обращенными в будущее явлениями – либо происходящими в рамках электората, либо связанными с животрепещущими проблемами. Организации, призванные доводить до политиков чаяния народа – сами партии и связанные с ними профсоюзы, – все сильнее отдаляются от точек роста в среде электората и рабочей силы и подают дезориентирующие сигналы в отношении политических приоритетов новых людских масс пост-индустриального общества.

Особое место в этом отношении занимают британские новые лейбористы. Как отмечалось выше, британский пролетариат, когда-то составлявший фундамент одного из наиболее мощных рабочих движений в мире, в начале 1980-х пережил ряд особенно болезненных поражений. Лейбористская партия и профсоюзы отчаянно шарахнулись влево именно в тот момент, когда развалилась прежняя социальная база левой политики. Эти события поставили во главе партии новых людей, самым решительным образом настроенных отмежеваться от ее недавнего прошлого. Однако в результате такой стратегии партия лишилась сколь-нибудь четко выраженных социальных интересов – за крайне многозначительным исключением существенно большего внимания к насущным

женским вопросам, нежели того, что было свойственно консерваторам и лейбористам прежних эпох, чего, собствен-но, и следовало ожидать в контексте предшествующе-го обсуждения. Но во всех прочих отношениях смену лейбористов новыми лейбористами можно понимать как результат кошмарных 1980-х, когда демократиче-ская модель утратила свою жизнеспособность, как за-мену партии, пригодной для демократической полити-ки, на партию, пригодную для постдемократии.

Это позволило Лейбористской партии постепенно отказаться от своей прежней социальной базы и стать партией для всех, в чем лейбористам сопутствовал ис-ключительный успех. За исключением шведской Со-циал-демократической партии, британская Лейбо-ристская партия за последние годы добилась наибо-лее впечатляющих электоральных результатов из всех европейских партий левоцентристского толка. (Сле-дует, однако, отметить, что в значительной степени такой успех был обусловлен особенностями британ-ской избирательной системы, которая затрудняет ор-ганизованную критику партийного руководства и в то же время наделяет непропорциональным влия-нием в парламенте ту партию, за которую избиратели отдали больше всего голосов.)

Но партия, не имеющая конкретной социальной базы, все равно что существует в пустоте, а именно этого не терпит политическая природа. Эту пустоту бросились заполнять окрепшие корпоративные ин-тересы, воплощенные в новой агрессивной и гибкой модели компании, цель которой – максимизация ак-ционерной стоимости. Этим объясняется парадокс правительства новых лейбористов. Оно выступало в качестве новой, свежей, модернизирующей силы, на-целенной на перемены; но ее повестка дня в области социальной и экономической политики чем дальше, тем все явственнее становилась продолжением пред-шествовавших восемнадцати лет неолиберального правления консерваторов.

То, что британские новые лейбористы выходят за рамки сближения и сотрудничества с деловыми интересами, характерного для всех социал-демокра-тических партий, и превращаются в партию деловых кругов, доказывает целый ряд моментов, среди которых не последнее место занимают проявившие-ся в течение 1998 года необычные отношения между многими министрами, их советниками, профессио-нальными лоббистами, за деньгами обеспечивающими доступ компаний к министрам, и самими этими ком-паниями. В той степени, в какой некоторые из этих действий предпринимаются с целью поиска источни-ков партийного финансирования среди бизнесменов взамен прежнего финансирования со стороны проф-союзов, они самым непосредственным образом выте-кают из вставшей перед лейбористами дилеммы по-иска иной социальной базы взамен рабочего класса. В итоге мы получаем многообразные последствия, по-зволяющие увязать данную дискуссию с приведенной в предыдущей главе дискуссией о политическом уси-лении корпоративной элиты и с ожидающей нас в сле-дующей главе дискуссией об изменениях во внутрен-ней структуре политических партий.

Новые лейбористы остаются исключительным при-мером среди европейских левоцентристских рефор-маторов – в том отношении, что они зашли даль-ше всех прочих, и в том, что добились значительных электоральных успехов, вызывая зависть у многих братских партий. Однако данная тенденция наблю-дается почти повсеместно; собственно, в смысле до-вольно сомнительного поиска источников финан-сирования среди деловых кругов новые лейбористы, возможно, запятнали себя не так сильно, как их кол-леги из Бельгии, Франции или Германии. В полити-ческом плане, если Neue Mitte в Социал-демокра-тической партии Германии или riformisti в итальянской Партии демократических левых сил еще не сделали такого решительного шага навстречу бизнесу, как но-вые лейбористы, то лишь потому, что они по-преж-нему готовы идти на серьезный компромисс с проф-союзами и другими составляющими индустриального общества, а не потому, что мы нашли формулу для выра-жения принципиальных интересов нового эксплуа-тируемого населения постиндустриального общества.

Одновременно с тем потенциальная радикальная и демократическая повестка дня не находит себе при-менения. В более чистых рыночно-ориентированных обществах, к которым мы движемся, резко усилива-ется неравенство в доходах, а также относительное и даже абсолютное обнищание. Возрастающая гиб-кость рынков труда делает жизнь очень нестабиль-ной – по крайней мере для нижней трети трудяще-гося населения. В то время как сокращение занято-сти в промышленном производстве и в угледобыче снизило долю грязной и опасной работы, занятость в новом секторе услуг имеет свои отрицательные сто-роны.

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org

В частности, работа в быстрорастущем секторе услуг нередко влечет за собой подчинение трудящегося нанимателям и клиентам, возрождающее многие унижительные черты прежнего мира до-машней прислуги.

Современные трудовые проблемы подстерегают не только нижнюю треть трудящихся. Даже получа-тели высоких окладов сталкиваются с тем, что работа отнимает все большую часть их жизни, принося с со-бой ненужные стрессы. Процессы экономии, в послед-ние годы приводившие во многих организациях госу-дарственного и частного сектора к снижению расхо-дов на рабочую силу, привели к чрезмерной трудовой нагрузке на многих уровнях. Для многих наемных ра-ботников выросла продолжительность рабочего дня. Поскольку теперь в рамках формальной экономики заняты и мужчины, и женщины, это приводит к со-кращению времени на досуг и семейную жизнь. И это происходит в эпоху, когда родителям приходится уде-лять все больше усилий на то, чтобы помочь своему потомству преодолеть все более усложняющийся пе-риод детства. Угроза всевозможных девиаций и давле-ние со стороны тех сфер капитализма, которые откры-ли для себя исключительную восприимчивость детей как потребителей, дополняются отчаянной потребно-стью добиваться успехов в образований с целью до-стойно проявить себя в состязании за рабочие места, которое приносит все более щедрые награды победи-телям и все более суровое наказание побежденным. Недостатки государственных служащих ни в коем случае не являются главным источником принимаю-щей политизированные формы неудовлетворенности их работой, что бы нам ни пытался внушить текущий политический консенсус.

Политики порой утверждают, что государству ста-новится все труднее принимать меры защиты от кап-ризмов рынка вследствие явного нежелания современ-ного населения платить налоги. Однако возражать им, что объективная необходимость в этих мерах уже не существует и не может быть превращена в полити-ческий вопрос партией, всерьез желающей привлечь к нему внимание, – дело достаточно безнадежное. Приоритетное место в любой объективной полити-ческой повестке дня занимают проблемы, с которыми мы сталкиваемся на работе. Такая повестка могла бы объединить новые и старые сегменты рабочей силы.

Партии, реально стремящейся представлять интересы этого объединенного слоя, не придется тратить много времени на поиски ответа.

В течение нескольких лет казалось, что нидерланд-ская Партия труда нашла такую формулу, удачно соче-тая гибкость рабочей силы с заново сформулирован-ными правами трудящихся, что стало одним из фак-тором, способствовавших «чудесному» сокращению безработицы в Голландии в последние годы (Visser and Nemerijck, 1997). Поэтому поражение этой пар-тии и ее коалиционных партнеров на первых выборах 2002 года, отмеченных сенсационным, хотя и недол-гим триумфом «Списка Пима Фортейна», стало очень тревожным событием. Оно может быть объяснено тем, что Партия труда так и не сумела разработать новую стратегию создания в Голландии рабочих мест в качестве партийной политики, проводимой в инте-ресах новых, недавно сформировавшихся групп тру-дящихся, хотя на практике именно это она и делала. Та политика, которую она провозгласила – и, видимо, по стратегическим соображениям должна была про-возгласить, – представляла собой классовый компро-мисс, консенсус, охватывающий весь политический спектр. В этом качестве Партия труда не могла сыг-рать серьезной роли в смелом озвучивании интересов новых трудящихся, а вместо этого, лишь способствовала созданию у голландских избирателей ощущения, порождающего стремление к новой «ясно-сти», обещанной фортейном и его сторонниками, что правящие страной политики погрязли в компромис-сах. В отсутствие новых озвученных классовых инте-ресов эта «ясность» проявляется почти в единствен-ной доступной из альтернативных форм, а именно в форме национальной и расовой идентичности, про-тивопоставляемой иммигрантам из числа этнических меньшинств.

Аналогичным образом можно объяснить ряд дру-гих заметных поражений правящих социал-демокра-тических партий в 1990-х, при том что эти партии имели хороший послужной список в отстаивании ин-тересов трудящихся как производственной, так и не-производственной сферы. Австрийские и датские со-циал-демократы, подобно голландским, проводили новую прогрессивную политику в коалициях с теми или иными из своих главных соперников. Француз-ские социалисты уживались с правоцентристским президентом. Коалиция «Оливковая ветвь» в Италии не смогла погасить трений между входящими в нее левыми и центристскими партиями, чьи раздоры пре-пятствовали выработке

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
какой-либо политической повестки дня. В каждом из этих случаев была разработана хорошая программа новой политики в сфере занятости, но она так ни разу и не сумела внести свой вклад в процесс поиска новой идентичности, потому что сформировалась в рамках правительственного консенсуса, а не в ходе политической борьбы.

Более значительный успех шведских социал-демократов на национальных выборах 2002 года подтверждает это предположение, так как, находясь у власти, они добились некоторого прогресса в выполнении аналогичной повестки дня, не имея нужды в создании коалиции с партиями, представляющими совершенно иные интересы. Пример иного рода дает нам почти чудесное выживание коалиции красных и зеленых в Германии. Их правительство не слишком обременяло себя выполнением повестки дня в сфере занятости по голландскому или французскому образцу, однако в Германии сохраняется более высокая (хотя и снижающаяся) доля занятых в промышленности по сравнению с большинством других развитых стран. Соответственно, потребность в реформах здесь менее велика. Однако такая ситуация долго не продлится, и германская социал-демократия вскоре тоже столкнется с проблемой выбора постиндустриальной политики.

Вместе с тем крайне существенным представляется то, что в каждом из тех случаев, когда левоцентристские силы попадались в коалиционную ловушку или брали на себя обязательства сосуществования, вызванные попыткой создать и мобилизовать на свою поддержку новые партийно-ориентированные социальные идентичности, победителями, хотя порой очень ненадолго, в контексте левоцентристского поражения оказывались партии, представляющие националистическую, антииммигрантскую или расистскую политику, то есть опирающиеся на ясные и бескомпромиссные идентичности. Временный характер их успехов говорит о том, что расизм сам по себе не столь важен, как стремление масс к политике, хотя бы по видимости откликающейся на людские нужды и не ограничивающейся интересами сложившихся политических и социальных элит.

IV. Политическая партия в условиях постдемократии

ВЫЗОВ ПОСТДЕМОКРАТИИ

Недавние изменения, в том числе и те, что упоминались в предыдущих главах, посвященных укреплению компаний и разрушению классовой структуры, весьма существенно сказались на концентрической модели. Еще одним новшеством стало резкое разрастание слоев советников и лоббистов, окружающих руководящее ядро. Хотя все эти три группы – вожди, советники и лоббисты – разделены довольно четко, на практике отдельные лица постоянно переходят из одной группы в другую, совместно составляя особый слой политиков.

Этот процесс изменяет форму руководящего ядра по отношению к остальным кругам партии. Оно превращается в эллипс, причем начинается этот процесс, как всегда, в тот момент, когда партийные вожди и профессиональные активисты, составляющие сердцевину партии, стремятся либо вознаградить себя, попав в руководство, либо добиться политических успехов в качестве нематериального вознаграждения. Но есть и те, кто, сочувствуя партии и ее целям, работают на нее все же в основном ради денег. Среди них есть чистые профессионалы, нанятые партией для определенной работы и не обязательно являющиеся ее политическими сторонниками. Что более важно, все эти группы перекрываются и взаимодействуют с группами лоббистов, работающих на компании, стремящиеся установить контакты с политиками, чьи действия затрагивают их интересы. Как было показано в главе II и будет рассмотрено более подробно в главе V, любая партия, входящая в правительство или имеющая к этому возможность, в наши дни принимает серьезное участие в приватизации и выдаче субподрядов. Компаниям, желающим на этом нажиться, порой крайне необходимо налаживать связи с государственными структурами. Субподряды в этом плане более важны, поскольку они обычно связаны с услугами, которые выражают суть выполняемой политики и в силу этого не могут быть полностью приватизированы; выдаваемые же на них подряды подлежат периодическому переформлению. Компаниям, желающим участвовать в этом бизнесе, настоятельно рекомендуется сохранять постоянные контакты с ядром правящей партии, принимающим политические решения. Представители компаний регулярно общаются с кругом партийных советников, а те получают в этих компаниях работу штатных лоббистов. Таким образом центральное ядро, прежде являвшееся внутренним кругом партии, растягивается, превращаясь в

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
эллипс, вытянутый далеко за ее пределы.

Все партии поражены этой тенденцией. Она лежит в основе многих коррупционных скандалов, жертва-ми которых становятся партии всех оттенков в со-временных развитых обществах. С тех пор как идея особого статуса государственной службы была объ-явлена нелепой и смехотворной, а высшей целью че-ловеческого существования провозгласили стрем-ление к личной наживе, политики, советники и все прочие предска-зуемо стали считать продажу своего политического влияния важнейшим и абсолютно ле-гитимным аспектом своего участия в политической жизни. Однако общая для всех проблема эллиптиче-ского растяжения политической элиты создает осо-бые трудности для социал-демократических партий, поскольку их члены и электоральное ядро значи-тельно сильнее удалены от элиты, чем в правоцен-тристских партиях. Особенно неприятными стали для социал-демократов последствия произошедших в 1980-х изменений в классовой структуре, о чем шла речь в главе III. После того как численность рабочего класса сократилась, партийные активисты, обращав-шиеся в основном к этому классу, стали приносить меньше пользы в качестве связующего звена между руководством и широким электоратом. Руководство, естественно, попыталось вырваться из этой истори-ческой ловушки и стало все чаще обращаться к спе-циалистам по общественному мнению. И хотя трения подобного рода всегда были присущи концентриче-ской модели, в период масштабных классовых изме-нений они могут стать неуправляемыми. Процедуры, используемые для выявления мнения новых групп, носили пассивный и односторонний характер; неза-висимая мобилизация самих этих групп почти никак не давала о себе знать. А итогом обращения к экс-пертам стало дальнейшее искажение структуры пар-тийного руководства и усугубление ее эллиптическо-го характера.

Главная историческая ценность активистов для партийного руководства заключалась в их вкладе в привлечение избирателей – что они делали либо непосредственно, жертвуя своим временем, либо по-средством финансовых вкладов и сбора средств. Но-вая эллиптическая структура пытается и в этом отно-шении предложить хотя бы частичную альтернативу. Компании, все сильнее сплывающиеся вокруг пар-тийного руководства, могут снабжать партию деньга-ми ради их использования в национальных кампани-ях, особенно телевизионных, которые по большей ча-сти заменили собой местных активистов в процессе сбора голосов.

С точки зрения партийного руководства, отноше-ния с новым эллипсом более просты, более четки и окупаются гораздо лучше, чем отношения с преж-ними кругами активистов. Опыт тех, кто входит в со-став эллипса, намного полезнее, чем тот дилетантский энтузиазм, который может предложить обычный пар-тийный активист, не имея за душой ничего другого. Если экстраполировать тенденции последнего време-ни, то в качестве классической партии XXI века мож-но назвать организацию, состоящую из самовоспро-изводящейся внутренней элиты, далекой от массовых движений, которые служат для нее базой, и в то же время уютно устроившейся среди нескольких корпо-раций, которые, в свою очередь, финансируют выдачу подрядов на проведение опросов общественного мне-ния, услуги политических советников и труды по при-влечению избирателей в обмен на обещание партии в случае ее прихода к власти щедро вознаградить ком-пании, стремящиеся к политическому влиянию.

В настоящее время существует практически толь-ко один чистый пример такой партии, и это правая, а не социал-демократическая партия – итальянская «Вперед, Италия!». После краха Христианско-Демо-кратической и Социалистической партий, вызванного коррупционными скандалами в начале 1990-х, пред-приниматель Сильвио Берлускони – на самом деле тесно связанный с прежним режимом – собрал ре-сурсы обширной сети своих предприятий и быстро заполнил вакуум, который в противном случае обес-печил бы быстрый приход к власти тогдашней ком-мунистической партии. В число его предприятий вхо-дили: телевизионные каналы, издательство, крупный футбольный клуб, финансовая империя, ведущая сеть супермаркетов и т. д. Спустя всего несколько месяцев Берлускони создал одну из ведущих партий итальян-ского государства, и, несмотря на различные пре-вратности, в основном связанные с коррупционными скандалами, она остается таковой и поныне. Первона-чально в «Вперед, Италия!» вообще не было ни член-ства, ни активистов как таковых. Многие из функций, обычно выполняемых добровольцами, осуществля-лись наемными работниками различных предприятий Берлускони. Во внешнем финансировании, естествен-но, не было нужды, а кроме того, человек, владеющий тремя национальными телеканалами, общенацио-нальной газетой и популярным еженедельным жур-налом, не нуждается в партийных активистах,

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
чтобы донести до избирателей свои взгляды.

«Вперед, Италия!» – пример политической партии, порожденной силами, выявленными в главе II: по сути, это компания или сеть компаний, а не организация типа классической партии; она не возникла для озвучивания интересов какой-либо социальной группы, а была целенаправленно сконструирована представителями существующей политической и финансовой элиты. Кроме того, она выстроена во-круг личности своего вождя, а не вокруг какой-то конкретной партийной программы. Как отмечалось в главе I, само по себе это крайне характерно для постдемократии.

Однако история партии «Вперед, Италия!» также показывает, что для такой партии нового типа время еще не вполне настало. С годами она стала все сильнее напоминать классическую партию: у нее появились членство и структура местных добровольцев, и в результате она добилась более заметных успехов. Ключевым фактором в данном случае являлось значение местных итальянских властей как важнейшего связующего звена между народом и политиками и как животворной силы политических партий. «Вперед, Италия!» без сторонников на местах и без реального членства не смогла бы обеспечить фактически-го, а не виртуального присутствия среди электората – и повседневного присутствия, и получения голосов избирателей в день выборов. Пойдя таким путем, «Вперед, Италия!» начала добиваться успехов в местной политике, соответствующих ее позиции на национальном уровне, – хотя отчасти благодаря усилиям Берлускони, который с помощью своих телестудий, по сути, превратил местные выборы в слепок национальной политики.

То, что отказываться от услуг местных активистов преждевременно, видно также на примере новых лейбористов. Эта партия добилась крупных успехов в привлечении источников корпоративного финансирования, тем самым избавившись от зависимости от профсоюзов и массового членства. Однако политика нового типа, завязанная на чрезвычайно интенсивном присутствии в СМИ и на услугах наемных профессионалов, оказалась очень дорогостоящей. Нужда партии в деньгах возросла многократно. Миллионеры не заменили собой членов профсоюзов, потому что теперь, когда выборы обходятся в колоссальные суммы, партия не может отказаться ни от одного из источников финансирования. Но шаги, необходимые для привлечения новых, богатых спонсоров из деловых кругов, могут вполне оттолкнуть от партии других сторонников.

Одним из факторов, обусловивших нынешнюю волну коррупционных скандалов, которая затронула партии всех типов в ряде стран, включая Бельгию, Францию, Германию, Италию, Японию и Испанию, стала острейшая потребность в средствах для финансирования современных предвыборных кампаний. Только безрассудная партия стала бы отказываться от поддержки со стороны рядовых членов и профсоюзов в пользу корпораций, если она может получать деньги и от тех, и от других. По иронии судьбы именно затраты на профессиональную организацию предвыборных кампаний толкают современные партии обратно в объятия традиционных активистов и в то же время провоцируют их на всякого рода сомнительные поступки. В настоящий момент все эти силы находятся в состоянии неуютного сосуществования и взаимной подозрительности.

Во вступительной главе указывалось, что постдемократический период сочетает собственные характерные черты с чертами демократического и преддемократического периодов. То же самое можно сказать о современной политической партии. Наследие демократической модели, пусть и не обладая серьезными возможностями для самообновления, живет и продолжает играть важную роль, проявляясь в зависимости вождя от традиционной массовой партии с ее концентрической структурой. Новый эллипс, охватывающий, с одной стороны, партийное руководство, а с другой – консультантов и внешних лobbистов, парадоксальным образом сочетает в себе черты и постдемократии, и преддемократического прошлого. Он постдемократичен в той степени, в какой связан с характерными для этого периода опросами общественного мнения и работой экспертов-политологов, а преддемократичен в том отношении, что обеспечивает привилегированный доступ к политике со стороны частных компаний и коммерческих интересов. Противоречия, существующие внутри современной левоцентристской партии, – это противоречия, характерные для самой постдемократии. Тот факт, что новые классы не подверглись мобилизации, приводит к курьезному сочетанию старой социальной базы и новых источников финансирования.

V. Постдемократия и коммерциализация гражданства

Идеалы и реалии общественных услуг и государства всеобщего благосостояния, ставшие по-рождением XX века, сыграли фундаментальную роль в процессе демократизации политики. Иногда – в первую очередь в скандинавских странах – они являлись прямым достижением демократической борьбы. В других местах, например в Германии до Первой мировой войны, они создавались как паллиативы, имеющие целью ослабить демократический натиск. Но в любом случае они были так или иначе связаны с этой борьбой. Когда же демократия вступила во вторую половину XX века, качество общественных услуг стало ключевым параметром, определяющим характер и качество социального гражданства. Во всем развитом капиталистическом мире модель гражданско-го государства существовала параллельно с сильным рыночным сектором. Взаимоотношения между социальным государством и рыночной зоной всегда носили сложный характер и значительно различались от страны к стране, но почти повсюду получила распространение идея о том, что серьезное дело социального гражданства необходимо как-то дистанцировать от рыночной конкуренции и прибыли. Это предположение было фундаментальным для идеи демократического гражданства, поскольку подразумевало систему распределения и принятия решений, лишённую не-равенства, которое было свойственно капиталистическому компоненту общества. Противоречия между эгалитарными требованиями демократии и неравенством, вытекающим из природы капитализма, устранить невозможно, но здесь все равно возможны более или менее конструктивные компромиссы.

В наши дни эти допущения становятся предметом серьезных сомнений; все более могущественное лобби деловых интересов задаются вопросами: почему общественные услуги и политика социального обеспечения не могут быть, подобно всему остальному, использованы для извлечения прибыли? Почему коммерческие рестораны и парикмахерские допустимы, а школы и службы здравоохранения – нет? Стоит ли нам бояться коммерциализации общественных услуг? И имеют ли дискуссии о приватизации какое-либо отношение к проблеме постдемократии? Все это требует серьезного рассмотрения.

Попытки сочетать сферу услуг, которые до сего момента оказывало преимущественно государство, с капиталистической практикой принимают самые разные формы: рынки в рамках госсектора; приватизация при полной рыночной свободе или в ее отсутствие; выдача подрядов на крупные строительные проекты и на оказание услуг, порой в отсутствие приватизации либо рынков. Взаимосвязь между рынком и частной собственностью не столь однозначна, как принято считать. Несомненно, полная свобода рынка наряду с частной собственностью на экономические ресурсы создает условия для эталонного капитализма, описанного в учебниках по экономике, и два этих критерия вполне сочетаются друг с другом. Однако вполне возможны и рынки без частной собственности: ведомство, распоряжающееся коллективными ресурсами, может использовать систему цен и талонов с целью создания рынка для распределения этих ресурсов в рамках государственных или благотворительных организаций. Такая идея стояла за многими реформами социальных услуг в 1980-х годах, особенно в Великобритании, которые нередко предшествовали реальной приватизации. От госучреждений требовалось торговать услугами с другими организациями так, как если бы они находились в рыночных условиях, отказавшись от профессионально-коллегиальной модели, прежде регулировавшей их взаимоотношения. В качестве важного примера можно упомянуть внутренний рынок, созданный в рамках Национальной службы здравоохранения.

Для обозначения всех этих практик мы будем пользоваться обобщенным термином «коммерциализация», поскольку каждая из них строится на идее о том, что качество общественных услуг возрастет, если существующие практики и этос государственной службы будут частично заменены практиками и этосами, типичными для коммерческого сектора. Такой термин более точен, чем «маркетизация», поскольку ряд из происходящих сейчас процессов ведет к искажению рынка вместо его очищения. Кроме того, «коммерциализация» – более общий термин по сравнению с «приватизацией», поскольку та, строго говоря, относится только к передаче тех или иных активов в другие руки.

Величайшие достижения капитализма и его господство связаны с индустриализацией. Созданная последней возможность массового производства потребительских товаров привела к раскручиванию спирали инвестиций в заводы и оборудование, производства и продажи товаров и дальнейшего инвестирования прибыли от этой продажи: этот механизм и стал основой богатства и процветания XIX-XX веков. Но капитализм расширяет свои рамки, не только создавая новые товары и производственные методы, но и энергично

распространяясь на все новые и новые сферы жизни. Посредством процесса, известного как коммодификация, человеческая деятельность, про-исходящая вне рамок рынка и системы накопления, втягивается в их пределы. И это относится не только к производству материальных товаров, но и к услугам. Собственно, капитализм зародился в Европе на излете Средневековья именно в секторе услуг, главным образом в банковском деле, которое в последние десятилетия снова стало его фундаментом, – мы опять видим движение по параболе.

Капитализм может расширить свои пределы, если услуги, которые ранее воспринимались как обще-ственные или семейные обязательства, переводятся в область наемного труда и становятся оплачиваемыми. Многие политические конфликты прежних двух столетий были связаны с барьерами, которые всевозможные иные силы, такие как церковь или рабочий класс, пытались возвести вокруг агрессивного капитализма, стремящегося подмять под себя все новые и новые сферы жизни. В конце концов противоборствующие стороны пришли к различным компромиссам: воскресенья и прочие религиозные праздники были более-менее исключены из капиталистической рабочей недели; семейная жизнь не подверглась коммодификации, главным образом благодаря уходу большинства замужних женщин с рынка труда; эксплуатация труда подверглась различным ограничениям; наконец, к середине XX века ряд базовых услуг был по крайней мере частично отобран у капитализма и рынка, поскольку их предоставление было сочтено слишком важным и необходимым для всех. Как отмечал Т.Х.Маршалл (Marshall, 1963), люди приобрели право на эти товары и (в первую очередь) услуги не потому, что могли покупать их на рынке, а благодаря своему статусу граждан. Право на определенные услуги стало признаком демократии, таким же, как невозможность купить на рынке право голоса или право на справедливый суд; предоставление таких услуг через рынок означало бы снижение качества гражданства. (В большинстве капиталистических обществ идея о том, что юридические и демократические права защищены от посягательства рынка, по сути, является мифом. Богатые люди и группировки могут нанять себе лучших адвокатов, а в придачу к своим демократическим правам имеют возможности для лоббирования. Однако на риторические лозунги равенства перед законом и перед урной для голосования никто не покушается.) Эти услуги не обязательно предоставляются бесплатно, но их оплата носит символический характер и ни в коем случае не призвана регулировать их распределение или дозирование.

Список таких услуг менялся с течением времени и от страны к стране, но обычно он включает в себя право на образование определенного уровня, на здравоохранение, на отдельные виды ухода (в том числе ухода за детьми) в случае необходимости, и на финансовое вспомоществование в случае старости, а также временной или постоянной потери заработка вследствие увольнения, болезни или инвалидности.

Хотя порой эти исключения из сферы коммодификации и рынка становились объектом острых и ожесточенных конфликтов, задача тех, кто пытался ограничить проникновение капитализма в социальную жизнь, облегчалась тем фактом, что в течение большей части этого периода наилучшие возможности для получения прибыли и расширения границ рынка лежали в области промышленного производства. Это-му процессу был придан особенно мощный импульс в эпоху Второй мировой войны, когда западный мир переживал фазу демократического подъема, а потребности резко технологизировавшейся войны послужили внешним толчком для всевозможных изобретений, исследований и открытий с их последующим разно-сторонним использованием в мирное время. Западный капитализм в каком-то смысле расслабился, воспользовавшись теми возможностями, которые принесли ему важные компромиссы в отношении прав трудящихся и социального обеспечения. К концу 1960-х и началу 1970-х годов эта тенденция достигла своего пика. Мы снова видим здесь те же процессы, что уже рассматривались ранее в качестве ключевых факторов, определяющих траекторию демократического парабола.

При сохранении высокого темпа инноваций в производстве предметов потребления последующие крупные разработки требовали все более дорогостоящих исследований и крупномасштабных инвестиций. В то же время начали открываться новые возможности по предоставлению богатейшему населению разнообразных услуг, включавших в себя новые формы распределения, туризм, новые разновидности финансовых и прочих деловых услуг, набирающие популярность рестораны и прочие виды общепита, возросший интерес к возможностям здравоохранения, образования, к юридическим и прочим профессиональным услугам. Капиталистические компании все чаще обращались к этим секторам как к источникам прибыли – сперва

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
наряду с промышленным производством, а затем и вместо него.

Но при этом возникала проблема. Некоторые из вышеназванных услуг в потенциале весьма прибыльны, а в их предоставлении заинтересовано большое количество людей, однако они входят в компетенцию государства всеобщего благосостояния и в качестве оформившихся в середине века атрибутов гражданства ограждены от частного владения и от рынка. Пока существует государство всеобщего благосостояния, эти потенциальные сферы извлечения прибыли остаются недоступны капиталу. Поэтому постиндустриальный капитализм пытается отменить соглашения, заключенные его индустриальным предшественником, и снести барьеры на пути коммерциализации и коммодификации, предусматриваемые существующими концепциями гражданства. В этом ему оказывает властическую поддержку Всемирная торговая организация (ВТО), на которую власти самых могущественных государств мира возложили задачу по либерализации международного обмена товарами и услугами. У ВТО нет никаких других обязательств и никаких иных гуманитарных приоритетов; этот институт создан на волне постдемократии и обладает абсолютно постдемократическим набором обязанностей.

Единственное право, которое ВТО защищает от открытой конкуренции – это патентное право, и отсюда следует та поддержка, которую ВТО оказывала (до тех пор, пока эта практика не превратилась в крупную политическую проблему) многонациональным фармацевтическим фирмам, препятствуя бедным странам в торговле дешевыми, конкурентоспособными вариантами жизненно необходимых лекарств. Помимо либерализации существующих рынков, ВТО старается внедрить рыночные отношения в те сферы, где прежде господствовали иные принципы. В первую очередь объектом ее усилий становится государство всеобщего благосостояния, включая государственное образование и здравоохранение как области, которые должны быть открыты для рынков и для приватизации (Hatcher, 2000; Price, Pollock and Shaoul, 1999). В результате этого нажима набор гражданских атрибутов почти повсеместно подвергается серьезным атакам.

ГРАЖДАНСТВО И РЫНКИ

Важной отправной точкой для критики призывов к неразборчивой коммерциализации может служить то соображение, что максимизация рынков и частной собственности зачастую вступает в конфликт с другими целями человеческого существования. В то время как ВТО не готова и не обязана их учитывать, отдельные правительства, организации и частные лица вправе задаться вопросом: следует ли некритически относиться к перспективе полной маркетизации как к единственному критерию, определяющему нашу жизнь? Попытка помешать подобным дискуссиям равнозначна наложению серьезных ограничений на демократию. В принципе несогласных с этой идеей не найдется, за исключением каких-нибудь крайних либертарианцев. Например, вряд ли кто из консерваторов (или кто-то еще) подписался бы под требованием загнать в рыночные рамки сексуальные отношения или отношения между родителями и детьми. Практически никто из консерваторов и немногие из либералов согласятся с тем, что национальный политический суверенитет может стать предметом рыночной торговли и что право людей на смену страны проживания должно регулироваться только состоянием рынка труда, а не государственной иммиграционной политикой.

Рынок не может быть абсолютным принципом, категорическим императивом, поскольку представляет собой не самоцель, а лишь средство достижения цели. Рынок нужен нам потому, что его правила позволяют принимать решения о распределении ресурсов, в наибольшей степени отвечающие нашим целям, в чем бы эти цели ни состояли. В отношении других способов распределения ресурсов никогда нельзя сказать наверняка, позволяют ли они так же эффективно, как реальный рынок, просчитать все сопутствующие издержки, включая издержки упущенных возможностей. Но это не отменяет двух принципиальных моментов: того, что рынок не всегда в состоянии учесть все значимые факторы при выборе товара, и того, что рыночные методы сами по себе могут негативно отразиться на качестве товара. Первый момент имеет серьезное практическое значение, но его по крайней мере можно преодолеть, улучшая качество самого рынка. Например, если в цене товара не учитываются издержки от загрязнения окружающей среды, произошедшего в процессе его производства, то можно ввести налог, равный этим издержкам, и это, в свою очередь, отразится на цене.

Второе возражение – о том, что рыночные отношения как таковые негативно

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org сказываются на самом товаре, – носит более фундаментальный характер. На-пример, большинство людей считает, что сексуальные отношения, предлагаемые по принципу проституции, заведомо уступают сексуальным отношениям нерыночного характера. Проституцию, несомненно, можно усовершенствовать, если изменить состояние рынка сексуальных услуг: например, если легализовать ее, то снизится уровень эксплуатации и улучшатся условия, в которых оказываются эти услуги. Но все это не снимает вышеупомянутого возражения, которое связано с абсолютным суждением о качестве товара.

Можно ли снять возражения такого рода применимыми в сфере гражданских услуг? Этот вопрос завязан на две ключевые проблемы, к которым может привести применение коммерческого подхода: на проблему искажения и проблему остаточного принципа.

ПРОБЛЕМА ИСКАЖЕНИЯ

Предоставление товаров и услуг посредством рынка включает сложную процедуру создания преград, не позволяющих потребителям получать эти товары и услуги бесплатно. Порой при этом изменяется сам характер товара. Мы миримся с этими искажениями, поскольку иначе большинство товаров и услуг будут нам вообще недоступны. Так, очевидно, что торговцы не станут строить магазинов, если мы не будем признавать оплату наличными и вообще всю процедуру обмена товара на деньги. Однако бывают случаи, когда необходимая степень искажений настолько снижает качество товара или возводит настолько искусственные барьеры, что потребитель вправе усомниться, оправданы ли такие меры: например, когда предпринимателю позволяют купить кусок побережья и взимать плату за доступ на пляж и прогулки по утесам. Можно также вспомнить телевизионные программы, прерываемые рекламой, которая необходима для оплаты их производства.

Более показательный пример мы находим в деятельности Агентства помощи детям, созданного в 1980-х годах британским правительством консерваторов с целью добиться увеличения суммы алиментов, выплачиваемых родителями (как правило, отцами), не помогающими своим бывшим супругам в воспитании детей. Будучи порождением неолиберального подхода, Агентство не было заинтересовано в соблюдении справедливости и беспристрастности, предусматриваемых элементарной моделью юридических гражданских прав. По сути, Агентство выполняло роль частной компании по сбору долгов, а его персонал был финансово заинтересован в том, чтобы обеспечить максимальную прибыльность выделяемых Агентству государственных средств. Соответственно, Агентству было проще выколачивать больше денег из тех отцов, которые не скрывались и уже платили какие-то алименты, чем искать тех, кто вообще ничего не платил. В смысле идеалов справедливости и беспристрастности такой подход представлял собой искажение заявленной цели, приводя к тому, что Агентство стало крайне непопулярной организацией и не пользовалось никаким доверием. Но, исходя из логики хорошего бизнеса, Агентство избрало верную стратегию для максимизации прибылей. Принципы правосудия были принесены в жертву деловым принципам.

Другая форма искажений связана с искусственными попытками создания показателей, которые могли бы служить аналогами цены, особенно на теневых рынках, часто создающихся в сфере общественных услуг с целью избежать тех или иных проблем приватизации и в то же время воспользоваться важными преимуществами рынка. В тех случаях, когда рынок виртуален, а товары и услуги реально не являются предметом продажи, возникает сильное искушение к тому, чтобы избрать на роль показателей те величины, которые легко измерить, вместо реально значимых характеристик товара или услуги. Поставщики услуг склонны уделять основное внимание тем аспектам своей работы, которые учитываются в этих показателях, пренебрегая другими аспектами не потому, что те, в принципе, менее важны, а потому что их сложнее вычислить. К подобным искажениям привели попытки правительства новых лейбористов в Великобритании поставить во главу угла сокращение определенных списков нуждающихся в медицинском обслуживании: руководители учреждений здравоохранения и врачи сосредоточили усилия и ресурсы на тех направлениях, которые проходили через процедуру оценки и приобрели политическую значимость, за счет других аспектов своей работы, оставшихся в тени. Видимая эффективность такого подхода порой бывает весьма иллюзорна, поскольку вполне может случиться так, что легко измеряемые показатели в реальности далеко не самые существенные, и в результате мы получим снижение фактической эффективности. Конечно, число показателей

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
можно увеличивать, но это в конце концов приведет к перегрузке работников всякого рода расчетами и к чрез-мерной бюрократизированности.

Ценность показателя зависит от того, насколько точно он измеряет свойство, необходимое потребителю, а с этим могут возникнуть проблемы даже на на-стоящих рынках. Вычисление акционерной стоимо-сти компании нередко дает искаженное и ошибочное представление о том, чего стоит компания в долговре-менном плане; курсы обмена валют зачастую весьма отдаленно связаны с их относительной покупатель-ной способностью; относительная прибыльность – не единственный законный метод сравнения ценно-сти двух родов деятельности. Эта проблема усугуб-ляется в случае теневых или искусственных рынков типа тех, что существуют в сфере общественных услуг. Здесь показатели обычно выбираются не пользо-вателями, а политиками или администраторами и в ре-зультате чаще удовлетворяют политическим или управленческим критериям, а не запросам клиентов, которые, в принципе, и представляют собой главную цель прилагаемых усилий. В биржевой разновидно-сти капитализма, которая стала преобладать к концу XX века, эта проблема показателей перестала служить предметом беспокойства. На примере большого числа компаний из области информационных технологий, которые имели высокую акционерную стоимость еще до того, как что-то продали потребителям, мы видим, что стоимость акций фирмы стала абсолютно само-довлеющим фактором: если достаточно много людей верит в то, что акционерная стоимость сама по себе является важным показателем, они станут покупать акции, оправдывая величину акционерной стоимо-сти (Castells, 1996, ch. 2). Подобная экономика уязви-ма для внезапных кризисов доверия, во время кото-рых рушатся эти карточные домики. Но проходит не-много времени, и карточные домики строятся заново.

Кроме того, экономика подобного типа крайне уяз-вима для коррупции, что стало очевидно во время разгоревшихся в США вышеупомянутых аудиторских скандалов. Хотя подобная практика всеми осуждае-ся, в сущности, она может быть оправдана с точки зрения так называемой новой экономики, созданной в 1990-х. Если ценность экономической деятельно-сти определяется исключительно стоимостью акций, и если эта стоимость реальна в том смысле, что доста-точно много инвесторов верят в ее реальность и по-купают акции, то что плохого в том, чтобы попытать-ся восстановить пошатнувшееся доверие, сделав вид, что компания приносит прибыль? При условии, что достаточное число людей в это поверит, акционерная стоимость компании снова вырастет и все закрутит-ся по новой.

По аналогичному принципу работают показатели, с помощью которых измеряются успехи служб соци-ального обеспечения. Если люди верят, что эти пока-затели отражают что-то реальное, то они будут до-вольны, узнав, что значение этих показателей увеличивается. А если они будут довольны, то воздадут должное правительству, добившемуся таких хоро-ших результатов. О реальном состоянии услуг при этом все забудут, если только какие-нибудь настыр-ные критики не сумеют снова привлечь к нему внима-ние. До тех пор же в работе соответствующих служб будут наблюдаться серьезные искажения.

ОСТАТОЧНЫЙ ПРИНЦИП

Рынок часто провозглашают царством потребитель-ского суверенитета: продажа компаниями товаров и услуг возможна лишь в том случае, если мы хотим их покупать. Однако именно поставщики в первую очередь выбирают себе клиентов, принимая решение о том, в каком сегменте рынка им работать. Ни одна компания не может взять на себя обязательство удо-влетворять все запросы. Общественные услуги в этом отношении принципиально отличаются от частного бизнеса, поскольку диапазон их деятельности в по-тенциале должен быть всеохватным. Партнерство частного и государственного секторов при предо-ставлении этих услуг ведет к тому, что частные по-ставщики выбирают те сегменты, которые они хо-тят обслуживать, а государственные службы занима-ются предоставлением услуг для тех, в ком частный сектор не заинтересован. Подобное предоставление услуг носит остаточный характер, а из работ таких исследователей, как Альберт О.Хиршман (Хиршман, 2008) и Ричард Титмус (Titmuss, 1970), мы и в теории, и на практике знаем, что качество остаточных обще-ственных услуг резко снижается, поскольку пользо-ваться ими приходится только бедным, политически безответным слоям населения.

Ситуация еще больше усугубляется, когда к обще-ственным услугам предъявляется требование остаточ-ности и низкокачественности, потому что

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
правитель-ство сознательно пытается расчистить пространство для их коммерческого предоставления. Это вполне может случиться в том случае, если правительство отчаянно пытается приватизировать общественные услуги и за счет их продажи ликвидировать дефицит бюджета. Тогда такие услуги устраняются и из сфе-ры рынка, и из сферы гражданских прав. Обществен-ные услуги подобного рода нельзя назвать атрибута-ми гражданства: доступ к ним превращается из при-вилегии в наказание, а получателей остаточных услуг необходимо лишить права выражать свое граждан-ское мнение, иначе они потребуют повысить их каче-ство, что невозможно без нарушения запрета на кон-курентцию с частными поставщиками услуг.

Можно привести важный пример из практики агентств по трудоустройству. Логика неолиберального рыночного режима требует по возможности привати-зировать эту сферу, оставив государственным структу-рам работу лишь с теми, кого трудоустроить нереаль-но. Соответственно, пособия по безработице должны сопровождаться санкциями за отказ от предлагаемого варианта трудоустройства. Клиенты лишаются рыноч-ного выбора, так как не отвечают критериям вхожде-ния на рынок, и оказываются ущемлены в гражданских правах, так как из мира, где у них есть право на без-опасность, их выгоняют в мир, где за отказ от услу-ги может последовать наказание. В 1960-1970-х годах в развитых странах обычно считалось необходимым, чтобы государственные службы занятости предостав-ляли как можно более обширные услуги и чтобы вы-плата пособий по безработице была отделена от услуг по трудоустройству, поскольку цель трудоустройства – и в смысле его эффективности, и в смысле граждан-ских прав – понималась как максимальное расшире-ние возможностей граждан на получение подходящей Работы, приносящей удовлетворение. В настоящее вре-мя распространение получил ровно противополож-ный принцип: приватизация услуг по трудоустройству предусмотрена Маастрихтским договором и поощряется ОЭСР в качестве меры, привязывающей услуги по трудоустройству к выплате пособий. От обеспече-ния права граждан на труд мы переходим к тому, что-бы сделать жизнь без работы очень непривлекатель-ной и тем самым заставить безработных искать хоть какую-то работу.

ДЕГРАДАЦИЯ РЫНКОВ

Мы уже отмечали, что полное или частичное предо-ставление услуги частным сектором невозможно без ее маркетизации, особенно если под рынком мы по-нимаем чистый рынок из учебников по экономике. Он требует очень большого (стремящегося к беско-нечности) числа конкурирующих между собой по-ставщиков и покупателей и отсутствия серьезных барьеров, препятствующих приходу на рынок новых поставщиков. Кроме того, регулирование такого рын-ка должно ограничиваться сохранением идеальных условий для конкуренции, не создавая абсолютно ни-каких поблажек и привилегий для отдельных постав-щиков и покупателей. Такие жесткие условия нуж-ны по двум причинам. Во-первых, они обеспечивают минимальную возможную цену, при которой постав-щики не уходят с рынка: в условиях идеальной кон-курентции поставщик не может диктовать цену; ни-кто не в состоянии своими действиями установить цены или хотя бы влиять на них. Во-вторых, состоя-ние анонимности, обеспечиваемое как этим условием, так и отсутствием привилегированного доступа кре-гулирующим органам, ведет к невозможности поли-тического вмешательства на благо отдельным постав-щикам и в ущерб всем прочим. Собственно, в нео-классической экономической науке лоббирование в интересах производителя вообще не предусмотре-но, кроме тех случаев, когда запрос на изменение ре-гулирующего режима подается открыто и в интере-сах всех производителей, представленных на рынке.

Существует много товаров и услуг, в отношении ко-торых эти условия более-менее выполняются, но это, очевидно, совсем не так в тех случаях, когда на рын-ке не может присутствовать много компаний. Сове-менная экономическая теория и надзорные органы вынуждены все чаще учитывать нереальность иде-альной конкуренции в олигополистических секторах. Отмечалось, что очень малое число гигантских ком-паний может вступить друг с другом в ожесточенную ценовую конкуренцию, и поэтому считается, что оли-гополии в таких секторах, как нефтяной, и откровен-ная монополия в сфере программного обеспечения не нарушают антимонопольного законодательства. Однако этот подход принимает во внимание только цену, игнорируя важный политический аспект, свя-занный с привилегированным доступом таких ком-паний к политическим властям, который невозмо-жен в жестких условиях чистого рынка. Конкуренция между олигополистическими компаниями не обяза-тельно влечет за собой ослабление привилегирован-ного

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
политического лоббирования и даже может его усиливать в той степени, в какой эти компании при-бегают к политическим средствам в своей конкурент-ной борьбе. Для политэкономов XVIII века, в частности для Адама Смита, а также для их современных на-следников, таких как Фридрих фон Хайек, гарантия анонимности и неспособность какого-либо отдельно-го производителя изменять условия играли важную роль в этих политических рассуждениях. Смит, несо-мненно, посчитал бы политическую роль таких ком-паний, как Enron или Microsoft, несовместимой с иде-ей рыночной экономики.

Смиту, само собой, не приходилось учитывать ре-альной массовой демократии, да он, вероятно, и не впол-не бы ее одобрил. Однако, как отмечалось в главе II, мы знаем, что он наверняка бы и постде-мократическую политику с ее доминированием дело-вых лобби и, возможно, согласился бы с нами в том, что в условиях начала XXI века только бдительность возрожденной демократии могла бы поставить пре-дел неэффективности и сомнительной практике, ко-торые с большой вероятностью будут порождаться эллипсом, объединяющим политизированную дело-вую элиту и самодостаточный политический класс. Фон Хайек, в общем, не возражал против демокра-тии, но надеялся на то, что будут найдены способы сдержать ее тенденцию к критике капиталистиче-ского рынка. Он никогда не задумывался над клю-чевой проблемой: если для каждого конкретного ка-питалистического предприятия прибыльнее иметь политическое влияние, чем подчиняться рынку, то может ли политический процесс, в котором доми-нируют капиталистические силы, избежать перерож-дения в систему деловых лобби? Возможно, хайеков-ская модель и работает в условиях истинной нео-классической экономики, когда ни одна компания не обладает политическим влиянием и когда все от-дают предпочтение политической системе, гаранти-рующей, что ни одна компания не приобретет такого влияния, но в условиях конца XX – начала XXI века это нереализуемо. Крупные корпорации приобрели политические возможности и влияние, далеко пре-восходящие возможности и влияние мелких и сред-них предприятий, вынужденных работать в условиях политических ограничений реального рынка, и поль-зуются этим влиянием не только ради достижения собственных целей, но и ради сохранения политиче-ской системы, которая допускает проявление тако-го влияния.

Эти проблемы приобретают фундаментальное зна-чение в случае приватизации и крупномасштабной выдачи подрядов в сфере общественных услуг, по-скольку именно здесь широко распространено лоб-бирование и налаживание специальных связей с по-литиками и государственными чиновниками, вполне доступное для очень крупных, отнюдь не анонимных компаний. Получение приватизационных контрак-тов на своих собственных условиях и планирование их обязательного возобновления становится пово-дом для интенсивного взаимодействия в пределах эл-липса нового политического класса, который вклю-чает в себя очень небольшое число представителей элиты, выступающих от имени корпораций (нередко бывших министров и государственных служащих), политических советников и персонала партийных мозговых центров, а также министров и госслужа-щих, еще находящихся на своих должностях. Невоз-можно пресечь связи между старыми приятелями, вклады в партийные кассы, обещания директорских должностей после выхода в отставку и прочие яв-ления, сопровождающие это взаимодействие. С тех пор как успех в выдаче подрядов частным лицам стал важным символом политической добродетели, поли-тикам национального и местного уровня не требует-ся иной награды, помимо готовности компании взять предлагаемый ими подряд, что едва ли может слу-жить стимулом для жесткого торга. В случае полной приватизации тот факт, что участвующие в ней ком-пании ведут себя не вполне по-рыночному, неред-ко учитывается посредством учреждения соответ-ствующих ведомств для контроля над последующей работой отрасли. Но тогда появляются основания для беспокойства по поводу взаимоотношений меж-ду контролирующими органами и лоббистами. Хоро-шо известные заявления о том, что приватизация де-политизирует данную отрасль или услугу и дает га-рантии против коррупции, крайне лицемерны. Такая стратегия, отнюдь не снижая возможностей для кор-рупции в отношениях между властями и бизнесом, напротив, значительно расширяет их, создавая осо-бый класс компаний, обладающих большими приви-легиями в смысле доступа к политическим кругам. Чем более политически значима данная услуга, тем больше проблем при этом возникает.

ПРИВАТИЗАЦИЯ ИЛИ ПОДРЯДЫ?

Различие между приватизацией и выдачей подрядов требует более глубокого анализа. В первом случае частные компании получают право собственности на

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
ресурсы, находившиеся в государственном владении. В последнем случае владельцем активов остается го-сударство, однако исполнение отдельных аспектов данной услуги осуществляется коммерческими ком-паниями на основе контрактов разной продолжитель-ности. Разница здесь налицо. Например, при привати-зации железных дорог власти могут приватизировать все, а могут оставить в своем владении железнодорож-ную сеть и выдавать подряды на организацию движе-ния, обслуживание станций и услуги по перевозкам товаров.

Эта разница становится очень важной при испол-зовании подходов типа «Третьего пути», применяемо-го британским правительством новых лейбористов, ко-торые утверждают, что их стратегия в области здраво-охранения и образования включает партнерство между государственными и частными финансами и выдачу подрядов на предоставление услуг, а не передачу го-сударственных активов в частные руки, которая на-зывалась бы приватизацией. Хотя такой подход, в от-личие от приватизации, помогает избежать утраты права собственности, влекущей за собой потерю кон-троля над государственными активами, в реальности он лишь усугубляет рассматриваемую нами проблему привилегированного лоббирования и доступа к мини-страм и госслужащим со стороны отдельных корпора-ций. Именно из-за того, что выдача подрядов на пре-доставление услуг и финансовое партнерство между государством и частными лицами не сопряжены с фи-нальной приватизацией, взаимодействие между госу-дарственными властями и частным предпринимателем приобретает непрерывный характер, и поэтому лобби-рование и предосудительный обмен взаимными услу-гами становятся постоянными факторами. Оба вари-анта по необходимости влекут за собой заключение долгосрочных контрактов. В случае частного финанси-рования таких проектов, как постройка больницы или крупной школы, срок действия контрактов может до-стигать тридцати лет и больше. С учетом недолговеч-ности современных политических и организационных договоренностей такие контракты становятся более чем пожизненными. Выдача подрядов на оказание услуг не влечет за собой потребности в подобных долгосроч-ных контрактах, но она подразумевает некоторые не-возвратные затраты, а, кроме того, частному подрядчи-ку требуется время для вхождения в курс дела. Такие подряды обычно выдаются на срок от пяти до семи лет.

В течение действия таких контрактов заказчик по-падает в сильную зависимость от подрядчика в смыс-ле качества услуг. Подрядчик может штрафовать за их неоказание, но и услуги, и их выполнение могут быть четко обозначены лишь в смысле текущих задач и потребностей. Контракт представляет собой юри-дически обязывающий документ, в который не так-то легко внести поправки; долгосрочный контракт – ин-струмент поразительно гибкий и неповоротливый для того, чтобы пользоваться им в эпоху, требующую особенно быстрой адаптируемости и гибкости. В слу-чае краткосрочных (от пяти до семи лет) контрактов компании почти сразу же начинают думать об их воз-обновлении. Это, несомненно, дает им стимул к доб-росовестному исполнению существующего контракта, однако история выдачи подрядов учит нас не быть на-ивными. Имеются куда более простые и надежные спо-собы возобновления контракта – вместо повседневно-го добросовестного оказания услуг достаточно поддер-живать хорошие отношения с несколькими ключевыми лицами, занимающими ответственные должности.

Особенно интересно отметить возникновение мно-жества компаний, специализирующихся на искусстве получения подрядов от государства в самых разных сферах деятельности: например, одна реально су-ществующая британская компания берет подряды и на создание систем противоракетного предупреж-дения, и на организацию инспекций в начальных шко-лах. Очевидно, что компания, прежде подвизавшаяся в строительстве систем ПРО, не имеет первоначально-го опыта в управлении школами, и поэтому, добива-ясь подряда в этой области, не может со своей сторо-ны предложить ничего серьезного. Зато она обладает опытом получения подрядов от политиков и госчи-новников; этот опыт позволяет ей стать членом пост-демократического эллипса, описанного в главе IV. Но обязательно ли этот опыт нужен для того, чтобы добавленная стоимость и качественная услуга доходи-ли до непосредственных потребителей? В конце кон-цов, потребность в этом опыте можно устранить, про-сто-напросто не выдавая подрядов частному сектору.

ОТМИРАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Поведение государства в отношении реальных и по-тенциальных частных подрядчиков и готовность до-пустить их к процессу формулирования публичной политики, которая для них самих является источ-ником прибыли, представляют

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
собой примеры тен-денций, упомянутых в главе II: утраты государством уверенности в себе и ликвидации государственной службы как явления. Стоит напомнить, что по-нятие государственной службы сложилось в пред-демократическую эпоху. Во многих странах оно по-лучило еще большее развитие в эпоху расцвета так называемого бесконтрольного капитализма. Объяс-няется этот парадокс тем, что именно в стремлении оградить капиталистические свободы реформаторы XIX века нередко оказывались в ситуации, когда эти свободы вступали в противоречие с другими ценно-стями и интересами, и потому они всерьез воспри-нимали беспокойство Адама Смита о том, что биз-нес способен извратить политику точно в той же сте-пени, в какой политика способна извратить бизнес. Вследствие этого политикам и государственным слу-жащим требовалась своя этика, диктовавшая им иное поведение, чем в деловом мире. Мало кому удавалось жить в согласии с этими идеалами, из-за чего конец XIX века часто воспринимается как царство лицемерия, но все же эти идеалы существовали. Обществен-ная жизнь призывала к большой осторожности при взаимодействии с представителями влиятельных де-ловых кругов. Кроме того, от госслужащих требова-лось не забывать об общественных интересах, кото-рые не сводились к сумме частных деловых амбиций или того, на что были направлены эти амбиции. Эта идея развилась из концепции верховенства монархи-ческих интересов, но была адаптирована к условиям буржуазного капитализма и к необходимости внеш-него регулятора в лице государства, а затем достигла своего апогея в социал-демократическом идеале госу-дарства на службе у своих граждан.

Подобный подход не подразумевал враждебного отношения к капиталистическому поведению, а лишь признание того, что оно имеет свои границы, и на-личие определенного кодекса этики и поведения го-сударственных чиновников. Аналогичные процессы определяли положение армии и церкви по отноше-нию к постепенно нарождающемуся гражданскому и светскому государству. По мере того как в ходе по-литической жизни развивались институциональные структуры, не опиравшиеся на демонстрацию воен-ной силы, становилось ясно, что политический и во-енный кодексы нуждаются в отделении друг от друга. Из того, что сторонники гражданской политической жизни настаивали на этом разделении и на неуча-стии военных в политике, не следовало, что они были пацифистами. Точно так же и некоторые политики из числа преданных христиан со временем стали на-стаивать на отделении церкви от государства.

Одним из новшеств, которые принесло с собой так называемое новое государственное управление в кон-тексте неолиберальной гегемонии 1980-х годов, стал новый подход к границе между государственными и частными интересами, которая отныне считалась полупроницаемой: бизнес может вмешиваться в дела государства, как ему заблагорассудится, но не наобо-рот. Несогласных с этой моделью обвиняли в том, что они против бизнеса. Такая идея представляет собой крайне одностороннее преувеличение классического по-литэкономического учения, будучи беспринципной адаптацией к реалиям бизнеса с его возможностями лоббирования. Ее интеллектуальным обоснованием служит описанная в главе II неолиберальная теория о врожденной мудрости бизнеса и врожденном идио-тизме правительства. Как утверждает эта теория, ус-пешная конкуренция на идеальном рынке возмож-на, в частности, благодаря максимальной и верной информированности, поскольку неверная информа-ция влечет за собой ошибки стратегии, которые при-водят к банкротству. Поэтому можно считать, что ус-пешные компании обладают идеальной информаци-ей, дающей им возможность идеально предвидеть действия других рыночных игроков. Это допущение носит характер аксиомы, так как оно предполагает, что в долговременном плане рынок способствует вы-живанию лишь самых приспособленных – в данном случае компаний, обладающих наилучшими возмож-ностями для получения информации. В отношении правительства подобных предположений не делае-тся. Оно не существует в состоянии идеальной конку-ренции, поэтому его информированность вызывает только подозрения.

Этот тезис используется в том числе и для отрица-ния возможности государственного вмешательства в экономику. Если игроки на рынке по своей приро-де лучше информированы, чем правительство, то все шаги, на которые оно пытается их подвигнуть, будут менее эффективны, чем те решения, которые они при-нимают сами. В сущности, с учетом их способности к идеальному предвидению компании уже будут де-лать то, чего правительство надеется достигнуть сво-им вмешательством, и уклоняться от следования его советам. В частности, носителями этого абсолютно-го знания считаются компании, сумевшие выжить на финансовых рынках, работающие именно с экономи-ческими знаниями и чье суждение поэтому не долж-но вызывать никаких сомнений.

В практическом плане этой аргументации присущи три слабых момента. Во-первых, поскольку многие рынки далеко не идеальны, у нас нет никакого пра-ва предполагать, что даже самые успешные компа-нии отточили свои способности по сбору информа-ции до максимально возможной степени. Во-вторых, в условиях стремительно изменяющегося мира мы не сможем даже определить, из чего именно немного времени спустя будет состоять идеальное знание; по-скольку приобретение информации требует време-ни, окажется, что ни одна компания не обладает до-статочными знаниями, которые потребуются в чуть более отдаленном будущем. Во время продолжитель-ного биржевого бума 1990-х годов многие от приро-ды осторожные люди тоже поверили в то, что сектору информационных технологий каким-то образом уда-лось решить все эти проблемы. Последовавший по-сле 2000 года коллапс должен служить полезным на-поминанием о том, что информация, сопровождаю-щая биржевые сделки, зачастую менее чем идеальна. В-третьих, определенные разновидности информа-ции особенно легкодоступны для тех, кто находит-ся в ключевых точках и способны получать информа-цию за пределами рынка (то есть для правительства). Иными словами, если компании могут иметь преиму-щество над правительством при получении отдель-ных видов информации, то в отношении информа-ции другого вида преимущество имеет правительство.

Однако мы имеем дело с миром, в котором сила этих возражений не принимается во внимание и где вера в информационное превосходство успешных компа-ний над правительством превратилась в неоспоримую идеологию в такой степени, что, как мы видели в гла-ве II, госучреждения всех уровней страдают от хро-нического отсутствия уверенности в своих способно-стях. Чтобы не лишиться самоуважения и сохранить за собой хоть какую-то легитимность, они пытаются подражать частным компаниям настолько, насколько это возможно (например, посредством внутрен-ней маркетизации), отбирая у частного сектора спе-циалистов, консультантов и реальное предоставление услуг, а также приватизируя как можно больше госу-дарственных (или бывших государственных) органи-заций и вообще выставляя их на суд финансовых рын-ков. В ходе этого процесса неизбежно отбрасываются сформировавшиеся в XIX веке различия между эти-кой государственной службы и этикой частного биз-неса, а прежние запреты объявляются устаревшими. Если мудрость частной компании неизменно превы-шает мудрость правительства, то идея о том, что влия-ние деловых кругов на правительство должно иметь какие-то пределы, становится абсурдной.

Этот процесс превращается в порочный круг. Чем большую часть своих функций правительство отдает на откуп частным подрядчикам, тем сильнее его слу-жащие реально утрачивают компетенцию в соответ-ствующих сферах, хотя прежде были в них непревзой-денными специалистами. Теперь же они становятся просто посредниками между своим начальством и частными компаниями, уступая последним все свои профессиональные и технические знания. И вскоре частные подрядчики смогут с полным на то правом утверждать, что лишь они обладают достаточным опытом для оказания данных услуг.

В процессе максимального уподобления своей дея-тельности стилю частных компаний властные струк-туры вынуждены также расстаться с ключевым аспектом своей роли-тем, что они являются власт-ными структурами. Следует отметить, что этот про-цесс нисколько не затрагивает органы центрального правительства. В сущности, вовсе не приводя к ис-чезновению государственной власти, о чем мечта-ют либертарианцы, приватизация госорганизаций влечет за собой концентрацию политической вла-сти в эллипсе: последняя образует плотное цент-ральное ядро и взаимодействует преимущественно с элитой частного бизнеса. Это происходит следую-щим образом. Власти нижнего и среднего уровней, в частности местные госструктуры, вынуждены пе-рестраивать свою деятельность по модели «покупа-тель – продавец», задаваемой рынком. Вследствие этого они лишаются своей политической роли, кото-рую перетягивает к себе центр. Кроме того, централь-ное правительство приватизирует многие из своих собственных функций, передавая их различным кон-сультантам и поставщикам. Однако остается неустра-нимое политическое ядро, составляющее выборную часть капиталистической национальной демократии, которую нельзя распродать (хотя она может идти на компромиссы с лоббистами) и которая облада-ет верховной властью, по крайней мере в решениях о том, что и как приватизировать и отдавать подряд-чикам. Это ядро в процессе приватизации становится все меньше и меньше, но его невозможно полностью уничтожить, не ликвидировав концепций государ-ства и демократии как таковых. Чем большую роль играют приватизационная и маркетизационная мо-дели предоставления общественных услуг, особен-но на местном уровне, тем

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
сильнее ощущается нужда в якобинской модели централизованной демократии и гражданства без каких-либо промежуточных политических уровней.

УГРОЗА ГРАЖДАНСКИМ ПРАВАМ

Все это влечет за собой серьезные проблемы в отношении демократических прав гражданства. Фридланд (Freedland, 2001) подчеркивает, что отношения между правительством, гражданами и поставщиками приватизированных услуг представляют собой треугольник. Граждане связаны с властью (центральной или местной) посредством демократической избирательной и политической системы. Власть посредством контрактов связана с поставщиками услуг. Но граждане не имеют ни рыночной, ни гражданской связи с поставщиками услуг и после приватизации лишаются возможности ставить вопрос о качестве услуг перед правительством, потому что уже не оно их оказывает. В результате общественные услуги приобретают постдемократический характер: отныне правительство отвечает перед демосом только за общую политику, а не за ее конкретное воплощение.

После того как Фридланд написал это, случилась череда британских железнодорожных кризисов 2000–2002 годов, которые помогли выявить еще один момент: субподрядную цепочку. После приватизации или получения подряда компании передают часть своих обязанностей субподрядчикам следующего уровня, что еще сильнее увеличивает дистанцию между гражданами и услугой. Установить ответственность за железнодорожные кризисы в значительной степени было затруднительно из-за того, что непрерывно удлинявшаяся цепь субподрядов превращалась в юридический лабиринт, в котором терялась возможность определить, кто за что отвечает по условиям контрактов. Вопрос о качестве услуг в лучшем случае мог быть решен лишь в ходе запутанного судебного разбирательства.

Таким образом, принцип выдачи подрядов влечет за собой серьезный риск. Однако власти все более склонны идти на этот риск, искушаемые новыми заманчивыми возможностями. Пытаясь дистанцироваться от предоставления услуг посредством длинных субподрядных цепочек, правительство подражает самым хитрым компаниям, которые, как говорилось в главе II, открыли в 1990-е годы, что могут избавиться от своего ключевого бизнеса как такового, а затем сосредоточиться на единственной задаче – выстраивать образ своего бренда с помощью рекламных технологий, не заботясь о качестве продукции. Насколько облегчится задача властей, если им нужно будет только культивировать свой бренд и образ, перестав отвечать за реальное качество результатов своей политики! Подобные процессы, несомненно, влекут за собой деградацию демократии.

Это, в свою очередь, приводит нас к дальнейшему выводу: частные компании, в отличие от государственных организаций, обладают возможностями для самопрезентации. Политики, являясь частью госсектора, живут в мире, который находится намного ближе к частному сектору, поскольку вынуждены постоянно продавать себя и все чаще делают это с помощью бренда и красивой упаковки. И этот подарок частного сектора становится в их глазах намного более весомым, чем скучная обязанность заботиться о школах и больницах. Но, что более важно, они понимают, что презентационный подход со временем заставит забыть общественность о реальном качестве предоставляемых услуг, переключив ее внимание на рекламные и маркетинговые ходы, которые принес в эту сферу частный бизнес. В полностью раскрученном политическом мире здравоохранение, образование и прочие вопросы по-прежнему будут играть ключевую роль в политике, но в брендовой политике точно так же, как в рекламе «Кока-колы», содержатся ссылки на собственно напиток. Они будут служить источниками ассоциаций и образов, а не предметами, значимыми сами по себе. Электронная конкуренция сохранит свой интенсивный и креативный характер, поскольку соперничающие партии будут стремиться к тому, чтобы ассоциироваться с победными образами, но это будет такая конкуренция, которую партии сумеют удерживать под своим контролем.

Власти и партии не смогут окончательно перейти в этот идеальный мир до тех пор, пока услуги образования и здравоохранения, как и все прочее, что останется от государства всеобщего благосостояния, не будет передано длинной цепочке частных субподрядчиков, за работу которых государство будет нести не больше ответственности, чем фирма Nike отвечает за обувь, которую продают под этим брендом. Если применить этот сценарий к треугольнику Фридланда, мы увидим, что граждане потеряли буквально все возможности для перевода своего недовольства в политические действия.

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org

Выборы становятся игрой во-круг брендов, лишая граждан шанса донести до поли-тиков свое мнение о качестве услуг. Пусть такой ис-ход покажется неправдоподобным, но в реальности это лишь развитие процесса, к которому мы так при-выкли, что перестали его замечать: уподобление демо-кратического избирательного процесса, наивысшего выражения гражданских прав, маркетинговой кампа-нии, вполне откровенно строящейся на манипуляци-ях, применяемых для продажи товаров.

VI. Заключение: куда мы движемся?

На предыдущих страницах мы пытались показать, что главной причиной современного упадка де-мократии является резкий и усугубляющийся дис-баланс между ролью корпоративных интересов и ро-лью практически всех прочих групп. На фоне неиз-бежной энтропии демократии все это ведет к тому, что политика снова становится занятием узких элит, как в преддемократические времена. Этот дисбаланс проявляется на самых разных уровнях: порой в виде внешнего нажима, оказываемого на правительство; порой как смена приоритетов самого правительства; порой в самой структуре политических партий.

Эти процессы столь мощны и масштабны, что об-ратить их вспять кажется делом нереальным. Однако у нас остается возможность отчасти удержатъ совре-менную политику от неумолимого сползания к пост-демократии. Для этого требуются политика по обузда-нию корпоративной элиты и ее возрастающего влия-ния, политика по реформированию политической практики как таковой и те действия, которые еще мо-гут предпринять сами обеспокоенные граждане.

БОРЬБА С КОРПОРАТИВНЫМ ВЛИЯНИЕМ

Растущее политическое влияние компаний остается ключевым фактором, обеспечивающим успехи пост-демократии. Радикалы прежних поколений восприня-ли бы это заявление как призыв к свержению капита-лизма. Сейчас времена уже не те. Хотя восторженное отношение к капиталистическому способу производ-ства порой доходит до крайностей (в частности, нахо-дя выражение в приватизации железных дорог, водо-снабжения и авиадиспетчерской службы), никто еще не придумал альтернативы капиталистической ком-пании с ее производственной эффективностью, ин-новативностью и отзывчивостью на запросы клиен-тов в том, что касается большинства товаров и услуг. Следовательно, мы должны искать способ сохранить динамизм и предприимчивость капитализма, в то же время препятствуя компаниям и их руководству при-обретать слишком большое влияние, несовместимое с демократией. Сейчас модно отвечать, что это невоз-можно: едва мы начнем регулировать и сдерживать капиталистическое поведение, как оно тут же лишит-ся своего динамизма.

Но это блеф, на который политический мир боит-ся отвечать. В другие эпохи и в других местах демо-кратия опиралась на умение политиков обуздывать политическую власть бизнеса (или церкви, или ар-мии), в то же время сохраняя их эффективность в ка-честве обогащающей (нравственной, военной) силы. И мы тоже должны найти этот баланс, если хотим со-хранить демократию. Подобный компромисс удалось заключить между демократией и национальным про-мышленным капитализмом в середине XX века. Сего-дня к повиновению надлежит привести глобальный финансовый капитализм.

Но требовать этого на глобальном уровне – в на-стоящее время все равно что пробовать докричаться до Луны. Рамки международного миропорядка, зада-ваемые Всемирной торговой организацией, Органи-зацией экономического сотрудничества и развития, Международным валютным фондом и (для европей-цев) Евросоюзом, пока что сдвигаются в противопо-ложном направлении. Практически все меры, пред-принимаемые в связи с «реформой» международной экономики и либерализацией, включают в себя устра-нение любых помех корпоративной свободе. В пол-ном согласии с парадоксом, хорошо знакомым из эко-номической истории капитализма, руководящая теория требует движения к почти идеальному рынку, на практике же необузданная торговая либерализа-ция служит интересам крупнейших корпораций. Вме-сто создания свободных рынков возникают олигопо-лии. Большинство из них зародилось в США, един-ственной в мире сверхдержаве, благодаря чему они могут использовать правительство этой страны для лоббирования своих интересов в международных организациях. При этом американские власти более привержены идее корпоративной свободы, чем боль-шинство других. Сейчас американское правительство ведет наступление в тех сферах, на которые прежде не распространялась политика свободной торговли, например в здравоохранении

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
или помощи бедным странам. Мы видим это и на примере неудачных попыток ЕС защитить европейских потребителей от различных химических добавок в американском мясе, и в невыполненных обещаниях США карибским странам-производителям бананов.

В течение всех 1990-х годов европейцев, японцев и всех прочих убеждали в том, что англо-американская модель корпоративного управления и экономического регулирования более совершенна, чем их модели. Эта система правил предусматривает прозрачность поведения корпоративного руководства – в первую очередь из-за важной роли, которую интересы акционеров играют в неолиберальной экономике двух этих стран. Но нам говорят также, что такая прозрачность служит для широкой публики лучшей защитой, чем распространённые в других странах формы контроля, осуществляемые государством или деловыми ассоциациями. Таким образом, ставится знак равенства между интересами акционеров и интересами общественности. Может показаться, что в наше время, когда очень многие являются мелкими акционерами, мы видим здесь финальный ответ на все заявления левых о том, что капиталистической экономике необходимы какое-то внешнее управление и контроль.

Однако нынешняя волна аудиторских скандалов в США может привести к пересмотру этих взглядов. Разумеется, ни одна система не обходится без скандалов и злоупотреблений. Тем не менее существенным здесь является крупный провал именно тех принципов регулирования, благодаря которым и существует прозрачность, обеспечивающая превосходство англо-американской системы. Как мы уже отмечали, в рамках нынешнего либерального контролирующего режима, дружелюбного к корпорациям, задача надзора за честностью менеджмента доверена аудиторским компаниям, которым разрешается оказывать другие платные услуги тем же самым руководителям, за которыми они должны надзирать в интересах акционеров. Как эти аудиторские фирмы, так и деловые круги, с которыми они вступают в такие взаимоотношения, играют видную роль в формировании новых политических эллипсов, описанных в главе IV.

В 2002 году американское правительство, явно нарушая международные договорённости, ввело новые тарифы и квоты на импорт стали с целью защитить собственную металлургическую отрасль. Этот шаг значительно ослабил образ американской экономики как пример превосходства свободной торговли над отраслевой политикой. Настало время для контратаки на англо-американскую модель со стороны всех тех, кто в 1990-е годы был загипнотизирован видимым преимуществом ее методов контроля, ориентированных на защиту акционеров. В частности, настало время для Европейского союза отказаться от слепого подражания Америке.

Сам по себе ЕС вряд ли может служить впечатляющим образцом демократии. Хотя предшествовавшее ему Европейское экономическое сообщество появилось на свет в эпоху расцвета послевоенной демократии, оно задумывалось в первую очередь как техно-кратический институт. Его внутреннее демократическое развитие началось в 1980-е годы, когда элиты уже повсюду исповедовали постдемократические принципы управления. Поэтому эта демократия очень хрупка и боязлива. Эти факторы, совместно со стремлением большинства национальных правительств к тому, чтобы европейская демократия ни в коем случае не стала конкурентом национальных демократий, привели к созданию чрезвычайно слабых парламентских структур, оторванных от реальной жизни большинства населения. Ситуация с течением времени может улучшиться. По крайней мере существует выборный парламент, а Европейская комиссия налаживает обширные связи с заинтересованными организациями и в Брюсселе, и в национальных государствах. Однако в роли главного проводника демократизации ЕС может выступить на другом уровне. Всего лишь утверждая свое присутствие и насаждая некоторые характерные подходы, он способен бросить вызов американскому доминированию, которое в противном случае приобретёт абсолютно гегемонический характер, тем самым уничтожив альтернативы и возможности для выбора, без которых демократия не существует.

Имеются также возможности для борьбы с господством бизнеса на национальном уровне. Здесь самая злободневная задача – устранение почти неограниченного влияния деловых интересов на властные структуры, обязанного своим возникновением различным процессам, описанным в главах IV и V. Собственно говоря, решение этой задачи во многих отдельных государствах – необходимая предпосылка к каким-либо действиям в

Согласно неолиберальной идеологии, которая сегодня определяет действия почти любого правительства, все эти проблемы решаются путем создания истинно-рыночной экономики. Неолибералы утверждают, что при старой кейнсианской и корпоративистской формах социал-демократической экономики власти и деловые круги вступили в слишком тесные взаимоотношения. Там, где царствует свободный рынок, правительство понимает, что его роль сводится к уста-новлению базовых юридических рамок, и смиряет-ся с этим; компании же, зная, что правительство больше не будет вмешиваться в экономику, держат-ся в стороне от политики. Если прошедшие двадцать лет чему-нибудь нас научили, так это тому, насколько ошибочно такое суждение. Дело не только в том, что выдача подрядов на оказание общественных услуг – политика, диктуемая данной идеологией, – требует тесного и непрерывного взаимодействия между должностными лицами и компаниями. В более широком и более тонком плане диктуемое неолиберальной идеологией признание врожденной некомпетентности правительства и отношение к частным компаниям как к единственному носителем компетенции влекут за собой нажим на государство, имеющий целью постепенную передачу контроля за общественными делами компаниям и корпоративным лидерам. Отнюдь не проводя четкой границы между властями и бизнесом, неолиберализм соединяет их все большим числом разнообразных связей, но исключительно на территории, прежде зарезервированной за государством.

В результате функции государства и бизнеса настолько переплелись, а стимулы к коррупции настолько усилились, что борьба с этими явлениями требует действий на нескольких уровнях. Необходимы новые правила, которые бы пресекали или по крайней мере очень жестко регулировали денежные потоки и обмен персоналом между партиями, кругом советников и корпоративными лобби. Необходимо прояснить и ввести в рамки закона отношения между корпоративными донорами, с одной стороны, и государственными служащими, критериями расходования государственных средств и критериями публичной политики, с другой стороны. Необходимо возродить концепцию государственной службы как сферы со своей особой этикой и задачами. Следовало бы вспомнить о том, что британская элита викторианской эпохи, капиталистическая до мозга костей, выработала глубокое понимание того, чем отличается государственная служба от частного предпринимательства, и, насколько не возражая против истинных функций последнего, настойчиво проводила это понимание в жизнь. Вполне возможно, что применявшиеся в ту эпоху конкретные правила требуют внесения радикальных поправок в период, когда представления о возможностях крупных организаций шагнули далеко за пределы, установленные моделью классической бюрократии. Однако нынешняя теория, которая просто сводится к тому, что государственная служба должна многому научиться у частного бизнеса, безусловно, нуждается в пересмотре.

Необходимо изучить те уроки – и положительные, и отрицательные, – которые преподаны нам годами проникновения частного бизнеса в сферу общественных услуг. Оправданно ли то, что за повышение эффективности мы платим извращением целей? В современных условиях, когда лидеров делового мира приглашают посредством пожертвований и спонсорства проявлять свое влияние в тех областях общественной жизни, которые находятся за пределами их деловой компетенции, вмешиваются ли они в работу специалистов исходя из своего коммерческого опыта или из желания громко заявить о себе, а если да, то каковы будут последствия?

ДИЛЕММА ГРАЖДАНСТВА

Задача исследования и переосмысления того места, которое компании и их руководство занимают в политической жизни, относится к числу тех, в которых многие могут принять участие, – как и задача составления нового юридического кодекса поведения, который призван ввести поведение глобального бизнеса в рамки компромисса с другими социальными интересами и проблемами. Но кто станет адресатом всей этой весьма важной деятельности? Разумеется, главным образом органы государственной власти, однако наша работа в первую очередь посвящена изучению процесса, в ходе которого правительство и партии, даже левоцентристские, с их политическим аппаратом сами превратились в неотъемлемую часть проблемы о власти корпоративной элиты. Это видно на примере озвученного выше призыва к исследованию тех последствий, к которым приводит проникновение частного сектора в сферу общественных услуг. Кому проводить это исследование? Правительство, скорее всего, обратится к услугам частных консультационных фирм, которые сами

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
являются ярчайшим примером этой проблемы. Сохраняя верность образу активных, положительных граждан, которые являются душой максималистской демократии, я хотел бы завершить свой труд не призывом к политическому классу повышать качество нашей демократии, а размышлениями о том, что мы сами должны сделать для того, чтобы эти вопросы были включены в реальную политическую повестку дня.

С первого взгляда логика аргументов, использовавшихся в данной работе, приводит нас к заключению, внушающим тревогу своей противоречивостью. С одной стороны, может показаться, что в постдемократическом обществе нам уже нельзя рассчитывать на преданность конкретных партий конкретному делу. Из этого следует вывод о том, что нам следует забыть о партийной борьбе и оказывать всемерное содействие тем организациям, которые готовы решать волнующие нас проблемы. С другой стороны, мы видели, что раздробление политической деятельности на множество мелких направлений создает намного большие систематические преимущества для богатых и могущественных, чем политика, в которой доминируют партии, выступающие как представители более-менее четко определенных социальных слоев. С этой точки зрения отказывается от партий в пользу работы по конкретным вопросам означает лишь способствовать триумфу постдемократии. Однако опять же, цепляясь за старую модель монолитной партии, мы лишь погружаемся в ностальгию по навсегда ушедшему прошлому.

Некоторые наблюдатели, связанные с поисками третьего пути в политике, отказываясь от неворотливых институтов недавнего прошлого, с куда большим энтузиазмом относятся к перспективе замены крупных партийных организаций более гибкими структурами, менее политизированными в традиционном понимании. В первую очередь к таким авторам относятся Энтони Гидденс с его «Третьим путем» (Giddens, 1998) и Джефф Малган с «Политикой в эпоху антиполитики» (Mulgan, 1994). Но поразительно то, что ни один из них не усматривает в капитализме ничего проблематичного и не видит, что главным источником дилемм современного общества является концентрация корпоративной власти.

Можно найти более удачные способы сгладить противоречие между новыми гибкими движениями и старыми жесткими партиями, нежели делать вид, что проблемы, с которыми могут справиться только последние, уже не существуют. Партии остаются ключевыми игроками в борьбе с антиэгалитарными тенденциями постдемократии. Но мы не можем ограничиться достижением наших политических целей исключительно посредством партий. Мы должны воздействовать и на сами партии, оказывая поддержку тем движениям, которые служили бы источником непрерывного давления на них. Партии, не испытывающие нажима со стороны тех или иных движений, не смогут выжить в постдемократическом мире корпоративно-го лоббирования; те движения, которые не попытаются опереться на сильную партию, окажутся задавлены корпоративными лобби. Две взаимно противоречивые формы политической борьбы – движения и партии – должны находиться в состоянии взаимодействия.

ЗНАЧЕНИЕ ПАРТИЙ И ВЫБОРОВ В ПОСТДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Политики многих стран встревожены растущей апатией избирателей и сокращением численности партий. В этом заключается интересный парадокс класса политиков. Они стремятся по возможности воспрепятствовать тому, чтобы массы граждан активно копались в их секретах, создавали оппозиционные движения, выступали против жесткого контроля со стороны политико-предпринимательского эллипса. Но в то же время политики отчаянно нуждаются в нашей пассивной поддержке; их приводит в ужас мысль о том, что мы потеряем к ним интерес, перестанем за них голосовать и финансировать их партии, будем их игнорировать. Решение они ищут в том, чтобы как-либо образом обеспечить максимальный уровень минимального участия. Опасаясь апатии избирателей, политики удлиняют часы работы избирательных участков или разрешают голосовать по телефону и через Интернет. Тревожась из-за снижения численности партий, они проводят маркетинговые кампании, поощряя своих сторонников записываться в ряды партии, но не прилагают усилий к тому, чтобы это членство стало привлекательным и стоящим делом.

Граждане, преданные идее эгалитаризма, подходят к этому парадоксу с другой стороны, усматривая в зависимости политической элиты от ограниченного массового участия шанс на получение максимальных возможностей для проникновения в политику. Так, Филипп Шмиттер (Schmitter, 2002) сделал ряд чрезвычайно нешаблонных и смелых предложений о том, как укрепить серьезное

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
политическое участие, позволяющих решить эту проблему куда более эффективным способом, чем стандартные рецепты, предлагаемые традиционными политическими организациями. Например, вместо государственного финансирования политических партий, широко распространенного во многих европейских странах, где деньги делятся между партиями в соответствии с итогами последних всеобщих выборов, Шмиттер призывает обратиться к принципам прямой демократии. Из объема выплачиваемых каждым гражданином ежегодных налогов будет вычитаться небольшая фиксированная сумма, перечисляемая на счет партии, выбранной самим гражданином; аналогичным образом Шмиттер предлагает организовать финансирование групп давления и политических ассоциаций.

В число его более радикальных предложений входит идея учредить народное собрание, которое бы сочетало в себе черты древнегреческой демократии, концепцию присяжных, применяемую в судебной практике англоязычных стран, и современную прямую демократию швейцарского образца. По мысли Шмиттера, такое собрание, состоящее из ежемесячно выбираемых жребием граждан, рассматривало бы небольшое число законопроектов, переданных ему решением меньшинства (допустим, одной трети) постоянных членов парламента. Собрание будет вправе принимать данный закон либо отвергать его. Очевидно, потребуются какие-то меры, чтобы предотвратить возможность нажима могущественных лобби на членов собрания. Но и этот проект, и предложение о финансировании партий имеют то достоинство, что непосредственно вовлекают простых людей в политическую жизнь и позволяют им делать свой выбор вне рамок банального участия в голосовании.

Предложение о народном собрании окажется особенно ценным, если применить его на нижних уровнях регионального и местного самоуправления, так как со временем через такие собрания может пройти огромное число граждан, проникаясь чувством политического участия или по крайней мере понижением уровня интереса к политике. В целом существуют отличные возможности для того, чтобы избежать проблем постдемократии на местном уровне вследствие той роли, которую продолжают играть простые активисты, и минимального влияния постдемократического эллипса. Это дает еще одну причину, в дополнение к рассмотренным в главе V, для обеспокоенности текущей тенденцией к приватизации местных общественных услуг и к низведению местных властей до уровня агента-посредника, поскольку в результате уменьшается роль местной политической прослойки в жизни общины и принимаемых ею решениях. Учитывая сравнительную доступность формальной политики на местном уровне и значительные возможности для участия в ней, демократам следует стремиться к повышению роли местной и региональной политики, к насаждению децентрализации, а также к защите и расширению функций гражданских услуг, за которые отвечают местные власти.

Участие в тех или иных движениях не заменит собой членства в политических партиях. Однако это не повод для того, чтобы соблюдать партийную лояльность. Чем более непоколебимо в своей лояльности ядро сторонников партии, тем меньше внимания может обращаться на него партийное руководство, прикладывая все усилия к тому, чтобы дать ответ на мощный нажим, оказываемый на партию политическим эллипсом. В подобной ситуации члены партии могут стать серьезной силой, четко и ясно заявив об условном характере своей лояльности. Поэтому эгалитаристам следует научиться идти на риск, взяв на вооружение жесткий подход, рекомендуемый гражданам постдемократической эпохи, – вознаграждая партию за достойное и наказывая за недостойное поведение. Например, британские профсоюзы недавно отказались от давней практики финансирования одной лишь лейбористской партии вследствие ее хронического невнимания к их проблемам и начали оказывать финансовую поддержку ряду организаций, преследующих цели, небезразличные профсоюзному движению.

Но чтобы это стало прогрессивным шагом, профсоюзы должны сами стать выразителями социальных вопросов, вызывающих широкую и массовую озабоченность, то есть играть ту же роль, на которую с достаточным на то правом они могли претендовать в течение большей части XX века, когда из представителей квалифицированных рабочих превратились в представителей всего относительно неравноправного рабочего класса. Сегодня профсоюзы в результате вышеописанных изменений в структуре занятости тоже вышли на нисходящую ветвь параболы, и им грозит опасность вернуться к защите интересов относительно привилегированных групп трудящихся, занятых в промышленности и сфере общественных услуг, – возможно, за счет занятых в новых и особенно незащищенных секторах. Например, немецкие профсоюзы

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
продолжают очень умело представлять интересы рабочих-мужчин, занятых в традиционном индустриальном секторе, но именно из-за того, что это им так хорошо удается, они с неохотой берутся за решение проблем, типичных для трудящихся жен-щин, для тех, кто работает по нестандартным кон-трактам, или занятых в новых секторах услуг. В дру-гих странах, скажем в Италии, некоторые профсою-зы сегодня насчитывают в своих рядах чрезвычайно высокий процент пенсионеров и потому склонны за-щищать их интересы, а не интересы трудящихся. Это может приобрести особое значение в случае больших отчислений в пенсионные фонды, делающих невыгод-ным создание новых рабочих мест.

Если профсоюзы окажутся в этой ловушке, они ста-нут уязвимы для нападков своих противников и ока-жутся помехой для сплочения различных слоев новой рабочей силы. Как говорилось в главе III, колоссаль-ную роль в жизни людей по-прежнему играют про-блемы занятости, и формирование на их основе по-литической повестки дня является одним из главных шансов на то, чтобы привлечь внимание простых людей к значению политики и помочь им в поиске новых коллективных идентичностей. Вступление множества женщин в ряды трудящихся делает проблемы рабо-чей жизни небезразличными для большей доли граж-дан, чем в период расцвета классовой политики. Эти потенциальные возможности политической системы требуют от профсоюзов особой политической чутко-сти и инновативности. Профсоюзы находятся в слож-ной ситуации, по большей части став жертвами из-менений в структуре занятости. Но при желании они могут предпринять ряд стратегических шагов, позво-ляющих избежать ловушки. Итальянские профсоюзы продемонстрировали это в начале 1990-х годов, когда поддерживали политику перехода Италии к единой европейской валюте, защищавшую интересы широ-кой общественности, и это привело их к одобрению коренной реформы пенсионной системы.

МОБИЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Как бы ни были велики успехи постдемократии, мало-вероятно, чтобы она смогла воспрепятствовать фор-мированию новых социальных идентичностей, осо-знанию ими своего аутсайдерского статуса в полити-ческой системе и громкому, четкому провозглашению стремления войти в политику, губельного для мира традиционной постдемократической электоральной политики, превратившейся в спектакль, идущий под громкими лозунгами. Как мы уже видели, совсем све-жий и очень показательный пример тому дают феминистские движения. Другим примером могут служить экологические движения. Существование в рамках де-моса возможностей для новой подрывной креативно-сти служит для эгалитарных демократов главной на-деждой на будущее.

И феминистское, и экологическое движения сле-дуют классическим шаблонам мобилизаций (Delia Porta and Diàni, 1999; Eder, 1993; Pizzorno, 1977). Иден-тичность вырабатывается и определяется различ-ными авангардными группами; недовольные исклю-чением из политики, некоторые из них склоняются к экстремизму и даже к насилию. Но если их движе-ние находит какой-то отзвук в людских массах, оно ширится; его требования проникают в язык и мыс-ли простых людей, которые обычно не склонны вста-вать под чьи-то знамена. Затем движение становится непоследовательным и внутренне противоречивым. Застигнутый врасплох мир официальной политики не в силах управлять движением, объявляет его не-демократичным; в его рамках формулируются и про-возглашаются новые требования; элите удается най-ти на них ответ; движение входит в политику, вслед за чем испытывает череду побед и поражений.

Такой взгляд на новые движения решительно про-тиворечит традиционным представлениям политиче-ского мира о том, что есть демократия, а что являет-ся ее отрицанием. Столкнувшись с трудновыполни-мыми и подрывными требованиями новых движений, выборные политики способны дать на них лишь один ответ: объявить самих себя воплощением демокра-тического выбора, внушая нам, что у нас есть шанс производить этот выбор, раз в несколько лет участвуя в голосовании, и что всякий, кто создает проблемы, требуя решительных перемен в иное время или иными способами, тем самым нападает на саму демократию. (Любопытно, что они никогда не упоминают о посто-янном нажиме со стороны деловых кругов, требую-щих от них политических поблажек, но об этом было уже достаточно сказано в своем месте.) С этой точки зрения творчески беспокойный демос является анти-демократической толпой.

Здесь мы должны быть осторожными. В настоящее время, помимо феминистских и

экологических дви-жений, в число групп, стремящихся привлечь к себе внимание, входят экстремистские группировки за-щитников прав животных, радикальные участники антикапиталистической (антиглобалистической) кам-пании, расистские организации и различные зарож-дающиеся движения линчевателей – борцов с пре-ступностью. Было бы ошибкой радоваться всякий раз, как политическому классу больно ошиплют пе-рья: так мы придем к одолеваящему многих искуше-нию расточать абсурдные и опасные восторги в адрес австрийца Йорга Хайдера, голландца Пима Фортей-на и подобных им популистов и расистов из Бель-гии, Франции, Дании и других стран. Всякий раз нам следует делать выбор, причем на двух уровнях. Пер-вый – это решение о том, признать ли за данным но-вым движением его совместимость с демократией и способность вдохнуть в граждан энергию, не по-зволяя политике превратиться в игрушку для манипу-лирующих ею элит. Второй уровень – решение о том, следует ли оказывать личную поддержку целям этого движения, выступать против них или сохранять ней-тралитет.

Есть разница между тем, что мы приветствуем как демократы, и тем, что мы реально поддерживаем как эгалитарные демократы. Но я настаиваю, что мы дела-ем решения и выносим суждения именно в этом отно-шении, а не в отношении того, к чему стремит-ся при-влечь наше внимание политический класс, желающий внушить нам, что демократическими могут считаться только те группы и вопросы, которые уже полностью переварены его аппаратом. За образом деструктивно-го негативизма, который преследует новое антигло-бализационное движение, на самом деле скрывается много конструктивных и инновативных идей и групп, заинтересованных не в насилии и в противодействии экономическим переменам, а в серьезном поиске но-вых форм демократии и интернационализма, кото-рый бы не сопровождался эксплуатацией жителей третьего мира. Эти движения скорее «неоглобальны», чем «антиглобальны», по словам Делла Порты, одного из самых проникательных и восприимчивых наблю-дателей (Delia Porta, 2003). Все, озабоченные будущим не только демократии, но и просто достойной чело-веческой жизни, должны внимательно прислушаться к тому, что зарождается в этом плане.

Существует риск того, что вопросы мобилизации, которые будут определять дальнейшее развитие лево-центризма, в частности судьбу кампаний против по-следствий бесконтрольного глобального капитализма, не получат должного внимания или вовсе будут про-игнорированы некоторыми реформаторскими дви-жениями. В результате инициатива оглашения новых проблем переходит к ультраправым. Если эта тенден-ция продолжится, правые не только сумеют сфор-мулировать и аранжировать немногие формы выра-жаемого недовольства, получившие политическую значимость, но и смогут заявлять о своей мнимой непричастности к замкнутому миру политического класса, выступая непосредственно от имени народа и обращаясь к народу, и формировать идентичности из бесформенной усредненной массы современно-го электората. Расистские и популистские движения уже играют новую, респектабельную роль в полити-ке современных западноевропейских стран. Они мо-гут не опасаться того, что умеренные партии вступят с ними в конкуренцию и попытаются отбирать голоса у ультраправых, имитируя их враждебность к иммиг-рантам и этническим меньшинствам, хотя большин-ство умеренных поддается этому искушению. Сама по себе борьба с расизмом тоже не представляет угро-зы для ультраправых. Нам требуются альтернативные разновидности движений и выражения недовольства, которые бы стали соперниками и конкурентами дви-жений, организованных популистами. Ультраправые тоже говорят о проблемах глобализации и мондиа-лизации, но призывают решать эти проблемы за счет иммигрантов, которые сами являются величайшими жертвами глобализации, а не причиной заявленных проблем. Внимание недовольных следует привлечь к истинным причинам проблем: к крупным корпо-рациям и погоне за наживой, разрушающим сообще-ства и порождающим нестабильность по всему миру.

Не удастся одолеть популизм и попытками выйти за рамки политики идентичности, к чему призывают нас сторонники третьего пути с их стремлением от-казаться от самой идеи идентичности. Как указывал Пиццорно (Pizzorno, 1993, 2000), политические пар-тии, претендующие на то, чтобы представлять народ-ные массы, должны делать это, формулируя идентич-ность данных людей и тем самым определяя проблемы и интересы выделяемой таким образом группы. Нуж-но отметить, что с такими идентичностями не связа-но никаких неотъемлемых черт личности и что многое зависит от мобилизационных навыков политиков, ре-шающих эту задачу. Но пусть эти идентичности носят искусственный характер, последствия успешного фор-мирования идентичностей оказываются вполне ося-заемыми. Если людей поощряют к построению своей

идентичности на основе оппозиции конкретным ра-совым группам или государственным служащим, а ос-новной причиной их недовольства называются имен-но эти группы, то политики сосредоточат свой огонь по этой мишени, забыв обо всех остальных проблемах. Существует много потенциальных идентичностей, формирующихся вокруг новых профессий и новых форм семейной жизни, которые создаются в постин-дустриальной экономике. Отставание с их формиро-ванием и мобилизацией связано не с отсутствием по-требности в репрезентации, а с нежеланием суще-ствующих организаций выявлять эти идентичности и с проблематичностью создания новых организаций в контролируемом, перенаселенном пространстве со-временной политики. В частности, для левых органи-заций отрицание своей роли в формировании иден-тичности за пределами узкого круга элиты означает отказ от важнейшего источника собственной жизне-способности (Pizzorno, 2000, 2001).

Традиционные партии могут полагать, что участие в новых социальных движениях сопряжено со слиш-ком большим риском. Большинство попыток выяв-ления идентичностей провалится, и лишь немногие увенчаются успехом. Традиционная партия рискует растратить все свои ресурсы на спекулятивные по-пытки создать конкретную точку приложения поли-тического сил, которая в итоге окажется неработо-способной. С другой стороны, крупные корпорации нередко избегают рискованных инвестиций, но вни-мательно следят за многочисленными мелкими ком-паниями, и если какой-либо из них случится набре-сти на удачную идею, эта компания поглощается. Аналогичным образом нам необходим открытый ры-нок конкурентной борьбы за определение политиче-ских идентичностей, который бы лежал за предела-ми олигополистической арены традиционных партий, но поблизости от нее. В работе этого рынка долж-ны участвовать представители партий, чтобы послед-ние могли брать удачные находки на вооружение. Со-ответственно, демократическая политика нуждается в энергичном, хаотичном, шумном контексте, состоя-щем из всевозможных движений и группировок. Они создают питательную среду для грядущих демократи-ческих всходов.

В качестве очень важных примеров можно назвать события 2002-2003 годов в Италии, когда правитель-ство Берлускони все более решительно и беспардонно добивалось принятия законов, направленных на за-щиту прошлой, нынешней и будущей деловой прак-тики его лидеров от финансовых ревизий и уголов-ного преследования. Ответом на это стало широкое протестное движение с массовой социальной базой, способное на проведение масштабных публичных шествий и демонстраций и в основном организован-ное за рамками левоцентристских партий, которые не сумели адекватным образом выразить негодова-ние и озабоченность многих граждан и к тому же сами оказались в опасной близости от подобных свя-зей между политикой и бизнесом. Партии, за исклю-чением Всеобщей итальянской конфедерации тру-да- главной профсоюзной конфедерации страны,- сперва старались держаться в стороне от этих акций, опасаясь, что современное население проявит больше враждебности к политикам, марширующим по ули-цам в знак протеста против коррупции, чем к самим подозреваемым в коррупции.

Призывы к беспристрастности судебной систе-мы и честности бизнеса едва ли можно назвать ра-дикальными; в XVIII веке они воспринимались как минимальные требования, обеспечивающие эффек-тивность капиталистической экономики. То, что в Италии XXI века они стали лозунгами для сплочения внепарламентской оппозиции, служит одним под-тверждением кризисного состояния итальянской де-мократии. Однако пример Италии позволяет сделать некоторые обобщения. Во-первых, в отличие от аме-риканских избирателей после президентских выборов 2000 года, многие итальянцы демонстрируют, что про-стых людей может волновать вопрос о неподкупности политической системы и что они вовсе не пресыти-лись и не впали в цинизм. Во-вторых, оказывается, что вполне возможно организовать крупное политическое движение без помощи политического класса. В-треть-их, не исключено, что политическому классу левоцен-тристов следовало бы держаться в стороне и не при-нимать непосредственного участия в новых движе-ниях, поскольку он, не желая рисковать популярностью, станет помехой для каких-либо радикальных шагов. Наконец, что самое важное, мы видим ошибочность суждения о том, что вопрос о понаехавших иммигран-тах в любых условиях будет волновать людей сильнее, чем какие-либо проблемы, неудобные для политиков правого толка. О том же нам говорит и исчезновение генетически модифицированных продуктов из су-пермаркетов большинства европейских стран в ответ на массовое недовольство потребителей. Этот же вы-вод можно распространить, допустим, на озабочен-ность все более опасными условиями труда. Подоб-ные кампании могут стать не менее популярными, чем движения ультраправых, однако

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
компания не возни-кают сами по себе, если их не проводить сознательно, отталкиваясь от интересов участников и выявляя при-чины их недовольства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, эгалитарные демократы, описав полный круг, пришли к тому состоянию, в котором они пребыва-ли в конце XIX века, когда, не имея своей партии, им приходилось лоббировать политические элиты других партий? Нет, потому что мы описываем не круг, а па-раболу. Двигаясь по ее траектории, мы пришли в но-вую точку, имея в багаже историю организационного строительства и достижений, которую нельзя разба-заривать. Двойственность этой ситуации диктует нам, видимо, противоречивые уроки. Во-первых, необхо-димо не оставаться глухими к потенциалу новых дви-жений – пусть даже сначала их бывает трудно по-нять, но они могут быть носителями жизненной силы будущей демократии. Во-вторых, необходимо лобби-ровать традиционные и новые организации, потому что лоббирование – это главный механизм постдемо-кратической политики. Даже если интересы, отстаи-ваемые эгалитаристами, всегда слабее, чем интересы крупных корпораций, отказ от лоббирования не при-бавит им силы. В-третьих, нужно участвовать в работе партий, не стесняясь критиковать их и выдвигать свои условия, потому что в способности проводить эгали-тарную политику с партиями не сравнится ни один из их постдемократических суррогатов.

Однако при этом мы знаем, что любые цивилизо-ванные демократические дискуссии по многим стоя-щим перед нами серьезным вопросам будут затопта-ны глобальными компаниями с их заявлениями о том, что они не смогут прибыльно работать, если не осво-бодить их от надзора и соблюдения требований соци-ального обеспечения и перераспределения. К тому же самому сводилось главное бремя политической пози-ции капитализма в XIX – начале XX века. Он был вы-нужден пойти на шаг, который в ретроспективе пред-ставляется временным компромиссом между всевоз-можными факторами, такими как его собственная неспособность обеспечить долговременную эконо-мическую стабильность; неуправляемое насилие, к ко-торому порой приводили его собственные заигры-вания с фашизмом и конфронтация с коммунизмом; по большей части ненасильственное, но все равно па-губное противостояние с профсоюзами; полная не-эффективность оставленной без присмотра социаль-ной инфраструктуры; растущая привлекательность социал-демократических партий и политических аль-тернатив.

Насколько существенное место в этом сложном уравнении занимали реальные и гипотетические хаос и разрушения? Невозможно делать вид, будто они не играли никакой роли. И социальный компромисс середины XIX века, и связанный с ним период отно-сительно максимальной демократии, сами по себе бу-дучи воплощением мира и порядка, были выкованы в ходе процесса, нередко сопровождавшегося крово-пролитием. Необходимо не забывать об этом, когда мы осуждаем антиглобалистов за их склонность к на-силию, за их анархизм и неспособность предложить какую-либо серьезную альтернативу капиталистиче-ской экономике. Мы должны задаться вопросом: смо-жет ли что-нибудь, помимо масштабной эскалации реально разрушительных действий подобного рода, создать достаточную угрозу прибылям глобального капитала для того, чтобы посадить его представите-лей за стол переговоров и положить конец детскому рабству и прочим формам насильственного труда, за-грязнению среды, реально разрушающему нашу атмо-сферу, хищническому расходованию невозобновляемых ресурсов, колоссальному и растущему матери-альному неравенству между странами и внутри самих стран? Вот те проблемы, которые в первую очередь грозят здоровью современной демократии.

ЛИТЕРАТУРА

Даль Р. 2003. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН.

Кляйн, Н. 2005, No Logo. М.: Добрая книга.

Линдблом, Ч. 2005, Политика и рынки. М.: ИКСИ.

Патнэм, Р. 1996. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem.

Хиршман, А.О. 2008, Выход, голос и верность. М.:Новое издательство.

Постдемократия. Колин Крауч filosofff.org

Almond, G. A. and Verba, S. 1963, *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.

Bagnasco, A. 1999, «Teoria del capitale sociale e political economy comparata», *Stato e Mercato*, 57.

Castells, M. 1996, *The Rise of Network Society* (Oxford: Blackwell).

Corbett, J. and Jenkinson, T. 1996, «The Financing of Industry, 1970-1989: An International Comparison*», *Journal of the Japanese and International Economies* 10: 71.

Crick, B. 1980, *George Orwell: A Life*. London: Seeker and Warburg.

Crouch, C. 1999a, *Social Change in Western Europe*. Oxford: Oxford University Press. -

1999b, «The Parabola of Working Class Politics*», in Gamble, A. and Wright, T. (eds.), *The New Social Democracy*. Oxford: Blackwell.

Delia Porta, D. 2000, *Political Parties and Corruption: 17 Hypotheses on the Interactions between Parties and Corruption*. Working Paper RSC 2000/60. Florence: European University Institute, 2000. --and Diani, M. 1999, *Social movements: an introduction*. Oxford: Blackwell.

--and Mëny, Y. (eds.) 1997, *Democratic et corruption en Europe*. Paris: La Decouverte. --and Vannucci, A. 1999, *Corrupt Exchanges: Actors, Resources, and Mechanisms of Political Corruption*. New York: Aldine de Gruyter.

Dore, R. 2000, *Stock Market Capitalism: Welfare Capitalism: Japan and Germany versus the Anglo-Saxons*. Oxford: Oxford University Press.

Eder, K. 1993, *The New Politics of Class: Social Movements and Cultural Dynamics in Advanced Societies*. London: Sage Publications.

Freedland, M. R, 2001, «The Marketization of Public Services», in Crouch, C, Eder, K. and Tambini, D. (eds.), *Citizenship, Markets and the State*. Oxford: Clarendon Press.

Giddens, A. 1998, *The Third way*. Cambridge: Polity.

Hardin, R. 2000, 'The Public trust', in Pharr and Putnam (2000), q. v.

Hatcher, R. 2000, «Getting down to Business», paper presented at conference on Privatisierung des Bildungsbereichs', University of Hamburg.

Kiser, E. and Laing, A. M. 2001, «Have We Overestimated the Effects of Neoliberalism and Globalization? Some Speculations on the Anomalous Stability of Taxes on Business», in Campbell, J. L. and Pedersen, O. K. (eds.), *The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis* (Princeton: Princeton University Press).

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
Maravall, J. M. 1997, Regimes, Politics and Markets:

Democratization and Economic Change in Southern and Eastern Europe. Oxford: Oxford University Press.

Marshall, T. H. 1963, Sociology at the Crossroads and

Other Essays. London: RKP. Mulgan, G. 1994, Politics in an Antipolitical Age. Oxford:

Polity Press.

-1997 (ed.), Life after Politics: New Thinking for the 21st Century. London: Demos and Fontana.

OECD 1997, Employment Outlook June 1997. Paris: OECD.

OECD 2001, «When Money is Tight: Poverty Dynamics in OECD Countries», Employment Outlook June 2001. Paris: OECD.

Pharr, S.J. and Putnam, R.D. (eds.) 2000, Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries? Princeton, N. J.: Princeton University Press. -, -, and Dalton, R. J. 2000, 'Introduction, in Pharr

and Putnam q. v.

Piselli, F. 1999, «Capitale sociale: un concetto situazionale e dinamico», Stato e Mercato, 57.

Pizzorno, A. 1977, «Scambio politico e identità collettiva nel conflitto di classe», in Crouch, C. and Pizzorno, A. (eds.), Conflitti in Europa: Lotte di Classe, sindacati e Stato dopo il '68 (Milan: Etas Libri).

-1993, Le radici della politica assoluta e altri saggi.

Milano: Feltrinelli. -2000, «Risposte e proposte», in Della Porta, D.,

Greco, M., and Szakocjai, A. (eds.), Identità, riconoscimento, scambio (Roma: Laterza).

Price, D., Pollock, A., and Shaoul, J. 1999, «How the World Trade Organization is Shaping Domestic Policies in Health Care». The Lancet, 354, November 27.

Reich, R. 1991, The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. New York: Vintage Books.

Schmitter, P. C. 2002, «A Sketch of what a „Post-Liberal“ Democracy Might Look Like». Florence: European University Institute, unpublished manuscript.

■-and Brouwer, 1 1999, Conceptualizing researching

and evaluating democracy promotion and protection. Working Paper SPS 99/9 Florence: European University Institute.

Titmuss, R. M. 1970, The Gift Relationship: from Human Blood to Social Policy. London: Allen & Unwin.

Trigilia, C. 1999, «Capitale sociale e sviluppo locale»,

Stato e Mercato, 57. Van Kersbergen, K. 1996, Social Capitalism: A Study of Christian Democracy and the welfare State.

London: Routledge. Visser, J. and Hemerijck, A. 1997, A Dutch «Miracle».

Amsterdam: Amsterdam University Press.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОЛИН КРАУЧ Что последует за упадком приватизированного кейнсианства?*

* Впервые опубликовано в: Colin Crouch, «What will Follow the Demise of Privatised Keynesianism?» *Political Quarterly*, October-December 2008, Vol.79, no.4, P.476-487. Перевод с английского Алексея Апполонова.

После окончания Второй мировой войны в поли-тической экономике развитых капиталистических стран последовательно доминировали две модели; обе продержались приблизительно по тридцать лет, прежде чем сгинуть в ходе экономических катаклизмов. Теперь мы наблюдаем рождение новой модели, пока еще не вполне определенной. Однако какими могут быть ее главные черты? Первой моделью была кейнсианская стратегия управления спросом (в некоторых странах к ней добавлялась неокорпоративистская система трудовых отношений). Эта модель так или иначе развалилась под грузом инфляции, вызванной ростом товарных цен в 1970-х, освободив место для того, что обычно именовали неолиберализмом, но на самом деле, как мы видим после кризиса осени 2008 года, являлось моделью приватизированного кейнсианства.

При первоначальном кейнсианстве для стимуляции экономики в долги входило правительство; при приватизированной форме кейнсианства эту роль – на условиях рынка – принимают на себя индивиды (особенно бедные). Главными двигателями здесь были постоянно растущая стоимость домов, в которых жили их владельцы, наряду с неукротимым ростом на высокорисковых рынках. Эта система рухнула отчасти по причине возобновления инфляционного предложения (обусловленного ростом цен на энергоносители и другие товары), но в основном в силу внутренних противоречий.

Обе системы должны были как-то разрешать одно важное противоречие (по крайней мере напряженность) – между незащищенностью и неопределенностью, создаваемыми потребностью рынка приспособиться к экономическим шокам, и необходимостью для демократической политики отвечать на запросы граждан, желающих защищенной и предсказуемой жизни. То, что в отношениях между капитализмом и демократией имеется некая напряженность, может стать откровением для тех, кто (в частности, в США) использует эти термины практически как синонимы, но эта напряженность фундаментальна в том, что касается аспектов защищенности при осуществлении трудовой деятельности. Кроме того, имеется и другая напряженность, связанная с этой: напряженность внутри развитого капитализма как такового, который, с одной стороны, нуждается в потребителях, основываясь на уверенности которых фирмы могут планировать свое производство, а с другой стороны, должен в периоды падающего спроса снижать размеры зарплат, что, в свою очередь, подрывает уверенность потребителей. Эта напряженность не может быть устранена полностью, поскольку внутренне присуща единственной известной нам успешной форме политической экономики; она может только управляться посредством сменяющих друг друга моделей, каждая из которых в конце концов изнашивается и требует своей замены на нечто новое.

Основной проблемой здесь является тот двусмысленный дар, которым демократия последовательно делила капитализм на протяжении всего XX столетия. До этого основная масса народонаселения существовала на крайне низкие доходы, которые росли очень медленно. Идея потребительской уверенности, если она вообще кем-то осознавалась в то время, могла относиться только к малой, богатейшей, части общества. Потребность основной массы населения в лучшей жизни рассматривалась как нереализуемая, и хотя ранняя социальная политика в Германии, Британии, Франции и других странах была направлена на то, чтобы дать рабочему классу хоть какую-то защищенность, ее возможности были весьма ограничены. Страх перед возможными революционными последствиями демократии все еще нередко приводил отдельные элиты на путь репрессий – изначально реакционного, а затем фашистского и нацистского типов.

Как известно, первой попыткой разрешить эту проблему стало в начале XX века массовое фабричное производство (изначально ассоциировавшееся с Ford Motor Company в США). Технологии и организация труда смогли значительно повысить производительность низкоквалифицированных рабочих; в результате товары стали более дешевыми, а зарплаты повысились, так что рабочие смогли покупать больше этих самых товаров. Массовый потребитель стал реальностью. Знаменательно, что этот прорыв произошел в большой стране, которая за весь предшествующий период подошла к идее демократии наиболее близко (хотя и на расовой основе). Демократия, наряду с технологиями, внесла свой вклад в

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
построение этой мо-дели. Однако, как показал крах Уолл-Стрит в 1929 году, случившийся всего через несколько лет после запуска фордистской модели, проблема согласования неста-бильности рынка с потребностью стабильности у по-требителя-избирателя осталась нерешенной. Именно на этом этапе возникло то, что стало позже известно как кейнсианская модель, которая будет вкратце опи-сана ниже. Как пытались решить названную проблему в рамках модели, наследовавшей кейнсианству, – во-прос более сложный; это исследование приведет нас прямо к самой сути текущего кризиса. Наконец, мы попытаемся заглянуть в будущее.

СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И УЯЗВИМОСТЬ КЕЙНСИАНСКОЙ МОДЕЛИ

Механизм работы кейнсианской модели управления спросом довольно прост. Во время рецессии, когда уве-ренность низка, правительства должны входить в дол-ги, чтобы своими расходами стимулировать экономи-ку. Во время инфляции, когда спрос избыточен, прави-тельства должны сокращать свои расходы, выплачивать долги, снижая совокупный спрос. Модель подразумева-ет большие государственные бюджеты для того, что-бы изменения, в них производимые, могли оказывать должный макроэкономический эффект. Для британ-ской и некоторых других экономик такая возможность открылась только с колоссальным ростом военных рас-ходов во время Второй мировой войны. Предшествующие войны также отличались ростом государственных расходов, которые, однако, резко снижались сразу по-сле их завершения. Вторая мировая была исключени-ем – после нее военные расходы были замещены ро-стом нового государства всеобщего благосостояния.

Кейнсианская модель защитила обычных людей от резких колебаний рынка, вносящих нестабильность в их жизни, сглаживая влияние экономических цик-лов и позволяя им постепенно становиться надежным массовым потребителем продукции не менее надеж-ной индустрии массового производства. Безработи-ца понизилась до рекордно низкого уровня. Государ-ство всеобщего благосостояния не только дало прави-тельствам инструменты для управления спросом, но и предоставило помощь людям в тех важных областях, которые не относились непосредственно к рыночным структурам, а с этим – большую стабильность.

Беспристрастное управление спросом вместе с го-сударством всеобщего благосостояния защищали ос-тальную часть капиталистической экономики как от шока потребительской неуверенности, так и от атак враждебных сил; в то же время жизнь трудящихся была защищена от прихотей рынка. Это был подлин-ный социальный компромисс. Как с самого начала ука-зывали консервативные критики, кейнсианская модель страдала от инерционности: во время рецессии прави-тельство могло легко повысить расходы, снизить без-работицу, организовать больше общественных работ и наполнить кошельки людей большим количеством денег, однако в условиях демократии было бы край-не сложно отказаться от подобных действий во время бума. Это было зародышем грядущей гибели, содер-жавшимся в самой сердцевине кейнсианской модели. Мы коснемся этого несколько позже. Сперва мы рас-смотрим политические обстоятельства, которые сде-лали эту модель реальностью, так как содержащиеся в ней идеи к тому моменту витали в воздухе лет 15-20.

Согласно известным словам Карла Маркса, в опре-деленные моменты исторических кризисов отдель-ные классы общества находятся в таком положении, что их частные интересы совпадают с интересами все-го общества; именно эти классы побеждают в рево-люциях, которыми завершаются кризисы. Но Маркс ошибался, считая, что, когда указанным классом ста-нет международный пролетариат, процесс закончит-ся, поскольку пролетариат был олицетворением все-го общества, а не только частного интереса внутри него. Ошибкой это было хотя бы потому, что невоз-можно представить себе, чтобы такая большая груп-па, как мировой пролетариат, могла создать органи-зацию, способную ясно выразить общие интересы. Как бы то ни было, кейнсианская модель являет со-бой временное совпадение интересов промышленно-го рабочего класса глобального Северо-Запада и об-щих политико-экономических интересов системы. Это был класс, который представлял наиболее серьезную угрозу системе. Но это был также класс, потенциаль-но способный обеспечить массовое потребление, ко-торое, будь оно легкодоступным и гарантированным, могло положить начало невиданному в истории эконо-мическому росту. Кроме того, это был класс, созда-вавший политические партии, профсоюзы и другие организации, а его интересы и требования выража-лись связанными с ним интеллектуалами. Кейнсиан-ская модель в сочетании с фордистской системой

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
ста-ла ответом на эти требования, примилив их с капита-листической системой производства.

За этой общей картиной скрываются некоторые частности. Базовый кейнсианский подход вошел в публичную политику примерно за пять лет до нача-ла Второй мировой войны в двух местах – в Сканди-навии и США. В обоих случаях это стало результатом коалиции между силами, представлявшими промыш-ленных рабочих и мелких фермеров. Американский «Новый курс» в этой завершенной форме был толь-ко временным соглашением. Скандинавское рабо-чее движение, куда более сильное, чем американское, смогло вывести эту модель на более высокий уро-вень – уровень государства всеобщего благосостоя-ния; после войны этим же путем проследовало не ме-нее мощное британское рабочее движение.

Рабочее движение континентальной Европы, сокру-шенное войной, фашизмом и нацизмом, а также раз-деленное по религиозному признаку, было куда сла-бее. Кейнсианская модель как таковая развивалась здесь медленнее, а правительства использовали для стабилизации экономики иные средства. В некоторых странах, в частности в Италии и Франции, коммуни-сты имели реальную возможность возглавить рабо-чее движение. Правительства должны были удостове-риться, что рабочий класс не окажется столь же неза-щищенным, как в 1920-1930-х годах. Государственная собственность в важнейших сферах экономики вкупе с сельскохозяйственными субсидиями должны были гарантировать, что все еще многочисленное крестьян-ство не станет разделять радикализма промышленных рабочих; такая политика обеспечивала стабильность в первые послевоенные годы. Эти правительства дей-ствовали не столь тонко, как предполагало кейнсиан-ство, и допускали значительно более активное госу-дарственное вмешательство в экономику, в то время как рост потребительского спроса был относительно медленным. Результаты, однако, были схожими в том, что касалось защиты доходов трудящихся от колеба-ний рынка. Со временем и в этих экономиках появи-лись управление спросом и государство всеобщего благосостояния. В то же самое время масштабные де-нежные вливания со стороны США в рамках плана Маршалла подразумевали, что государственные рас-ходы – на этот раз государственные расходы в дру-гих странах – еще больше простимулируют экономи-ку и обеспечат большую защищенность трудящихся.

Германия стояла здесь особняком. Она получила все выгоды от плана Маршалла, но формально не при-нимала кейнсианскую модель вплоть до конца 1960-х, когда та, собственно, уже сходила со сцены. Изначаль-но восстановление немецкой экономики происходи-ло не за счет повышения спроса со стороны внутрен-них потребителей, но за счет производства средств производства (для восстановления производственных мощностей) и экспорта. Формальная экономическая политика страны опиралась на сбалансированный бюджет, автономный центральный банк и избегание инфляции любой ценой, то есть на элементы неоли-беральной модели, которая наследовала кейнсианству. Можно, впрочем, сказать, что стабильность немец-кой экономики этого периода зависела не столько от чистого рынка, сколько от кейнсианского окружения, то есть от кейнсианства других стран: от государ-ственных расходов США в рамках плана Маршалла, роста потребительского спроса в США, Великобри-тании и т.д.

Однако Германия все же адаптировала один из эле-ментов модели управления спросом: неокорпорати-вистскую систему в промышленности. Эта система не была предвосхищена в работах самого Кейнса, так-же она практически не применялась в США и лишь частично – в Великобритании, в то же время она ста-ла фундаментальной для Скандинавии, Нидерландов и Австрии. В рамках неокорпоративистской систе-мы профсоюзы и объединения работодателей име-ют отношение к установлению общего уровня цен на рабочую силу (в том числе в секторах экономики, ориентированных на экспорт). Такая система может работать только в тех странах, где данные организа-ции обладают авторитетом, достаточным для того, чтобы условия договора не нарушались сколько-ни-будь значительным образом. Названные выше стра-ны, где такие коллективистские сделки имели серь-езное значение, обладали небольшими по объемам экономиками, сильно зависящими от междунаро-дной торговли. Германия стала единственной большой страной, выработавшей сходные в общих чертах со-глашения, которые стали частью ее экономики, ори-ентированной прежде всего на рост экспорта, а не внутреннего потребления.

Важность неокорпоративизма в нашем случае за-ключается в том, что он указывает на ахиллесову пятау кейнсианства: инфляционные тенденции его

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
по-литически обусловленной инерционности. Страны, проводившие кейнсианскую политику, но не адаптировавшие или адаптировавшие в малой степени неокорпоративизм (прежде всего Великобритания, затем – пусть и в меньшей связи с кейнсианством – США, а к 1970-м также Италия и Франция), оказались крайне уязвимы к инфляционному шоку, вызванному общим ростом товарных цен в 1970-е – прежде всего ростом цен на нефть в 1973 и 1978 годах. Волна инфляции, поразившая развитые западные страны (хотя она и имела мало общего с тем, что пережила Германия в 1920-х или некоторые страны Латинской Америки в более поздний период), так или иначе разрушила кейнсианскую модель.

К ПРИВАТИЗИРОВАННОМУ КЕЙНСИАНСТВУ

Интеллектуальный вызов кейнсианству уже давно ждал своего часа. Сторонники возвращения к «настоящему» рынку никогда не прекращали своей активности и уже имели наготове целый ряд альтернативных стратегий. Главной их целью было отстранение правительств от принятия на себя общей ответственности за экономику. Несмотря на то что в настоящей статье мы обращали основное внимание на управление спросом, кейнсианство было также символом более широкого набора инструментов регулирования, субсидирования и социального обеспечения. Сторонникам противоположных идей требовался подходящий исторический момент, чтобы оправдать свое внимание политики правительств и международных организаций. Таким моментом стал инфляционный кризис 1970-х. В течение десятилетия или около того ортодоксальными стали такие идеи, как абсолютный приоритет удержания инфляции на уровне, близком к нулю, над сохранением занятости, отстранение государства от помощи организациям и предприятиям в тяжелые времена, доминирование конкуренции, главенство в практике корпораций принципа максимизации акционерной стоимости над интересами всех участников производственного процесса, отказ от регулирования рынков и либерализация движения капитала в глобальном масштабе. Когда правительства стран со слабыми экономиками не хотели воспринимать эти идеи, их вынуждали к этому, сделав следование данным принципам условием членства в таких международных организациях, как МВФ, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития или Европейский союз. После краха СССР в 1989 году те его бывшие союзники, которые были наиболее близки к Западу, также приняли эту новую модель.

Следующей переменной стал закат национального государства. Послевоенная политическая экономия основывалась на правительствах, которые могли осуществлять автономные (и различные) действия по управлению экономикой своих стран. Начиная с 1980-х процесс, обычно именуемый глобализацией (бывший как продуктом дерегулирования финансовых рынков, так и его основной движущей силой), уничтожил значительную часть этой автономии. Единственными участниками, способными предпринимать оперативные действия на глобальном уровне, были транснациональные корпорации, которые предпочитали свое собственное частное регулирование правительственному. Это дополнило новую модель и даже стало ее неотъемлемым признаком.

Точно так же, как носителем кейнсианской модели может считаться класс промышленных рабочих, мы можем выделить и тот класс, выразителем частных интересов которого в общем и целом стала новая модель: это класс финансовых капиталистов, географически локализованный преимущественно в США и Великобритании, но разбросанный также по всему земному шару. Если мир и обрел что-то от освобождения производительных сил и предпринимательства, обусловленного распространением свободного рынка, то наибольшую выгоду получил тот класс, который имел дело со сферой дерегулированных финансов, обеспечивших быстрый рост этого рынка. Если при ограниченном рынке труда и регулируемом капитализме кейнсианского периода во всех развитых странах происходило поступательное сокращение неравенства, то в последующий период произошло резкое переверачивание этой тенденции, причем наибольшую выгоду от этого получили (по крайней мере на Западе) владельцы и сотрудники финансовых институтов.

Здесь немедленно возникает два вопроса. Во-первых, какова судьба промышленного рабочего класса, интересы которого казались столь политически значимыми в 1940-1950-х годах? И что стало с необходимостью примирить нестабильность рынка с потребностью людей в стабильности в их собственной жизни, учитывая важность такого примирения как в экономическом, так и в политическом аспектах?

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org

Начало кризиса кейнсианства в 1970-х сопровождалось мощной волной выступлений промышленных рабочих, такой, что можно было подумать, что вызов со стороны этого класса стал даже более, а не менее значительным. Но это было иллюзией. Повышение производительности труда и глобализация производства фактически подорвали демократическую базу движения. Доля занятости в добывающей и обрабатывающей промышленности начала снижаться – сначала в США, затем в Великобритании и Скандинавии, а позже и в других западных странах. Волнения 1970-х послужили лишь тому, что правительства постарались ускорить этот процесс, как это было, например, в Великобритании в 1980-х при сокращении угольного и некоторых других секторов промышленности. Промышленные рабочие никогда и нигде не составляли основную массу трудящихся, но если ранее их численность увеличивалась, то теперь она стала снижаться. К 1980-м годам лидерство в организации волнений перешло от них к работникам государственного сектора, с которыми правительства могли договариваться непосредственно, особо не беспокоя рыночную экономику. В то же время работники основного производственного сектора новой экономики, частной сферы услуг, как правило, не имели политических организаций или каких-либо автономных политических программ, могущих выразить их специфические требования.

В режиме дерегулирования международных финансов, установленном в 1980-х, правительства куда больше беспокоились о движении капиталов, нежели о рабочих движениях: в позитивном аспекте – поскольку заботились о привлечении инвестиций со стороны свободно перемещающегося капитала, преследовавшего кратковременные интересы; в негативном аспекте – поскольку опасались, что таковой капитал быстро уйдет, если условия покажутся ему неподходящими.

Однако, как мы уже отмечали, кейнсианская модель удовлетворяла экономическую потребность самих капиталистов в стабильном массовом потреблении, равно как и потребность рабочих в стабильной жизни. Для новых промышленных стран Юго-Восточной Азии это не было проблемой. Страны этого региона, вплоть до недавнего времени преимущественно недемократические, зависели не столько от внутреннего спроса, сколько от экспорта. Однако такая ситуация была невозможной для развитых экономик. Более того, зависимость в них не столько от экспорта, сколько от роста внутреннего потребления усиливалась, а не ослабевала. Как только отрасли, зарабатывающие на производстве товаров массового потребления, переместились в новые промышленные страны или, если они остались, стали нуждаться в меньшем количестве рабочих рук, рост занятости стал зависеть от ситуации на рынке частных услуг, который не столь подвержен глобализации. Не составляет проблемы купить в западном магазине произведенную в Китае футболку и выгадать на низких зарплатах китайских рабочих, но вряд ли можно съездить в Китай, чтобы сэкономить на парикмахерской. Иммиграция является единственным аспектом воздействия глобализации на сферу услуг, но ее эффект ограничивается контролем за перемещением населения (которое хотя и не получило выгоды от либерализации рынков, но, в общем, интенсифицировалось), а также тем фактом, что зарплаты иммигрантов, будучи, как правило, низкими, все же не столь низки, как в их собственных странах. Так что проблема остается: если для установления экономики массового потребления нестабильность свободных рынков должна была быть преодолена, то как последняя пережила возвращение первой?

В течение 1980-х (или 1990-х, в зависимости от того, когда неолiberaлы установили контроль над экономиками отдельных стран) создавалось впечатление, что ответ должен быть отрицательным, поскольку главными признаками этого периода стали рост безработицы и продолжительная рецессия. Но затем ситуация изменилась. К концу XX века Британия и особенно США продемонстрировали сокращение безработицы и устойчивый экономический рост. Одно возможное объяснение заключается в том, что в действительно чистой рыночной экономике не бывает быстрой смены подъемов и спадов, которая ассоциируется с ранней историей капитализма. Совершенному рынку соответствует совершенное знание, следовательно, рационально действующие рыночные субъекты могут в совершенстве предвидеть, что должно произойти, а потому адаптировать свое поведение таким образом, чтобы сгладить остроту ситуации. Однако действительно ли США и Британия достигли в конце столетия этой nirваны?

Нет. Знание далеко от совершенства; внешние шоковые воздействия (будь то ураганы, войны или иррациональные действия людей, поступающих отнюдь не так, как они должны поступать в теории) продолжали оказывать влияние на

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
экономику и нарушать расчеты. Как нам теперь известно, неолиберальную модель удер-живали от нестабильности, которая могла стать для нее фатальной, только две вещи: рост кредитных рынков для бедных и людей со средним достатком и рынков де-ривативов и фьючерсов – для очень богатых. Эта ком-бинация породила модель приватизированного кейн-сианства, которая исходно сложилась стихийно под воздействием рынка, но постепенно стала объектом го-сударственной политики, важным настолько, что нача-ла угрожать всему неолиберальному проекту.

Вместо правительств в долги – для стимулирова-ния экономики – стали входить частные лица. В до-полнение к росту рынка недвижимости наблюдался необычайный рост возможностей получения банков-ских займов и, что особенно важно, займов по кредит-ным картам. Для человека было обычным делом дер-жать кредитные карты от нескольких компаний и не-скольких торговых сетей.

Именно здесь лежит ответ на главный вопрос дан-ного периода: каким образом американские рабочие при их относительно небольшой зарплате, не увеличи-вавшейся в течение многих лет, и отсутствии серьез-ных гарантий от неожиданного увольнения сохраня-ли высокую потребительскую уверенность, в то время как европейские рабочие, более защищенные от поте-ри своих мест, с ежегодно растущими доходами, при-вели свои экономики в ступор, отказавшись тратить деньги? В США цены на дома росли ежегодно; вместе с ними росло и соотношение между стоимостью дома и размером займа под его залог, превысив в конце кон-цов 100%; кроме того, росли возможности получения займов по кредитным картам. За редким исключени-ем цены на европейскую недвижимость оставались стабильными. Рост займов по кредитным картам так-же был медленным.

Эксперты-ортодоксы говорили европейцам, что их экономические проблемы можно решить путем снижения защищенности трудящихся и сокращения социальных расходов. Европейские страны наконец стали – в той или иной степени – проводить эту по-литику, но позитивных результатов почти не показа-ли. Никто не сказал им, что для того, чтобы произо-шел взрыв потребительских расходов, эти незащи-щенные рабочие должны иметь возможность брать необеспеченные кредиты.

В Британии и Америке антиинфляционная направ-ленность экономической политики еще больше укре-пила эту модель. Эта политика позволила снизить цены на товары и услуги, теряющие стоимость после своего потребления. Производители продуктов пита-ния, промышленных товаров и услуг (таких, которые предлагают, например, рестораны или оздоровитель-ные центры) оказались в ситуации, когда повышение цен принималось потребителями в штыки. Это, одна-ко, не относилось к активам – вещам, которые не утра-чивают свою стоимость подобным образом: недвижи-мости, финансовым активам, некоторым предметам ис-кусства. Когда британское правительство при расчете инфляции перестало учитывать выплаты по ипотеке, но не ренту, это выглядело как политическая манипу-ляция, хотя технически было вполне корректным. Итак, активы и получаемые с них доходы не являлись объек-тами антиинфляционной неолиберальной политики. Таким образом, любое перемещение чего-либо из сфе-ры цен и зарплат, получаемых с продажи обычных то-варов, в сферу активов рассматривалось как положи-тельное явление. Это относилось, например, к выпла-те части заработной платы в акциях предприятия или к расходам, производимым благодаря пролонгирова-нию ипотеки, а не за счет собственно заработной платы.

Наконец правительства, особенно британское, по-пытались внедрить идеи приватизированного кейн-сианства (хотя само это словосочетание и не употребля-лось) в процесс разработки государственной политики. Хотя снижение цен на нефть считалось хорошей но-востью (поскольку снижалось и инфляционное давле-ние), снижение цен на недвижимость толковалось как бедствие (поскольку подрывало доверие к должникам), в связи с чем правительства старались прибегнуть к фискальным и иным мерам для того, чтобы вернуть цены к прежнему уровню. Впервые имплицитная го-сударственная поддержка данной модели была оказа-на еще в 1980-х, когда приватизация муниципального жилья позволила большой группе людей с небольшим достатком получить ипотечные кредиты и, уже позже, воспользоваться пролонгируемой ипотекой. Однако более эксплицитно политика поддержания постоян-ного роста цен на недвижимость начала проводить-ся в первые годы XXI столетия, вплоть до масштабных интервенций в финансы, связанные с недвижимостью, и в банковский сектор в целом в 2007-2008 годах.

Большая часть этих ипотечных и потребительских долгов была неизбежно не обеспечена, поскольку только в этом случае приватизированное кейнсианство могло оказывать то же стимулирующее противоциклическое воздействие, которое оказывало первоначальное кейнсианство. Займы под реальные гарантии определенно не могли помочь группам населения, не имеющим высоких доходов, продолжать траты, несмотря на незащищенность на рынке труда. Широкое распространение пролонгируемых не-обеспеченных долгов стало возможным благодаря инновациям на финансовых рынках, инновациям, которые долгое время казались прекрасным примером того, как рыночные субъекты, предоставленные сами себе, предлагают творческие решения. Благодаря рынкам деривативов и фьючерсов крупнейшие англо-американские финансовые игроки научились продавать риски. Они обнаружили, что могут покупать и продавать рискованные активы, обеспеченные только уверенностью покупателя, что и он в свою очередь найдет другого покупателя – благодаря той же уверенности. Учитывая, что рынки были свободны от регулирования и способны к экстенсивному росту, такие сделки позволяли распределить риски между очень большим числом игроков, вследствие чего люди осуществляли рискованные инвестиции, которые в иных обстоятельствах сочли бы неразумными.

Невозможность широкого распределения рисков составляла самую суть экономических коллапсов 1870 и 1929 годов. В 1940-х, судя по всему, только действия государства решили для рынков эту проблему. Однако сейчас, в полном соответствии с основными принципами и ожиданиями неоллиберализма, это должно было стать рыночным решением. Именно благодаря связи новых рискованных рынков с обычными потребителями через пролонгируемую ипотеку и долги по кредитным картам была упразднена зависимость капиталистической системы от роста зарплат, государства всеобщего благосостояния и управления спросом со стороны правительства, которые казались важными для сохранения массового потребления.

ПОСЛЕ ПРИВАТИЗИРОВАННОГО КЕЙНСИАНАСТВА: ОТВЕТСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ?

На самом деле эта зависимость была упразднена только на несколько лет. Все теории рыночной экономики исходят из допущения, что рыночные субъекты обладают полной информацией. Однако приватизированное кейнсианство основывалось на том, что знания субъектов, причем тех, которые считаются наиболее рационально действующими, то есть, финансовых институтов Уолл-стрит и лондонского Сити, были крайне несовершенными. Это было ахиллесовой пятой модели, которая соответствовала инфляционной инерционности первоначального кейнсианства. Банки и другие финансовые операторы считали друг друга изучившими и просчитавшими риски, с которыми они имели дело. Но осенью 2008 года стало очевидно, что если бы они действительно произвели эти расчеты, то отказались бы от многих совершенных ими транзакций. Похоже, что единственный расчет, который они проделали, был расчетом на то, что кто-то еще приобретет у них рискованные активы. Остается тайной, почему они (если все действовало сходным образом) отчего-то считали, что другие не рассчитывают на то же самое. Плохие долги опирались на плохие долги и так далее – пирамида росла в геометрической прогрессии.

Некоторые люди весьма обогатились в этом процессе, но это не значит, что они были паразитами. Они оставались классом, чьи частные интересы совпадали с общественными – постольку, поскольку мы все получали выгоды от роста покупательной способности, который обеспечивала система. Это справедливо по крайней мере для США, Великобритании и пары других стран. Граждане Франции, Германии и прочих стран континентальной Европы могут испытывать иные чувства по отношению к участию во всем этом своих финансовых элит, так как рост кредитования коснулся их в малой степени.

Как только приватизированное кейнсианство стало общезначимой экономической моделью, оно стало так же и неким общественным благом, несмотря на то что базировалось на действиях частных лиц. И если привлечь во внимание, что необходимым для него – тем, что его питало, – было безответственное поведение банков, неосмотрительно использовавших свои средства, следует признать, что сама безответственность стала общественным благом. Это само по себе объясняет, почему правительства должны были спасать вовлеченные во все это компании, более или менее национализируя приватизированное кейнсианство.

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org

Так завершила свои дни вторая модель примирения стабильного массового потребления с рыночной экономикой. И кейнсианство, и его приватизированный мутант-наследник продержались приблизительно по 30 лет. Когда в быстро меняющемся мире меняются также и модели – это, возможно, к лучшему. Однако возникает вопрос: как теперь примирить капитализм и демократию? Кроме того, как устранить чудовищный моральный вред, нанесенный признанием правительством финансовой безответственности в качестве коллективного блага? Политическим ответом должен быть не окрик «немедленно прекратите все это», а призыв – «пожалуйста, продолжайте брать и давать взаймы, но делайте это более осторожно». Так должно быть, поскольку в противном случае мы столкнемся с реальной угрозой коллапса всей системы.

Переход от довоенной экономики к кейнсианству, а затем – к приватизированной его форме характеризовался двумя важными моментами: наличием альтернативных идей и существованием класса, чьи интересы совпадали с интересами общества. Стало модным говорить, что в настоящее время у нас нет ни того, ни другого. Но это не так.

Многие из идей, составивших костяк неолиберализма, ждали своего часа около 200 лет, прежде чем в обновленном виде стать государственной политикой в 1970-х. Сегодня многие компоненты куда более позднего синтеза управления спросом и неокорпоративизма все еще сохраняются в экономических стратегиях небольших стран, обычно в сочетании с некоей дозой неолиберализма. В связи с этим наиболее часто упоминают, пусть и не уникальный, датский опыт соединения сильного государства всеобщего благосостояния и мощных профсоюзов с очень гибким рынком труда. Такой синтез, как кажется, решает проблему совмещения гибкости рынка и уверенности потребителей и способен запустить динамичную и инновационную экономику. В общем, нет недостатка в возможных комбинациях различных экономических политик, но есть недостаток в коалициях политических сил, способных проводить эти политики в больших экономиках; и это возвращает нас к вопросу о значимых общественных классах.

Возможно, нынешняя заносчивость финансового сектора, требующего для себя право приватизировать прибыли и социализировать убытки, подобна выступлению промышленных рабочих в 1970-х – великопечальное, предшествующее историческому закату. Но это вряд ли. Экономическое процветание все еще зависит от притока капитала с действующих рынков – куда больше, чем в 1970-х оно зависело от промышленных рабочих Запада. Географический аспект имеет здесь очень большое значение. Закат класса западных промышленных рабочих не означает заката класса промышленных рабочих в мировом масштабе. Сегодня в промышленное производство вовлечено больше людей, чем когда-либо прежде. Однако они разделены по национальным, вернее, региональным массивам, имеющим различные истории и траектории развития. Финансовый капитал нельзя уподобить массиву; скорее, он напоминает жидкость или газ, способный изменять форму и распространяться во всех направлениях и по всем регионам. Мы продолжаем зависеть как от труда, так и от капитала, но первый подчиняется принципу *divide et impera*, а второй – нет (разве что мы увидим возвращение экономического национализма и ограничение движения капитала, что приводит к распаду крупных корпораций, господствующих в мировой экономике, и к еще более глубокому экономическому падению).

Наиболее перспективной представляется модель, которая находится в возрастающей фактической зависимости от этих корпораций; логика глобализации, в которой важнейшая роль отведена ТНК, не исчезла вместе с финансовой системой. В самой сердцевине неолиберализма всегда присутствовала некая неясность: относится ли его доктрина к рынкам или к гигантским компаниям? Это отнюдь не одно и то же: чем больше в том или ином секторе доминируют гигантские компании, тем меньше остается в нем от свободного рынка, в верности которому клянутся практически все современные политики. Конечно, между гигантскими компаниями возможна жесткая конкуренция, но она не является чисто рыночной. В самом деле, последняя предполагает наличие очень большого количества субъектов, ни один из которых не способен оказать решающее влияние на ценообразование, не говоря уже о прямом влиянии в политической сфере. В условиях чистого рынка каждый принимает существующие цены, но никто не формирует их. Тот тип стратегических действий, который характеризует современные финансовые рынки (например, игра на понижение), там попросту невозможен.

Уже в самом начале неолиберальной эпохи экономисты из Чикагского университета, который принято считать колыбелью неолиберальной идеологии,

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
разработали новую доктрину конкуренции и моно-полий, вскоре повлиявшую на американских законо-дателей, подорвав старые принципы антимонополь-ного законодательства, на которых базировались аме-риканские (а также, в последнее время, европейские) законы о конкуренции. Согласно этой доктрине, для максимизации выгоды потребителя конкуренция со-вершенно необязательна. Иногда монополия, благо-даря самому факту своего доминирования на рынке, может предложить покупателям лучшую сделку, не-жели множество конкурирующих между собой фирм.

Здесь не место детально разбирать достоинства этой идеи. Мы привели ее только для того, чтобы по-казать фундаментальную двойственность в неолибе-ральном мышлении при подходе к тому, что считае-тся его базовыми характеристиками – к конкуренции и свободе выбора. Во время текущего банковского кризиса мы увидели по обе стороны Атлантики го-сударственную поддержку и благословение властями слияний и поглощений, которые значительно снизили конкуренцию и возможности для выбора.

финансовые рынки обрушились, когда фундамен-тальный критерий полного знания и прозрачности перестал работать в отношениях между банками. Если добавить к этому, что данный сектор характе-ризуют относительно низкая конкуренция и мощные гарантии со стороны государства на случай безответ-ственного поведения, то мы получим потенциально серьезную проблему легитимности системы. В то же самое время, в случае если политическая структура страны не приведет к некоему подобию «датского» ре-шения, нам придется положиться на финансовую си-стему в деле возрождения приватизированного кейн-сианства для разрешения проблем во взаимоотноше-ниях капитализма и демократии.

Первоначальной реакцией является возвращение к большему регулированию для компенсации сниже-ния конкуренции и во избежание морального уро-на; и это именно то, что происходит сейчас. Однако совсем недавно мы уже были в этой ситуации. После скандалов с Enron и World.com в начале столетия, кото-рые были – в ретроспективе – первым признаком того, что финансовые рынки не столь эффективны в саморе-гулировании, как утверждалось ранее, американский конгресс законом Сарбейнса-Оксли ужесточил требо-вания к финансовой отчетности. Это сразу же вызвало недовольство финансового сектора, чья деятельность была затруднена, а также угрозы, что крупные финан-совые компании переберутся в Лондон, где существо-вал режим большего благоприятствования.

То же самое произошло и после принятия правитель-ствами ряд мер по регулированию финансового рынка в рамках плана по его спасению. Как бы рынок дере-вативов мог начать свою работу по поддержанию вы-сокого уровня заимствований, если бы он подчинялся правилам, которые в большинстве случаев усложняли получение займов? Точно так же низко- и среднеопла-чиваемые незащищенные рабочие не смогли бы со-вершать постоянные траты, если бы не имели доступа к необеспеченным кредитам (пусть даже и не в таком безумном масштабе, который имел место). Далее, у нас будет финансовый сектор с меньшим числом крупных игроков, обладающих облегченным доступом к пра-вительству, часто формируемым самим же правитель-ством (как это было в ходе реализации мер по спасе-нию финансового сектора в 2008 году). Предполагается, что большинство правительств, которые приобретали контрольные пакеты банков в ходе непредвиденной национализации, последовавшей за коллапсом октяб-ря 2008 года, не будут использовать их в соответствии со старой моделью контролирования «командных вы-сот» в экономике: этому воспрепятствует тот факт, что крупные банки действуют на международном уров-не. Однако точно так же маловероятно, что эти банки будут приватизированы через акционирование. Ско-рее всего, они будут переданы в руки небольшого ко-личества существующих ведущих компаний, считаю-щихся достаточно ответственными, чтобы управлять ими надлежащим образом. Произойдет существен-ный сдвиг к системе, которая будет в большей степени основываться на системе сознательного согласования и регулирования. Произойдет оправдываемый аргу-ментами о необходимости проявлять гибкость и снять часть груза с плеч налогоплательщиков переход от ак-туального регулирования к принятию (труднопрове-ряемых) гарантий правильного поведения со стороны крупных финансовых кампаний.

Для того чтобы предвидеть это, вовсе не нужен хрустальный шар: такова общая тенденция в отно-шениях между государством и компаниями во всей экономике. Разделяя неолиберальные предрассуд-ки против правительства как такового, испуганные влиянием регулирования на рост, верящие в превос-ходство управляющих корпорациями над ними са-ними буквально во всем, политики все

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
больше полагаются на социальную ответственность корпораций для достижения определенных политических целей. В британском правительстве имеется даже специальный министр, отвечающий за эту сферу деятельности.

Вряд ли это можно назвать сменой модели: это просто сдвиг от нерегулируемого приватизированного кейнсианства к саморегулируемому приватизированному кейнсианству. Но некоторые аспекты этого сдвига имеют далеко идущие последствия. Во-первых, система будет все меньше легитимизироваться в терминах рынка, свободы выбора и невмешательства государства. Скорее, будут иметь место партнерство между компаниями и правительством или автономные действия компаний, одобряемые правительством, сопровождаемые многочисленными неформальными попытками восстановить уверенность. Лозунгом скорее станет «большие компании – благо для тебя», нежели «рынок – благо для тебя». В некоторых отношениях это будет подобием неокорпоративизма, но с двумя важными отличиями. Во-первых, проф-союзы не будут иметь голоса (разве что чисто символически), поскольку на уровне международных финансов они не обладают ни силой, ни компетенцией. Во-вторых, не будет компаний, участвующих в корпоративистских сделках в качестве членов ассоциаций, дающих возможность играть по одинаковым для всех правилам. Сегодня гигантские компании не имеют времени для создания ассоциаций и, выстраивая отношения с государством, стремятся к чему угодно, только не к одинаковым для всех правилам. Новая модель «ответственных корпораций», однако, уподобится корпоративизму в том, что будет ограничена уровнем национальных государств (возможно, также уровнем Европейского Союза), хотя компании останутся глобальными и сохранят возможность для перемещения в страны с лучшими для них условиями.

Во-вторых (что важно не столько в экономическом, сколько в политическом плане), эта модель усилит современные тенденции замены политической активности партий на политическую активность общественных организаций и социальных движений. Модель приведет компании к господству не в качестве лоббистов в правительстве, но в качестве творцов государственной политики (наряду с правительством или вместо него). Именно компании будут определять нормы своего поведения и практики, посредством которых будут брать на себя ответственность. Они тем самым станут самостоятельными политическими субъектами и объектами, положив конец четкому разделению между государством и частным бизнесом, которое было отличительной чертой как неолиберализма, так и социал-демократической политики. В то же самое время, когда правительства, сформированные на базе любых партий, вынуждены будут идти на сделки с компаниями, опасаясь при этом, что их страны могут стать менее привлекательными для капитала в случае выдвижения слишком больших требований, различия между партиями по основным экономическим вопросам станут еще меньше, чем сегодня. В партийной политике сохранится много такого, чем можно будет заниматься и дальше: распределение государственных расходов, вопросы мультикультурализма, безопасность. Исчезнет то, что ранее составляло сердцевину партийной политики, – базовая экономическая стратегия; надо сказать, впрочем, что в большинстве стран она исчезла уже несколько лет назад, хотя ее следы и обнаруживаются в риторике отдельных партий.

Показательно, что уже сейчас почти все крупные корпорации имеют интернет-сайты, на которых детально описывается то, как они представляют себе свои социальные обязательства, и оценивается работа по их исполнению. Так как эта область остается закрытой для партийных конфликтов, она будет становиться все более важной в политике гражданского общества. Поскольку многие из этих групп имеют транснациональный характер, эта сфера их деятельности может получить преимущество еще и потому, что она не стеснена национальными рамками так, как партийная политика. Тем не менее эта политика будет неудовлетворительной, поскольку она, сохраняя многие плохие привычки партий, будет лишена формального гражданского эгалитаризма выборной демократии. Группы активистов, так же как и партии, смогут привлекать к себе внимание, предъявляя завышенные требования к корпорациям, равно как и, наоборот, смыкаться с ними в обмен на какие-либо ресурсы. Эта борьба будет в высшей степени неравной. И это явно не тот режим, который желали получить как неолибералы, так и социал-демократы, но это именно тот режим, который мы, скорее всего, получим, и именно он сможет в очередной раз примирить капитализм и демократическую политику.

Наши прогнозы относительно общественного развития основаны на

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
экстраполяции сегодняшних тенденций. Нельзя ли добиться лучших результатов и заглянуть еще дальше в будущее? Довольно скоро глобальная экономика станет нуждаться в тра-тах (а не только в рабочей силе) миллиардов жителей Азии и Африки. Это потребует серьезных размышлений о перераспределении покупательной способности (а отнюдь не только о повышении цен на футбол-ки) и совершенно новом мировом режиме. Что может стать причиной возникновения такого нового клас-са, напоминающего в конечном счете международный пролетариат Маркса? Возможно, не его собственные идеи – куда скорее это будет радикальный ислам. Это, впрочем, станет реальной политикой не ранее чем че-рез 30 ближайших лет.

Приватизированное кейнсианство корпорации и демократия: БЕСЕДА АРТЕМА СМЕРНОВА С КОЛИНОМ КРАУЧЕМ*

* Пушкин. 2009. № 3.

Чем, по-Вашему, было вызвано появление кейнсианства в его первоначальной версии?

Первоначальное кейнсианство возникло из опыта экономических депрессий и масштабной и продолжительной безработицы, которыми характеризовались межвоенные годы в капиталистическом мире. Джон Мейнард Кейнс и некоторые шведские экономисты, мыслившие в схожем ключе и пришедшие к тем же вы-водам, считали, что эти депрессии были вызваны не-достаточным спросом и что рынок не в состоянии был справиться с проблемой своими силами. Если потен-циальным инвесторам казалось, что спрос был слабым, они просто отказывались инвестировать, что только усугубляло состояние экономики. Эти экономисты за-явили, что правительство не должно сидеть и молча смотреть на происходящее: нужно было взять инициа-тиву в свои руки и начать противодействовать кризи-су, увеличивая государственные расходы, когда спрос в частном секторе падал, и сокращая их, когда спрос возрастал и становился причиной инфляции. Во мно-гих странах правительства в межвоенные годы были слишком слабыми, чтобы проводить политику, кото-рую предлагал Кейнс. Но укрепление государства все-общего благосостояния в скандинавских странах с се-редины 1930-х создало возможности для роста государственных расходов. В Британии Вторая мировая война и резкий рост военных расходов развязали правитель-ству руки; после окончания войны правительство не от-казалось от дефицитных расходов, которые теперь уже шли не на вооружение и содержание армии, а на созда-ние государства всеобщего благосостояния. В разных странах история развивалась по-разному, но на протя-жении первых тридцати послевоенных лет в капита-листическом мире существовал консенсус, что прави-тельства должны использовать государственные рас-ходы для защиты экономики от депрессии и инфляции.

Этот политический подход был тесно связан с ро-стом влияния рабочего класса в капиталистических странах. И на то были веские причины. Во-первых, ра-бочие больше всего страдали от экономической де-прессии и безработицы. Во-вторых, они были главны-ми получателями государственных расходов, а потому при введении новых программ расходов и налогов пра-вительство всегда могло опереться на их поддержку. В-третьих, хотя кейнсианство было стратегией защиты или даже спасения капиталистической экономики, оно предусматривало активную роль правительства. А по-литика правительства была гораздо ближе к той, что пользовалась поддержкой социал-демократических партий и профсоюзов, чем к той, которую одобряло большинство буржуазных партий, хотя последние до-вольно быстро приспособились к новым условиям.

Что же заставило правительства отказаться от такой, казалось бы, продуктивной политики?

Эта история хорошо известна: их заставил пой-ти на это внезапный скачок цен на нефть и другое сы-рье в 1970-х. Инфляция, которую вызвал этот рост цен, требовала резкого сокращения, а не роста госу-дарственных расходов. Использовать для этого управ-ление спросом было политически невозможно. Это был звездный час для критиков кейнсианства, верив-ших в превосходство свободных рынков без госу-дарственного вмешательства. Люди с такими взглядами начали определять экономическую политику во мно-гих странах. Важно иметь в виду, что их приход к вла-сти стал возможен только благодаря тому, что тогда, в конце 1970-х – начале 1980-х, промышленные рабо-чие

перестали составлять значительную часть населения (а большинством они не были никогда). Произошло сокращение их численности, начали появляться новые виды занятости, и у тех, кто был с ними связан, уже не было четких политических предпочтений. То-гда-то кейнсианство и оказалось в глубочайшем кризисе: его методы не работали, а его политическая поддержка испарилась. Идея государственного управления совокупным спросом уступила место подходу, ставшему известным как неолиберализм.

Внешне неолиберализм был довольно жесткой доктриной: единственным средством борьбы с рецессией и высокой безработицей считалось снижение заработной платы до тех пор, пока она не станет настолько низкой, что предприниматели начнут снова набирать работников, и цены станут настолько низкими, что люди начнут снова покупать товары и услуги. Здесь начинается самое интересное: не будем забывать, что современный капитализм зависит от расходов массы наемных работников, которые платят за товары и услуги. Как можно поддерживать спрос у людей, которые постоянно вынуждены жить в страхе лишиться работы и средств к существованию? И как вообще двум странам, наиболее последовательно проводившим неолиберальную политику, – Британии и США – удавалось поддерживать уверенность потребителей на протяжении целого десятилетия (1995–2005), когда неолиберализм достиг своего расцвета?

Ответ прост, хотя он долгое время не был очевиден: потребление наемных работников в этих странах не зависело от положения на рынке труда. У них появилась возможность брать кредиты на невероятно выгодных условиях. Этому способствовало два обстоятельства.

Во-первых, большинство семей в этих и многих других западных странах брали кредиты на покупку жилья, а цены на недвижимость год от года росли, создавая у заемщиков и кредиторов уверенность, что эти кредиты надежны. Во-вторых, банки и другие финансовые институты создали рынки так называемых производных ценных бумаг или деривативов, на которых продавались долги, а риски, связанные с кредитами, распределялись среди множества игроков. Вместе эти два процесса привели к тому, что стало возможно предоставлять все большие кредиты все менее состоятельным людям. Нечто подобное, хотя и в меньшем масштабе, имело место с долгами по кредитным картам. В конце концов выросла огромная гора ничем не подкрепленных долгов. Банки утратили доверие друг к другу, и наступил финансовый крах.

Так что неолиберализм не был такой уж жесткой доктриной, какой казался. Если кейнсианство поддерживало массовый спрос за счет государственного долга, то неолиберализм попал в зависимость от гораздо более хрупкой вещи: частных долгов миллионов относительно бедных граждан. Долги, необходимые для поддержки экономики, были приватизированы. Поэтому я и называю режим экономической политики, при котором мы жили последние пятнадцать лет, не неолиберализмом, а приватизированным кейнсианством.

Что будет дальше? Следует ли нам ожидать масштабной национализации или радикального дерегулирования? Какой политико-экономический режим придет на смену приватизированному кейнсианству?

Будем реалистами: предложения радикальных левых и правых не встретят поддержки избирателей, да и правительствам они неинтересны. Никто не собирается переходить к социализму, а поскольку для сохранения капитализма нужно иметь уверенных потребителей, то режим приватизированного кейнсианства сохранится, хотя и в преобразованном виде.

Распространенные страхи перед национализацией банков и крупных компаний едва ли оправдаются, так как в этом не заинтересованы ни правительство, ни сами банки. Скорее всего, ими будут управлять немногочисленные корпорации, признанные достаточно ответственными. Постепенно мы придем к более согласованной системе, основанной на добровольном регулировании и управляемой небольшим числом корпораций, поддерживающих тесные связи с правительством.

Здесь и гадать нечего: такова общая тенденция в отношениях государства и корпораций и кризис приведет лишь к ее усилению. Политики, разделяя неолиберальные предрассудки относительно государства как такового и считая, что руководство корпораций лучше знает, что нужно делать, все чаще будут опираться на корпоративную социальную ответственность в деле

Постдемократия. Колин Крауч filosoff.org
достижения определенных политических целей. Крупный бизнес бы-вает очень умен и знает, как отвлекать от себя внимание недовольных и отвергать выдвигаемые обвинения, дей-ствуя на опережение и, когда надо, договариваясь.

При таком режиме наверняка будет меньше разго-воров о рынке, свободе выбора и ограничении участия государства в экономике. Скорее, между компания-ми и правительством сложатся партнерские отноше-ния. Главным лозунгом будет не «рынок – это благо», а «корпорации – это благо».

какие это будет иметь политические последствия?

Это, безусловно, приведет к росту влияния корпо-раций на политику: они будут выступать не столько в роли лоббистов, сколько в роли разработчиков госу-дарственной политики вместе с правительствами или даже вместо них. Корпорации выработают для себя соответствующие кодексы поведения и формы ответ-ственности. Они станут едва ли не главными поли-тическими субъектами. Партии, будь то правые или левые, вынуждены будут пойти на сделки с корпора-циями, а различия между их экономическими про-граммами и реальной политикой станут еще менее за-метными, чем сейчас. В партийной политике сохра-нится много такого, чем можно будет заниматься и дальше: распределение государственных расходов, вопросы мультикультурализма, безопасность. Исчез-нет то, что раньше составляло сердцевину партийной политики, – базовая экономическая стратегия; надо сказать, впрочем, что в большинстве стран она исчез-ла уже несколько лет назад, хотя ее следы и обнаружи-ваются в риторике отдельных партий.

Конечно, этот режим будет не по нраву ни неолибе-ралам, ни социал-демократам, но именно этот режим мы, скорее всего, получим, и именно он сможет в оче-редной раз примирить капитализм и формально демо-кратическую политику.

Демократическую? На ум приходят слова американско-го политического ученого Чарльза Линдблома, сказанные им еще в 1976 году: «Крупные частные корпорации плохо вписываются в демократическую теорию. По правде го-воря, они вообще в нее никак не вписываются».

Что ж, согласен. Пять лет назад ровно об этом я напи-сал книгу с красноречивым названием «Постдемокра-тия». Конечно, это означает определенный отход от де-мократии и не вызывает большого восторга, но в кон-це концов выбор у нас невелик – либо ответственные корпорации, либо безответственные. Лучше иметь пер-вые, а не вторые.

Не имеем ли мы здесь дело с очередной версией «конца истории», на сей раз корпоративного?

Конечно, нет. Это лишь идеальный тип будущего ре-жима. Но сложность реальной жизни исключает воз-можность его чистого воплощения. Рано или поздно внутренние противоречия дадут о себе знать. У Гегеля был интересный персонаж – «крот истории». Он про-должает копать.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!